

ТОБОЛЬСК: ВРЕМЕНА, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

**ТРУДЫ
ТОБОЛЬСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ
НАУЧНОЙ СТАНЦИИ УРО РАН**

Выпуск 5. Исторические науки

**Тобольск
2017**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ТОБОЛЬСКАЯ КОМПЛЕКСНАЯ НАУЧНАЯ СТАНЦИЯ
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ТОБОЛЬСК : ВРЕМЕНА, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

**ТРУДЫ
ТОБОЛЬСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ
НАУЧНОЙ СТАНЦИИ УрО РАН**

Выпуск 5. Исторические науки

**Тобольск
2017**

**УДК 94 (571.12)
Т 50**

*Печатается
по решению Ученого совета
ТКНС УрО РАН*

Редакционная коллегия:
кандидат исторических наук *А.И. Татарникова*
(ответственный редактор)
кандидат исторических наук *Н.И. Загороднюк*
кандидат исторических наук *З.А. Тычинских*

Рецензент:
доктор исторических наук, профессор *Н.Н. Родигина*

Тобольск : времена, события, люди : коллект. моногр. / Труды Тобольской комплексной научной станции УрО РАН. Вып 5. Исторические науки / отв. ред. А.И. Татарникова. Тобольск: ТКНС УрО РАН, 2017. 202 с.

В предлагаемой читателям коллективной монографии исследуются актуальные вопросы политического, социально-экономического и культурного развития г. Тобольска в конце XVI – XX вв. Подготовка и издание монографии приурочено к 430-летию города.

Монография адресована специалистам в области отечественной истории, регионоведения, а также преподавателям, аспирантам, студентам вузов и всем, кто интересуется историей Сибири.

На обложке – фото В. Александрова.

ISBN 978-5-9908628-6-9

© Тобольская комплексная научная
станция УрО РАН, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
РАЗДЕЛ I. «ГРАД ТОБОЛЕСК» В ПЕРВОЕ СТОЛЕТИЕ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ (КОНЕЦ XVI–XVII ВВ.)	
1.1. ГОРОДИЩЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА МЫСУ ЧУКМАН В ГОРОДЕ ТОБОЛЬСКЕ (А.А. Адамов, Н.П. Турова)	7
1.2. О ЛОКАЛИЗАЦИИ ПОЛЯ СРАЖЕНИЯ 23 ОКТЯБРЯ 1582 Г. МЕЖДУ ВОЙСКОМ ХАНА КУЧУМА И КАЗАЧЬИМ ОТРЯДОМ ЕРМАКА (К ПРЕДЫСТОРИИ ОСНОВАНИЯ Г. ТОБОЛЬСКА) (А.В. Нескоров)	16
1.3. «ПОСТАВЛЕНИЕ» ТОБОЛЬСКА В ИЗОБРАЖЕНИИ СИБИРСКИХ ЛЕТОПИСЦЕВ XVII В. (ФАКТЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ) (Я.Г. Солодкин)	28
1.4. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА ТОБОЛЬСКА В КОНЦЕ XVI–XVII ВЕКАХ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (И.В. Балюнов)	36
1.5. ВОЕННО-СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ ТОБОЛЬСКА В XVII В. (З.А. Тычинских) ...	43
1.6. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРОДА ТОБОЛЬСКА (П.Г. Данилов)	54
1.7. ТРОИЦКИЙ МЫС ТОБОЛЬСКА В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (Е.П. Загваздин)	61
РАЗДЕЛ II. ТОБОЛЬСК СТОЛИЧНЫЙ – ТОБОЛЬСК ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ (XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)	
2.1. ТОБОЛЬСКИЕ КУПЦЫ И СИБИРСКАЯ МАНУФАКТУРА (Н.А. Мурашова)	69
2.2. ЭВОЛЮЦИЯ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ Г. ТОБОЛЬСКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – XIX ВВ. (И.С. Томилов)	73
2.3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ «ТОБОЛЬСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» В ПЕРВЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ (Т.А. Кибардина)	81
2.4. «МИРАЖИ СТОЛИЧНОСТИ»: ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ ТОБОЛЬСКА В ПУТЕВЫХ ЗАПИСКАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. (Н.Н. Родигина)	91

2.5. МЕДИКО-САНИТАРНЫЕ УСЛОВИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ТОБОЛЯКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (А.И. Татарникова)	102
2.6. ТЮРЬМА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ТОБОЛЬСКА) (Н.И. Загороднюк) ...	112
РАЗДЕЛ III. НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ТОБОЛЬСКА XX В.	
3.1. ТОБОЛЬСКИЕ ДЕПУТАТЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ I– IV СОЗЫВОВ (ПО ДОКУМЕНТАМ ГБУТО ГА В Г. ТОБОЛЬСКЕ) (Д.И. Акбердеева)	122
3.2. ТОБОЛЬСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПРИХОДСКОЕ СРЕТЕНСКОЕ БРАТСТВО В НАЧАЛЕ XX В. (О.П. Цысь)	131
3.3. ЗАРОЖДЕНИЕ ТОБОЛЬСКОГО ОБЪ-ИРТЫШСКОГО СОЮЗА КООПЕРАТИВОВ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС (В.В. Аксарин)	138
3.4. ТОБОЛЬСК НЭПОВСКИЙ, ТОБОЛЬСК ТЕАТРАЛЬНЫЙ (Н.И. Загороднюк)	145
РАЗДЕЛ IV. ИСТОРИЯ ТОБОЛЬСКА В ЛИЦАХ	
4.1. СВЯТИТЕЛЬ ИОАНН, МИТРОПОЛИТ ТОБОЛЬСКИЙ И СИБИРСКИЙ, В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (А.А. Валитов)	155
4.2. ПРОФЕССОР А.И. АРНГОЛЬДТ – ДИРЕКТОР ТОБОЛЬСКОЙ МУЖСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ГИМНАЗИИ (В.С. Сулимов)	162
4.3. «СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ» В ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОМ ЛОКУСЕ ТОБОЛЬСКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – СЕРЕДИНЫ XX ВВ. (МУЗЕЕФИКАЦИЯ ФЛИГЕЛЯ УСАДЬБЫ А.А. ДУНИНА-ГОРКАВИЧА) (Е.А. Юнина, М.В. Юнина)	168
4.4. ВКЛАД Г.Я. МАЛЯРЕВСКОГО В РАЗВИТИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. (Т.И. Солодова)	180
4.5. М.Н. КОСТЮРИНА – ЗАБЫТЫЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРТРЕГЕР (Д.Ю. Федотова)	195
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	200

ВВЕДЕНИЕ

В 2017 г. город Тобольск отмечает свое 430-летие. Для среднестатистического российского города это достаточно зрелый возраст, демонстрирующий его жизнеспособность и устойчивость развития. Возникнув в 1587 г. как небольшой острог, Тобольск стал ключевым форпостом для дальнейшего проникновения русских первопроходцев в Сибирь, освоения ее необъятных просторов.

На протяжении своей истории город неизменно служил интересам Российского государства, сначала выполняя функции опорно-оборонительного пункта на чужой, по сути, территории, затем являясь административным центром, осуществлявшим управление всей Сибирью, а с конца XVIII в. – ее северо-западной частью. В XIX в. былое значение Тобольска как столицы сибирской окраины было подорвано ростом торгово-экономического веса южных городов региона (Тюмени, Омска), через которые в конце века была проложена транссибирская железнодорожная магистраль, давшая импульс для более интенсивного развития края. Тобольск же, оставшись в стороне от «чугунки», продолжал терять свое былое значение, постепенно превращаясь в тихий провинциальный городок. Неизменным оставалась лишь репутация бывшей сибирской столицы как города тюрьмы и ссылки.

В 1919 г. в результате переименования Тобольской губернии в Тюменскую, город лишился административных функций, передав их Тюмени. Вплоть до 1970-х гг. Тобольск жил спокойной размеренной жизнью городского поселения, утратившего былое величие и хранящего в памяти своих жителей, архивных документах, памятниках культуры многочисленные свидетельства далекого прошлого.

Строительство нефтехимического комплекса, введенного в эксплуатацию в 1976 г., стало новым стимулом для развития Тобольска. Благодаря усилиям администрации города и области, помощи федеральных властей, Тобольск постепенно оживал, развивая экономическую и социальную инфраструктуру, реставрируя объекты историко-культурного наследия, благоустраивая городскую среду.

В 2000-е гг. город с его специфической архитектурой и природными ландшафтами становится туристическим центром Сибири. Дальнейшее развитие получает нефтехимический комбинат, запускается новое крупнейшее в России производство полипропилена (Тобольск-Полимер,

2013 г.). Тобольск превращается в огромную строительную площадку, на которой возводятся новые предприятия, жилые дома, объекты инфраструктуры, реставрируются памятники истории и культуры.

Сегодня Тобольск сочетает в своем облике тенденции современного строительства с сохранением исторического колорита жилых домов и общественных учреждений. Город имеет большие перспективы для социально-экономического и культурного развития, привлечения новой рабочей силы на строящиеся предприятия, притягивания туристов, ученых, работников культуры, но главное – он создает комфортные условия для жизни тоболяков.

Уверенная поступь Тобольска в темпах развития дает надежды на его дальнейшее успешное будущее на многие века вперед.

Настоящая коллективная монография посвящена отдельным аспектами истории Тобольска, что продиктовано необходимостью более глубокого научного исследования и переосмысления прошлого города, а также стремлением расширить горизонты знаний подрастающего поколения (школьников, студентов), преподавателей учебных заведений, горожан, туристов, проявляющих интерес к древней столице Сибири.

Авторы монографии обращают внимание на малоизученные сюжеты истории города на разных этапах его развития. В первом разделе преимущественно представлены результаты археологических исследований, проведенных на территории Тобольска в первые столетия его существования (конец XVI – XVII вв.). Во втором разделе монографии рассмотрены сюжеты политического, экономического и социокультурного развития города в XVIII – XIX в., в третьем – неизвестные страницы его прошлого в XX в. Последний, четвертый раздел, посвящен известным личностям, оставившим свой значимый след в истории Тобольска.

Таким образом, данная книга обобщает результаты многолетней работы авторов, предметом внимания которых были различные малоизученные аспекты многовековой истории Тобольска, их осмысление и интерпретация.

РАЗДЕЛ I

«ГРАД ТОБОЛЕСК» В ПЕРВОЕ СТОЛЕТИЕ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ (КОНЕЦ XVI–XVII ВВ.)

1.1. ГОРОДИЩЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА МЫСУ ЧУКМАН В ГОРОДЕ ТОБОЛЬСКЕ*

Несмотря на то, что исследования археологических памятников, расположенных в границах современного города Тобольска, были начаты еще в XIX в. [1, с. 6], городская археология, ставящая своей задачей изучение культурных напластований русского периода, ведет свою историю лишь с 70-х гг. XX в. При этом широкомасштабные раскопки в исторической части города начинаются лишь с конца 1990-х гг. в связи со строительными и реставрационными работами [2; 3, с. 25-27; 4; 5]. В ходе этих исследований были получены хотя и немногочисленные, но неоспоримые свидетельства заселения края террасы Алафейской горы в районе современного Тобольска еще в древности [6].

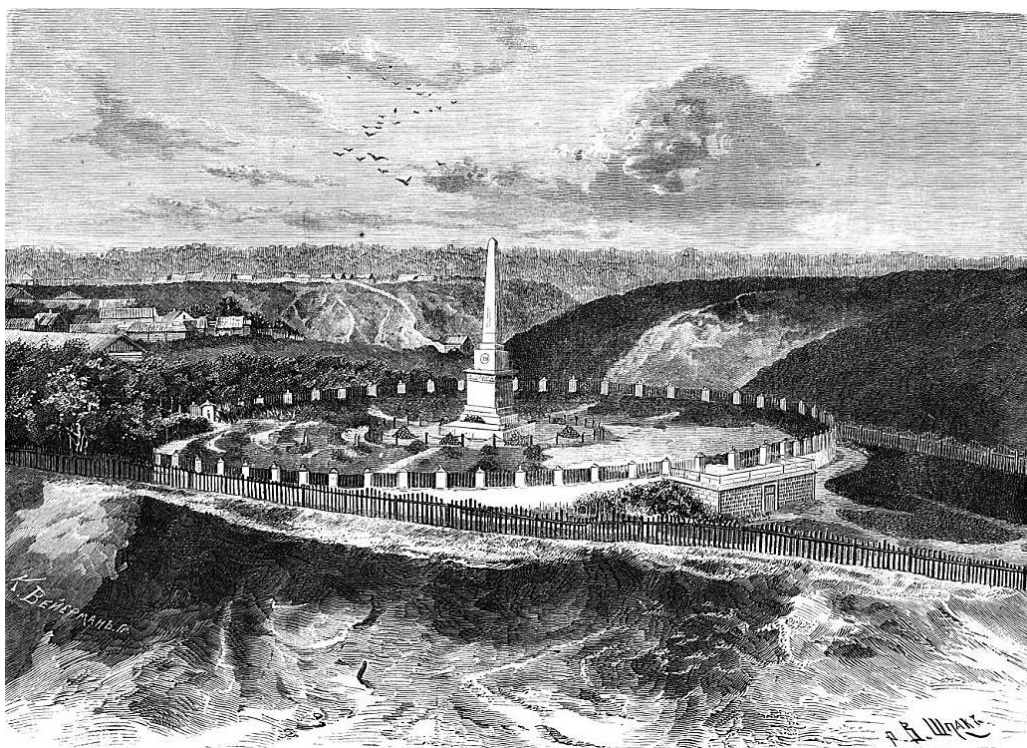
Алафейская гора – часть 60-метровой коренной террасы правого берега р. Иртыша в районе современного Тобольска. Город уже в XVII в. занимал три мыса Алафейской горы: Вознесенский (самый западный, находится между Прямым взвозом и р. Иртышом), Троицкий (средний мыс, находится между Прямым и Никольским взвозами) и Чукман (самый восточный мыс, расположен между Никольским и Казачьим взвозами).

Мыс Чукман представляет собой площадку в форме вытянутого треугольника, с одной стороны образованную глубоким логом, спускающимся к р. Курдюмке, с другой (западной) – Прямым взвозом. В XVII–XVIII вв. здесь располагались жилые дома с хозяйственными строениями и огородами. Часть земель на мысу Чукман находилась во владении архиерейского дома, а на остальной располагались обывательские дома (в начале XIX в. их было 16) [7, с. 162–163].

В связи с реализацией проекта по установке памятника покорителю Сибири в 30-х гг. XIX в. светская власть выкупает земли на «бугре

* Работа подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2015-0003 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н.э. – II тыс. н.э.)»

Чукман» у епархиального ведомства, платит за снос частных домов [7, с. 162] и в южной части мыса в 1839 г. открывает мраморный обелиск Ермаку. С этого времени (насколько можно судить по фотографиям и гравюрам XIX в.) и вплоть до настоящего момента рельеф Чукманского мыса практически не изменился. К югу от горизонтальной площадки, на которой установлен названный памятник, поперек мыса шел полутораметровый уступ (*рис. 1*), за которым поверхность мыса продолжала плавно понижаться до самой стрелки (разница высот между самой южной оконечности мыса и горизонтальной площадки у памятника Ермаку составляет почти 3 метра). До момента начала строительных работ по благоустройству сада Ермака в 2012 г. никаких следов существовавших ранее укреплений на мысу не прослеживалось.

*Рис. 1. Сад Ермака в Тобольске. Гравюра с фотографии 60-х гг. XIX в.
[по: Нива : Иллюстрированный журнал для семейного чтения. СПб., 1870. С. 341]*

Впервые сведения о том, что на Чукманском мысу, «на том месте, где воздвигнут памятник Ермаку», существовало «совершенно уничтоженное» городище Чукман, приводятся в публикации И.Я. Словцова, который получил эту информацию от тобольского художника, краеведа М.С. Знаменского [8, с. 8]. В материалах к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья, составленной И.А. Талицкой, отмечено Тобольское 1-е (Чукман) городище, при этом исследователь опирался на рукописный текст И.Я. Словцова, хранящийся в архиве Музея антропологии в Москве [9, с. 268].

Для проверки этих сведений А.А. Адамовым в 1999 г. на верхней площадке мыса, вблизи обелиска Ермаку, было заложено два шурфа, в которых кроме культурного слоя г.Тобольска были обнаружены фрагменты сосудов эпохи средневековья. Несмотря на то, что непо потревоженного культурного слоя и каких-либо сооружений эпохи средневековья не было выявлено, был сделан вывод о существовании на Чукманском мысу памятника потчевашской культуры – поселения Чукман [3, с. 30].

В 2005 г. А.А. Адамовым были проведены небольшие разведочные работы на территории Сада Ермака: заложены три шурфа возле монумента атаману Ермаку и братских могил 1919 и 1921 гг. [5]. В результате работ в шурфах № 2-3, примыкавших вплотную к монументу жертвам кулацко-эсеровского мятежа и памятнику Ермаку, были найдены в переотложенных слоях фрагменты керамики раннего железного века (РЖВ) и раннего средневековья [10, с. 5, 7].

В 2007–2009 гг. на восточной оконечности Чукманского мыса проводили археологические исследования тюменские археологи. Площадь исследованного ими культурного слоя составила 334 кв. м, но следов ранних укреплений (до 1687 г.) выявлено не было [11].

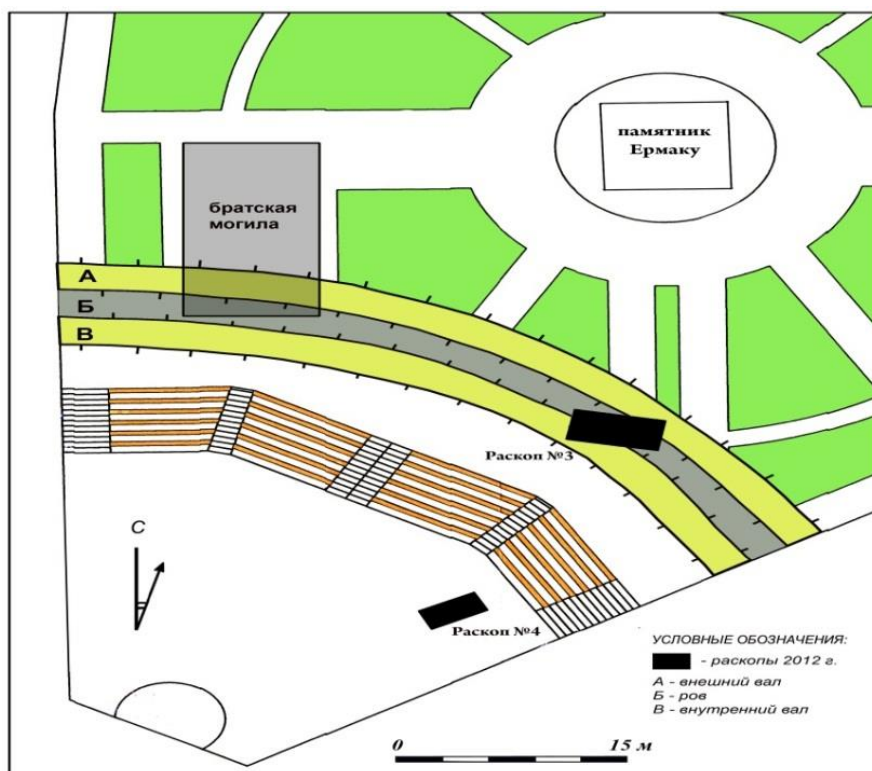

Рис. 2. Схема расположения раскопов на мысу Чукман и реконструкция фортификационной системы городища Чукман (Тобольское I-е)

Лишь результаты охранных раскопок 2012 г., проведенных тобольскими и тюменскими археологами [5; 12], смогли подтвердить правильность информации М.С. Знаменского о существовании древнего

городища в исторической части г. Тобольска. Археологические исследования проводились в связи с благоустройством Сада Ермака и планировавшегося сооружения пешеходного моста через Никольский взвоз. В зоне реконструкции сада были заложены три раскопа с целью изучения участков культурного слоя и связанных с ним объектов, находившихся под угрозой разрушения. Для нас представляют интерес раскопы № 3-4, расположенные на южной оконечности мыса (рис. 2).

Раскоп 3, площадь 18 кв. м, был заложен в 22 м к югу от обелиска Ермаку, на краю уступа, перерезавшего мыс. Мощность культурного слоя в раскопе составила от 230 до 290 см. При этом в шурфе 2005 г., примыкавшем к обелиску с северной стороны, мощность культурного слоя составляла около 1 м [10, рис. 27]. В процессе разборки основных слоев на площади раскопа 3 удалось проследить двенадцать условных горизонтов, из которых происходила репрезентативная коллекция артефактов. Столь мощный культурный слой связан с выравниванием поверхности мыса при строительстве обелиска Ермаку. Эти работы и привели к появлению полутораметрового уступа к югу от памятника.

Мощные культурные напластования верхних шести горизонтов (в среднем, глубина их залегания составляет около 1 м от дневной поверхности) связаны с жизнедеятельностью тоболяков в XVII – начале XIX вв., а также с мероприятиями по установке памятника покорителю Сибири и обустройству территории с 30-х гг. XIX в. по начало XX в. (например, в 1903 г. проводились работы по демонтажу фундаментов ограды, возведенной ранее вокруг памятника) [3, с. 30]. Кроме двух ям XIX в., попавших в раскоп частично, единственным объектом русского периода, выявленным на площади раскопа 3, следует считать угол котлована от срубной землянки XVII или XVIII вв., от которой лишь в западном профиле фиксировались угловые бревна конструкции, сложенные «в лапу».

Напластования нижней части стратиграфических колонок (7–12 условные горизонты) преимущественно связаны с культурой древнего, дорусского, населения края и относятся к широкому хронологическому отрезку: от эпохи поздней бронзы до раннего средневековья. Находки эпохи поздней бронзы представлены немногочисленными фрагментами керамической посуды и костяным наконечником стрелы. Эпоху РЖВ документируют фрагменты лепных сосудов (рис. 3; 4), а также обломок бронзовой отливки кулайского облика.

Из сооружений, относящихся к дорусскому периоду, были выявлены гребни двух валов и ров (рис. 2). Так как размеры раскопа невелики, а сам он перерезал фортификационную линию по диагонали, выявленные объекты были исследованы не полностью. Ширина рва в верхней его части составляет около 3,5 м. Высота внутреннего (южного) вала от дна рва составляет около 135 см, высота внешнего (северного) – около 150 см.

Гребни вала сложены из серовато-желтого суглинка, в толще которого выявлены артефакты эпохи поздней бронзы. Вкупе с многочисленной коллекцией эпохи РЖВ это является косвенным свидетельством того, что время возведения фортификационной системы относится к РЖВ. Средневековые артефакты немногочисленны и представлены мелкими невыразительными фрагментами лепных сосудов. Они были найдены в слоях «русского» периода, а также в гумусированном слое, образовавшемся во рву.

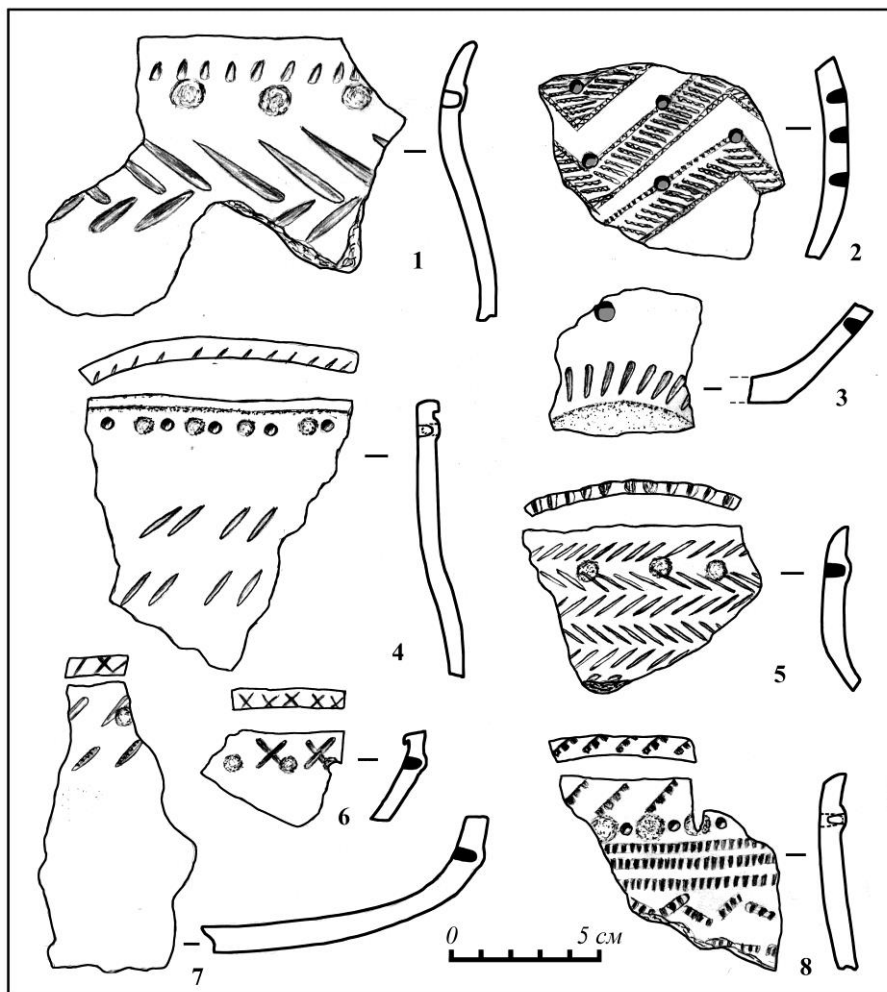

Рис. 3. Лепная керамика из раскопов 2012 г.

Археологи, неоднократно производившие раскопки на Чукманском мысу, ни разу не закладывали раскоп на самом краю мыса, имеющем значительное понижение по сравнению с прилегающей площадкой, вероятно, считая, что культурный слой здесь был полностью уничтожен в результате работ по благоустройству. И только после того, как строителями вдоль оконечности мыса была выкопана траншея шириной до 3 м для сооружения подпорной стенки, в выкидах земли были обнаружены многочисленные фрагменты керамики РЖВ, указывающие на сохранность

культурного слоя на данном участке. Зачистка стенки траншеи показала, что мощность культурного слоя здесь достигает 135 см.

Раскоп 4 был разбит практически вплотную к вышеупомянутой траншее, в юго-восточной части мыса, где прослеживалось значительное понижение уровня дневной поверхности по сравнению с участком, на котором зафиксированы следы фортификационной системы. Дневная поверхность площадки городища (на участке разбивки раскопа 4) находилась на 265 см ниже уровня дневной поверхности раскопа 3. Это было отчасти обусловлено особенностями древней топографии мыса, повышающегося в северном направлении (уровень материка в раскопе 3 в среднем находится на 130 см выше, чем уровень материка в раскопе 4), а также антропогенным фактором.

Площадь раскопа № 4 – 8 кв. м; мощность культурного слоя – около 1,4 м. Раскопом был выявлен весьма незначительный городской слой (учитывая общую стратиграфическую ситуацию в г. Тобольске), который может быть датирован в пределах XVII–XVIII вв. Судя по всему, на самой оконечности Чукманского мыса долгое время располагались лишь огороды тоболяков, отделенные друг от друга заборами в виде тына (остатки такого забора выявлены в раскопе). Ниже прослеживался мощный и весьма насыщенный находками слой эпохи РЖВ. Керамическая коллекция представлена фрагментами от 52 сосудов, причем более крупными, по сравнению с фрагментами из коллекции раскопа 3; развалов не обнаружено. Следов каких-либо сооружений этого периода в раскопе не выявлено.

Обобщая материал из раскопов 3 и 4, можно сказать, что наиболее ранний период заселения Чукманского мыса маркирует керамика эпохи поздней бронзы сузгунского облика (XII–VIII вв. до н.э.), происходящая преимущественно из напластований, слагающих фортификационную систему городища (раскоп 3). Найденны фрагменты девяти сосудов (в том числе одного плоскодонного), декорированных по всей поверхности ямочными вдавлениями, зигзагообразными лентами, заполненных отпечатками гребенчатого штампа (*рис. 3, 2-3*). Аналогии данной керамике имеются на культовом месте Сузгун 2 [13, с. 121, табл. I, 11], городище Потчеваш [14].

Коллекция керамической посуды РЖВ представлена фрагментами от 80 сосудов (*рис. 3, 1, 4-8; 4, 1-7*). Сосуды круглодонные, горшковидной, чашевидной формы, один сосудик представляет собой блюдо небольшого диаметра (*рис. 3, 7*). Орнаментальное поле редко спускается ниже плечиков сосуда. Керамика преимущественно толстостенная, большинство сосудов декорировано каплевидными вдавлениями (*рис. 4, 6-7*). На трех сосудах имеются ряды глубоких защипов, выполненных пальцами рук (*рис. 4, 1, 4*). Подобная керамика имеется в коллекции с городища Ивановское [15, с. 50]. Встречаются защипы и на керамике из верхних

горизонтов культового места эпохи поздней бронзы Сузгун II [13, с. 120]. На 16 сосудах с городища Чукман имеются гладкие листовидные отпечатки палочки (рис. 3, 4, 5, 7), на нескольких – резной орнамент (рис. 3, 1). На одиннадцати сосудах присутствует гребенчатый штамп (рис. 3, 8; 4, 5). На подавляющем числе венчиков имеется ряд жемчужин, ямок или даже ряд из чередования первых и вторых (рис. 3, 4, 8). Еще на четырех сосудах – штамп уточка или змейка (рис. 4, 2-3). Мотивы орнаментации представлены горизонтальными рядами от ямочных вдавлений, жемчужин, защипов, угла палочки, наклонными оттисками гладкой палочки или гребенчатого штампа. Распространена и горизонтальная елочка из оттисков штампа.

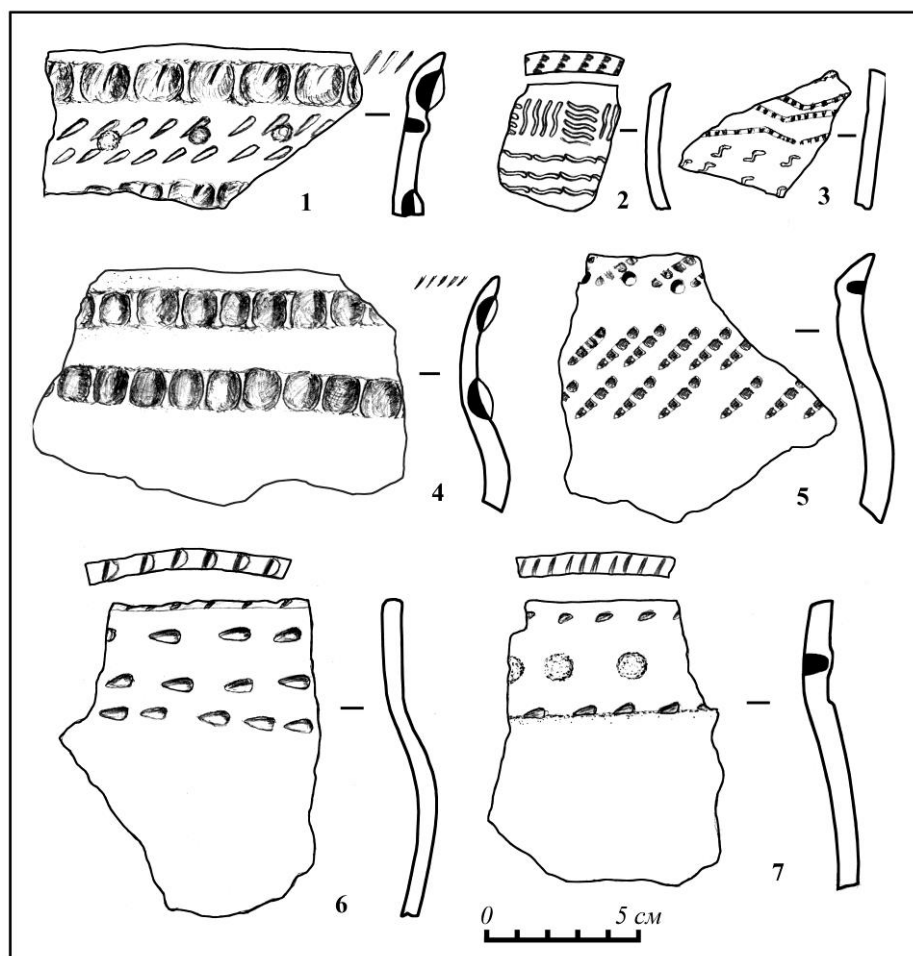

Рис. 4. Лепная керамика из раскопов 2012 г.

Предварительный анализ керамической коллекции эпохи РЖВ показывает, что данный комплекс сохраняет некоторые черты сходства с сузгунской керамикой эпохи поздней бронзы (глубокие защипы), отдельные сосуды по орнаментике близки к керамике саргатской, богочановской и кулайской культур. Однако полные аналогии нашему комплексу представлены на многослойных городищах Ивановское 1 и Старый Погост, расположенных в Тобольском Прииртышье. Культурно-

хронологическая привязка вышеуказанных памятников окончательно не определена. Так, керамическая коллекция с Ивановского городища рассматривалась в литературе как ивановско-баитовская, раннекулайская, новочекинская и богочановская [16, с. 122]. Керамика городища Старый Погост также представлена несколькими культурно-хронологическими группами, имеющими саргатские, богочановские, саровские, кашинские черты [16, с. 122]. Трудность и некоторая условность в разграничении материалов и их культурно-хронологической интерпретации объясняется исследователями отставанием в изучении РЖВ таежного Прииртышья по сравнению с другими районами Западной Сибири [17, с. 3].

Предварительно основная часть керамической коллекции городища Чукман отнесена нами к богочановской культуре, памятники которой локализованы в южнотаежном Прииртышье и представлены селищами, городищами и курганными могильниками; датируется VI–II вв. до н. э. и соотносится с двумя этапами – журавлёвским (VI–VI вв. до н. э.) и богочановским (IV–II вв. до н. э.) [17, с. 81, 109]. Однако эта датировка не является бесспорной [18, с. 74–75]. Керамика с городища Чукман ближе всего к керамике богочановского этапа, а значит, может быть датирована в пределах IV–II вв. до н.э., учитывая то, что с рубежа II–I вв. до н. э. в Тобольское Прииртышье начинается активное продвижение племен кулайской культуры [19, рис. 48], вытеснивших из южнотаежных районов прежнее население. Такая смена культур хорошо прослежена на материалах городища Старый Погост, в культурном слое которого керамика, близкая к богочановской культуре, залегает ниже слоя с керамикой саровского этапа кулайской культуры [16, с. 126]. Во время наших исследований на разрытых техникой участках Чукманского мыса были найдены две медные античные монеты г. Пантикапея, датирующиеся самым началом III в. до н.э. Случайно найденные монеты не позволяют нам утверждать, что они точно происходят из слоя памятника, но их датировка в целом укладывается в рамки существования городища.

Таким образом, охранные археологические работы 2012 г. показали, что Чукманский мыс был заселен еще в эпоху поздней бронзы населением сузгунской культуры. Была подтверждена информация М.С. Знаменского о существовании городища в саду Ермака, на самом краю Чукманского мыса. Площадка городища Чукман (Тобольское 1-е), повторяющая форму мыса, в плане имела, судя по всему, подтреугольную форму. Площадь городища – около 1800 кв. м. Фортификационные земляные сооружения, состоящие как минимум из двух валов и рва, полукругом защищали городище с напольной (северной) стороны. Городище было сооружено и функционировало в эпоху РЖВ (IV–II вв. до н.э.). Чуть позднее мыс становился кратковременным пристанищем носителей кулайской культуры, а в раннем средневековье и потчевашской (VI–IX вв. н.э.). С 1587 г. по начало XIX в. на мысу проживало русское население

г. Тобольска. С момента установки памятника Ермаку в 1839 г. и вплоть до настоящего времени Чукманский мыс является местом отдыха тоболяков.

1. Адамов А.А. Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. Тобольск – Омск: ОмГПУ, 2000. 95 с.
2. Адамов А.А. Археологические исследования в Тобольском кремле // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11-13 декабря 2000 г., Тобольск). Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2000. С. 450–451.
3. Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.
4. Данилов П.Г. Археологические исследования на месте Никольской церкви Тобольского кремля // Тобольск научный – 2013. Тобольск: Тобольская типография, филиал ОАО «Тюменский издательский дом», 2013. С. 259–260.
5. Данилов П.Г. Археологические исследования в Саду Ермака г. Тобольска // Тобольск научный – 2016: Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (г. Тобольск, 10 – 11 ноября 2015 г.). Тобольск: Принт-Экспресс, 2016. С. 147–149.
6. Загваздин Е.П. К вопросу о раннем культурном слое Троицкого мыса г. Тобольска // Тобольск – врата Сибири: Актуальные вопросы истории города и региона XVII–XX вв.: темат. сб. науч. тр. / колл. авторов; отв. Ред. Ю.М. Гончаров. Тобольск: Изд-во ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2012. С. 12–18.
7. Коньков Н.Л. Свидетели минувших лет: Тобольские места памяти // Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска»: 20 лет вместе. Тобольск, 2014. С. 149–179.
8. Словцов И.Я. Материалы о распределении курганов и городищ в Тобольской губернии. Томск: Типо-литография В.В. Михайлова и П.И. Макушина, 1890. 22 с.
9. Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1953. № 35. С. 242–357.
10. Адамов А.А. Археологические исследования на территории Сада Ермака осенью 2005 г. Тобольск, 2005 // Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник (ТИАМЗ). Научный архив. Д. 1736.
11. Матвеев А.В., Аношко О.М., Клименко А.И. Остатки старинных тобольских укреплений на мысу Чукман // АВ ORIGIN: археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Вып. 4 / под ред. д.и.н., проф. Н.П. Матвеевой. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2012. С. 76–91.
12. Матвеев А.В. Отчет об охранных археологических исследованиях в зоне благоустройства Сада Ермака в г. Тобольске в 2012 году. Тюмень, 2013 // ИПОС СО РАН. Архив.
13. Мошинская В.И. Сузгун II – памятник эпохи поздней бронзы лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1957. № 58. С. 114–135.
14. Стефанов В.И. Сузгунские погребения на Потчеваше // Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1979. С. 82–90.
15. Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1953. № 35. С. 7–71.
16. Могильников В.А., Данченко Е.М., Горькавая О.Е. Керамические комплексы эпохи раннего железа с городища Старый Погост // Гуманитарное знание. Серия «Преемственность». Вып. 3. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. С. 120–143.

17. Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине - второй половине I тыс. до н. э. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 212 с.
18. Зах В.А. Городище Ласточкино Гнездо 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2009. Вып. 11. С. 67–80.
19. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Томск. ун-та. 1984. 255 с.

1.2. О ЛОКАЛИЗАЦИИ ПОЛЯ СРАЖЕНИЯ 23 ОКТЯБРЯ 1582 Г. МЕЖДУ ВОЙСКОМ ХАНА КУЧУМА И КАЗАЧЬИМ ОТРЯДОМ ЕРМАКА (К ПРЕДЫСТОРИИ ОСНОВАНИЯ Г. ТОБОЛЬСКА)*

По сложившейся традиции, в преддверии более или менее «круглой даты», в жизни любого исторического города и, в частности, 430-летия Тобольска, принято обращаться к наиболее значимым эпизодам пройденного им пути. Одной из уникальных особенностей Тобольска является его предыстория. За пять лет до основания, в июне 1587 г., в современных границах города, на Потчеваше, как стало привычным для местных жителей называть эту современную окраину, произошло событие, которое определило место и время возникновения «сибирской столицы». Но это была лишь малая часть последствий (исторического значения) названного события, место, характер, особенности и значение происхождения которого до сих пор остаются исторической загадкой и по достоинству не оценены [1; 2].

Наиболее точная и краткая характеристика этого пространства на сегодняшний день принадлежит З.А. Тычинских: «На территории современного города Тобольска находится место, которое является ключевым в истории создания евразийского в геополитическом значении Российского государства. Это Чувашский мыс. Именно исход сражения под Чувашским мысом 23 октября 1581 г., когда, по летописному выражению, происходит «взятие Сибири», определил ход дальнейшего присоединения огромных азиатских просторов к формирующемуся Российскому государству» [1, с. 155–156].

Главные герои этих событий, прежде всего, Ермак и Кучум, давно превратились в фигуры легендарные. Все еще неизвестны места, где их останки обрели последнее пристанище. При этом до сих пор дискуссионными остаются дата (1582-й или, все-таки, 1581-й год), характер (было ли это сражение главным или таковым было сражение 5 декабря под Абалаком), «относительная датировка» событий процесса

* Работа подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2015-0003 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н.э. – II тыс. н. э.)».

вхождения Сибири в Россию и образования на этой основе крупнейшей на планете империи, территориально сохраняющейся до сих пор. Также все еще окончательно не утвердилось наименование самого места (топонима), где это произошло (Чувацкий мыс, Потчеваш, мыс Чуващ, Подчуваши, Потчевашское предместье, Чуващинский мыс, Чувашево и т.п.). Как ни удивительно, при казалось бы таком невиданном за последние столетия усилении интереса к имперской сущности и истории России, до настоящего времени точно не установлено (не локализовано) с указанием границ и координатных точек местонахождение исторического сражения/боя/битвы Ермака с Кучумом как события, заложившего особенную, российского типа имперскую традицию.

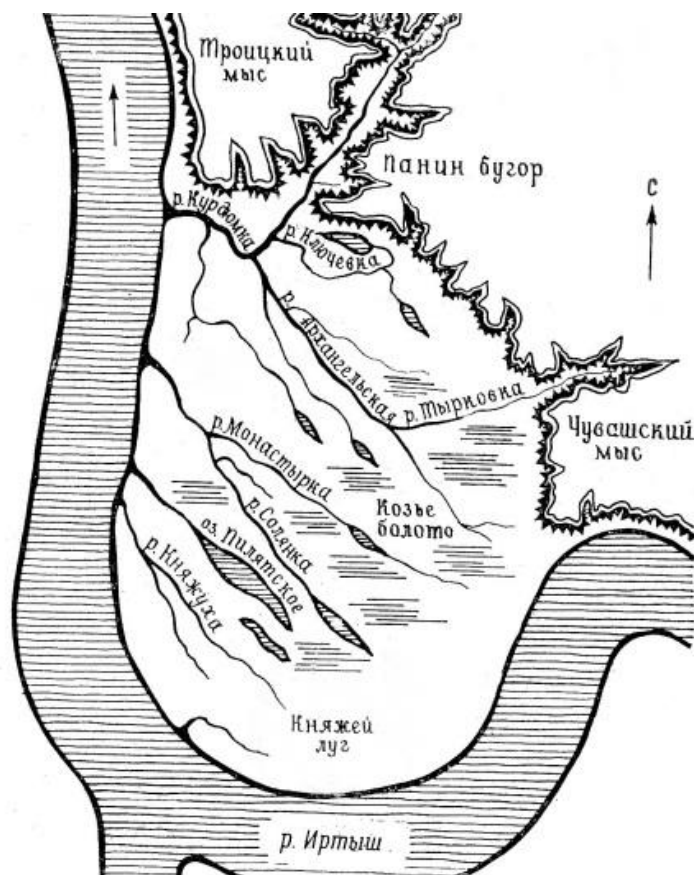

Рис. 1. Схема Тобольской излучины Иртыша

Таинственную сущность роли Потчеваша или Чувацкого мыса и произошедшего здесь исторического события сформулировали омские историки А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров: «Разгром огромного по территории и многонаселенного Сибирского ханства несколькими сотнями казаков остается одной из самых больших загадок отечественной истории» [2, с. 151].

Точную дислокацию, роль и значимость характеризуемого предместья, то есть территории, связанной с названием Потчеваш, как места начала тобольской истории (фактически – предыстории), еще в

позапрошлом веке определил замечательный тобольский краевед и художник М.С. Знаменский: «Приближаясь по Московскому тракту к переправе через Иртыш, с правой стороны вы видите отвесную желтоватую стену, сажен в 30 высоты, над подмывающей ее рекою. Это Чувашский мыс – первая историческая окрестность города Тобольска. *С этой, собственно, местности и начинается история города Тобольска*» [3, с. 25]. При жизни М.С. Знаменского в XIX в., Потчеваш еще оставался вне территории города, и, действительно, находился в его окрестностях. Наиболее близко расположенными ориентирами пространства предполагаемого района сражения была переправа или перевоз через Иртыш (летний и, чуть ниже по течению реки, зимний) и деревня Подчуваша (Подчувашинская), находящиеся южнее юго-восточного угла Потчевашского мыса примерно в 500 и 230 м, соответственно [4]. Высокий, до 60 м от подошвы, восточный склон мыса, уходящий почти вертикально (до 75°) к урезу воды, из года в год, с разной степенью интенсивности, осыпался на всем протяжении, подмываемый течением и волнами Иртыша, особенно при большой воде. Южный, менее крутой (до 45°), слабо задернованный склон мыса, подвергался эрозии частично, и поэтому со времен событий более чем 435-летней давности сохранил свои очертания до настоящего времени в почти неизменном виде.

Именно на этом участке местности и произошло «генеральное сражение под Кашлыком», местоположение которого до настоящего времени остается не ясным, что хорошо видно из наиболее фундаментального в отечественной историографии исследования по истории обстоятельств вхождения Сибири в Россию на одном из его решающих этапов, выполненного Р.С. Скрынниковым [5]. При этом исследователь делает несколько противоречащий приведенной характеристике особенностей сражения как «генерального» вывод о том, что «победа под Абалаком определила успех экспедиции Ермака» [5, с. 222], что не вносит ясности в ситуацию с локализацией главного сражения за Сибирь, поскольку и место Абалакского побоища также до настоящего времени локализовано приблизительно. Несколько ранее оценки сражения под Абалаком фактически как «определяющего» историк упоминает, говоря о подготовке казаков к боевым действиям на Потчеваше, называя их «решающими»: «Накануне *решающей битвы* собрался казачий круг» [5, с. 216]. Далее следует ссылка на Синодик ранней редакции: «Ветераны Ермака со всей определенностью указывали на то, что „первый бой“ с татарами произошел у *самых стен Кашлыка на Чувашском мысу* 26 октября, и в тот же день они вступили в покинутую врагом столицу» [5, с. 217], несмотря на то, что расстояние между названными объектами составляет по Иртышу не менее 20 км.

Такие взаимоисключающие утверждения даже в фундаментальных работах заставляют обратиться к истории событий на Потчеваше для

решения вопроса об их месте и роли не только в качестве предыстории возникновения Тобольска, но для понимания фундаментальных основ формирования в XVI в. крупнейшего на планете государства, свидетелем и участником которого был и сам город в большой излучине Иртыша при впадении в него реки Тобол (Тобольская излучина Иртыша), носящей «по традиции» альтернативное наименование Подгора.

Рис. 2. Подгора по плану С.У. Ремезова (конец XVII в.)

Основными источниками до начала проведения археологических исследований с целью поиска места сражения в районе Потчеваша на территории современного Тобольска являются летописи.

Румянцевский летописец, подробно отражающий наиболее раннюю историю вхождения Сибири в состав России, ставший основой более поздних сибирских летописей, вероятно, первым определил основные реперные точки на местности для выявления координат поля сражения в натуре. Центральную роль среди этих точек занимают одни из слабо сохраняющихся археологически, но очень эффективных элементов оборонительных сооружений эпохи средневековья, – засеки, создаваемые из хаотично поваленных деревьев, затрудняющих продвижение атакующего противника. На этапе приближения казаков к Иртышу хан Кучум отправил им навстречу войско, поручая попечение над ним одному

из своих лучших полководцев, Маметкулу. При этом за собой оставляет, вероятно, решение более ответственной задачи – создание условий для успешного исхода будущего генерального сражения: «И повеле Кучюм сыну своему Маметкулу со множеством войска итти на казаков бранию. Сам же повеле крепити осаду и засеку учини подле реку Иртышъ под Чювашевым, засыпати каменном, и многими крепостьми утверди, яко достойне осаде крепце быти» [6, с. 33]. Так впервые был точно сформулирован отраженный в источниках ключевой пункт (засека «под Чювашевым» мысом) оборонной стратегии, которую, как это не удивительно для кочевника, выбирает Кучум с приближающимся противником. Здесь же назван второй реперный пункт – высшая точка стратегической высоты над поймой Тобольской излучины Иртыша, которая хотя и уступает по значимости роли засеки, зато сохранилась до настоящего времени физически. «Царь же Кучюм, ... изыде со многими людьми на высочайшее место на гору, рекомую Чювашево» [6, с. 33].

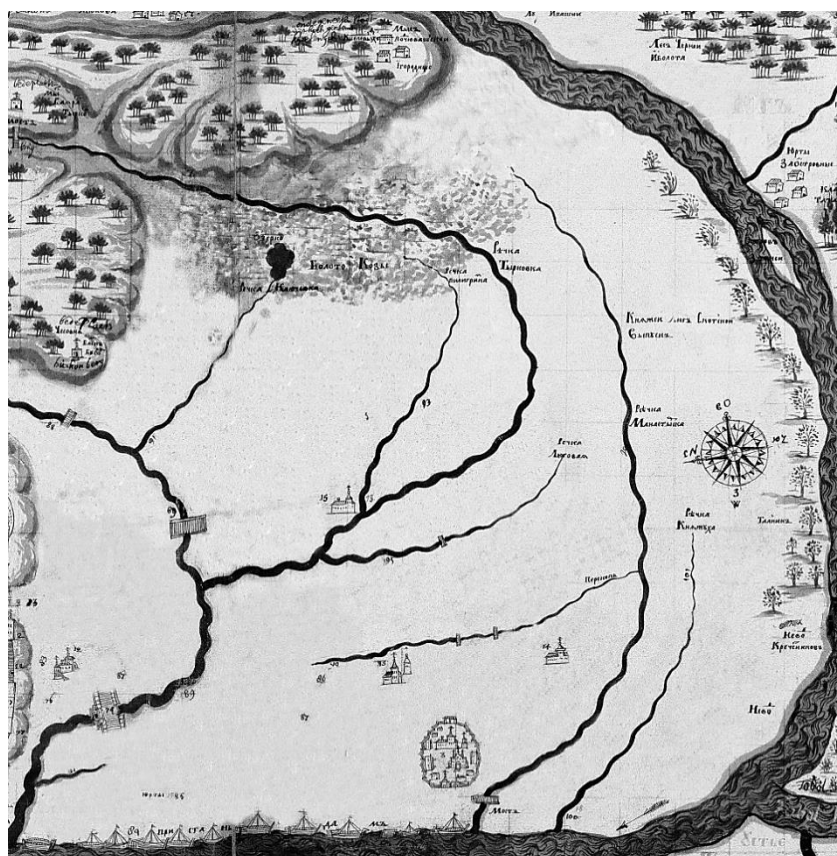

Рис. 3. Подгора по плану 1701 г. С.У. Ремезова

23 октября 1582 г. казаки, войдя накануне в Иртыш в районе Потчеваша и осознав, что обратной дороги нет, несмотря на кратный численный перевес противника, к тому же занявшего неприступную оборону, избрали наступательную стратегию, что явно противоречило представлениям о военном деле той эпохи. Как отмечает летописец, казаки, «приступиша к засеке, и брань бысть велия» [6, с. 33]. Главным

действующим лицом сражения в районе засеки был Маметкул: «У засеки же остался сын его Маметкул со многими людьми» [6, с. 33]. Таким образом, еще первым создателям сибирских летописей было хорошо известно, что эпицентром событий на Потчеваше была засека. Если исследователям удастся локализовать ее местоположение на местности, то можно будет вычислить площадь территории, где эти события происходили.

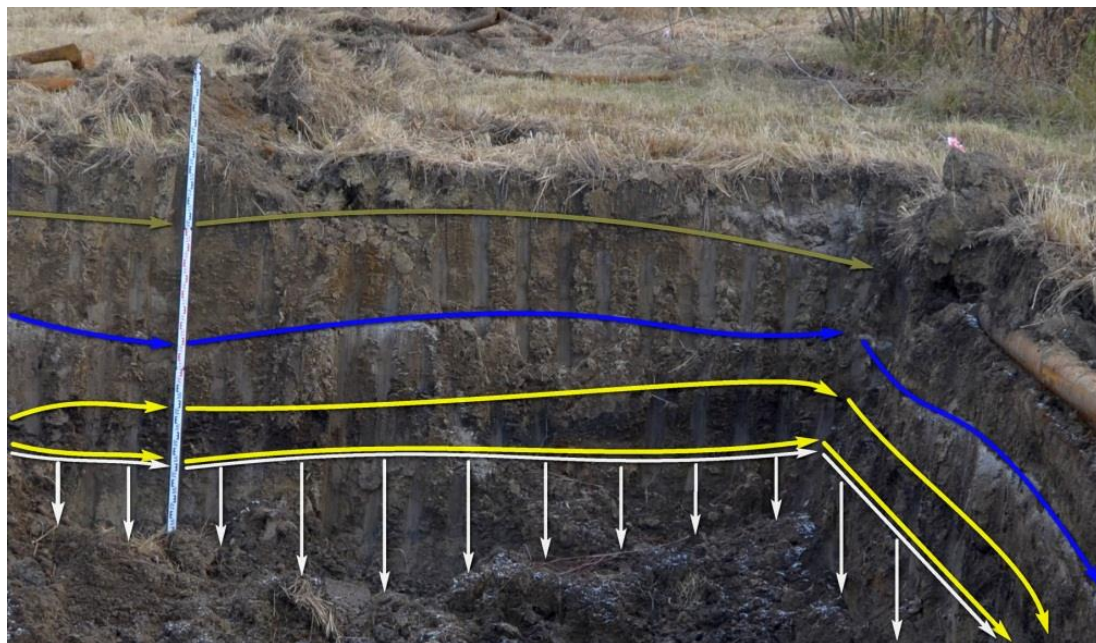

Рис. 4. Разрез восточной стенки котлована на Потчевашском поле

Созданный летописцем сюжет узлового эпизода событий на Потчеваше, разворачивающихся вокруг засеки, почти дословно использован в Есиповской летописи: «Посла же царь сына своего Маметкула со множеством воин и повеле мужески ополчиться противо нашедших. Сам же повеле *засеку* учинити подле реку Иртыш под Чювашевым и засыпати землею, и многими крепостьми утвердити, яко же есть достойна утверждения» [6, с. 52]. Ее 11-я глава так и называется: «О бою под Чювашевым у засеки». Название главы в пяти словах дает ответ на главный вопрос: где было искомое место или поле генерального сражения за Сибирь – оно было у подножия Чувашского мыса («под Чювашевым») на Потчевашском поле. Но поле достаточно обширно и в настоящее время занимает около 5 га на территории бывшей нефтебазы внутри прочного ограждения, оставшегося от ликвидированного предприятия. Граница земельного участка по забору опоясывает территорию в 10 га, т.е. шире территории поля боя. При этом следует учесть, что за прошедшие 435 лет площадь Потчевашского мыса и, соответственно, часть площади примыкающего к нему поля с восточной стороны, предположительно на 100–200 м., были размыты и унесены течением реки Иртыш. Уточнение этих параметров является темой отдельного исследования.

Сохранившаяся к настоящему времени длина поля боя в широком смысле составляет около 330 м по линии восток-запад, при ширине в 150 м по линии север-юг. Поскольку сохранившаяся площадь поля, исходя из данных расчетов, составляет около 5 га и уничтоженная рекой часть могла составлять 2–3 га, общая площадь Потчевашского поля, задействованная для сражения, составляла примерно 6–8, но не более 10 га. С учетом площади территории, занимаемой войском хана Кучума, которая с учетом коммуникаций (тылового обеспечения) составляла примерно 40–50 га, общая использованная под организацию боевых действий площадь могла составлять 50–60 га. Небольшая площадь, активно задействованная в боевых действиях, составляет ту часть южного склона Потчевашского мыса, которую занимает как сам Потчевашский лог/взвоз, так и примыкающие к нему восточный и западный склоны. Учитывая, что участок склона, используемый для строительства засеки, ограничен склонами оврага/лога/взвоза, его длина могла составлять не более 40–50 м, а ширина ограничивалась разумными пределами и вряд ли была более 5–6 м. Площадь самой засеки могла составлять около 200–300 кв. м. Поскольку засека располагалась поперек лога, будучи ограничена по длине шириной последнего, ее особенностью могла быть необычная для таких сооружений высота устроенного здесь лесного завала, превосходящего в разы человеческий рост (примерно 5 м). При этом увеличение высоты автоматически увеличивало ее длину. Таким образом, это было мощнейшим оборонительным сооружением, преодолеть которое сходу было вряд ли возможно. Не случайно, как об этом свидетельствуют летописные данные, даже самим ее создателям, чтобы выйти на линию атаки отряда казаков во время вылазки Маметкула, пришлось разобрать засеку в «трех местах». Скорее всего, количество разобранных участков преувеличено, но даже простое указание на факт демонтажа засеки на каком-то участке для прохода самих ее строителей свидетельствует о том, что она могла быть непреодолимым препятствием на пути наступающей стороны, что, собственно, и подтвердилось впоследствии.

Локализация засеки означает локализацию самого места сражения и определения местонахождение других важных показателей или отличительных признаков генерального сражения на Потчевашском поле.

Локализовать место расположения засеки можно с помощью анализа не только летописных источников, но и топографических условий или особенностей рельефа местности проведения боя, что является чрезвычайно актуальным и важным для адекватной исторической реконструкции событий, содержащих непреходящую историческую значимость, поскольку именно они определили характер приращения и колонизации ставших российскими территорий путем т.н. «завоеваний».

Сопоставление данных источников в перспективе может быть верифицировано данными археологических раскопок на территории

Потчевашского поля, которые должны быть направлены на исследование, в первую очередь, участков, ориентированных на расположение засеки или на устье Потчевашского лога. По сути дела, археологические находки на этом участке уже были обнаружены в результате шурфовки в 1936 г. [7], а также в ходе сооружения погребов работниками нефтебазы в 70–80 гг. прошлого века. Была обнаружена керамика во фрагментах различных эпох, а также обломки костяных наконечников стрел. Об аналогичных находках, сделанных здесь в XIX в., упоминает М.С. Знаменский [3, с. 25–26].

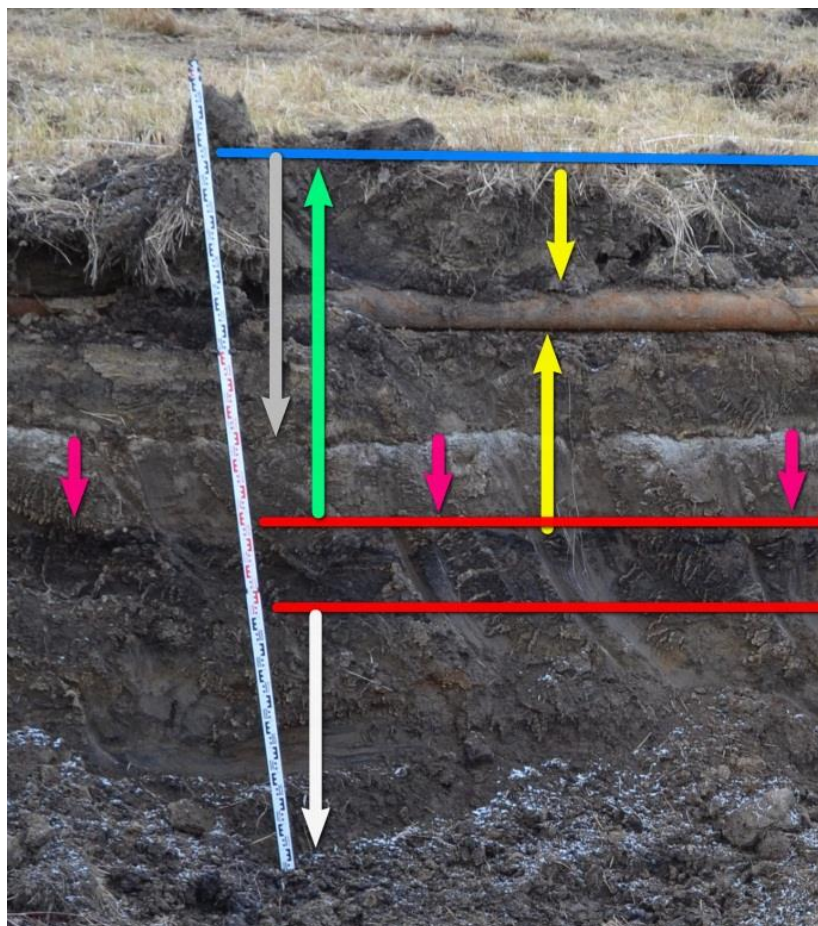

Рис. 5. Разрез южной стенки котлована на Потчевашском поле

Важно иметь в виду, что кроме С.У. Ремезова вряд ли кто-либо из летописцев для своих сочинений воочию наблюдал за особенностями рельефа местности Потчеваш в различные времена года, где происходили поистине исторические события. Не исключено, что Ремезов, как и Ермак с Кучумом, через столетие осматривая позиции сторон, реконструируя дислокацию войск, стратегию и тактику противников, имел возможность, в отличие от своих предшественников-летописцев, оценивать события с точки зрения опытного участника военных походов в свою бытность служилого тобольского человека XVII–XVIII вв. [8].

На сегодняшний день имеются первые археологические наблюдения, которые дополняют некоторые исторические (летописные) данные и

открывают определенные возможности для анализа топографических условий реконструкции и локализации происходивших за пять лет до основания Тобольска событий в его будущих и настоящих границах.

Современные поисковые работы на Потчевашском поле проводятся с 2014 г. при участии сотрудников ТКНС УрО РАН и Института геофизики им. Ю.П. Булашевича УрО РАН. В течение этого времени были апробированы различные методы наблюдений, включая фото- и видеофиксацию объектов в различные времена года, а также специально в аналогичный календарный период времени произошедших здесь исторических событий в конце октября – начале ноября 2015–2016 гг. Основной целью работ было проведение комплекса археологических и топографических наблюдений, а также геофизических изысканий на месте исторического сражения 23 октября (2 ноября по н.с.) 1582 г.

В октябре 2016 г. на территории Потчевашского поля в границах территории земельного участка бывшей Тобольской нефтебазы в результате хозяйственной деятельности были вскрыты значительные участки грунта на глубину до 2,5 м на площадь более 1000 кв. м механизированным способом. В результате осмотра и фотофиксации вертикальных разрезов котлованов (археологических наблюдений, проведенных на общественных началах) было обнаружено, что под балластным слоем второй половины XX в. находится слой, соответствующий событиям 1582 г.!

Слой оказался перекрыт балластом от проводимой на участке Потчевашского поля, территориально входящего в границы земельного участка Нефтебазы вертикальной планировки, огражденного почти полностью сохранившемся до настоящего времени бетонным забором. Мощность подсыпки на обследуемых участках доходила до 1 м и более в центре земельного участка или в районе середины южной линии границы Потчевашского поля сражения. Минимальная мощность подсыпки на северной его границе составляла 15–20 см.

Источником получения грунта для отсыпки территории нефтебазы и, соответственно, ее северной половины, где локализуется основная сохранившаяся часть площади Потчевашского поля битвы, являются два участка на территории самой нефтебазы. На первом участке земли в советское время было сооружено довольно крупное подземное убежище, созданное, вероятно, для спасения жизни и здоровья работников предприятия. Высвобожденный при строительстве убежища грунт мог быть использован для отсыпки. Второй участок извлечения грунта получен в результате сооружения искусственного пожарного водоема в юго-восточном углу территории нефтебазы и имеет размер около 64х34 м. При глубине данного котлована в 4 м объем полученного грунта позволяет «поднять» предполагаемую территорию Потчевашского поля, занимавшую примерно половину территории нефтебазы, до 1 м, что вряд ли было

необходимо по всей площади объекта, в соответствии с наличием имевшихся неровностей рельефа, даже без учета других источников получения грунта, в том числе и за пределами обследованной территории.

Рис. 6. Границы Потчевашского поля

Как отмечает исследователь локализации Куликова поля в Тульской области О.В. Двуреченский, «поля сражений только в последнее время стали рассматриваться в нашей стране как особый вид памятников археологии, сочетающий элементы как историко-культурного, так и природного наследия. Научно-исследовательские подходы к такого рода памятникам в отечественной науке только начали формироваться» [9, с. 138]. В соответствии с полученными в аналогичной ситуации данными, связанными с уточнением границ пространства боевых действий, можно предположить, что возможности распространения артефактов боевого предметного ряда (костяные и железные наконечники стрел и свинцовые пули пищалей) при условии исследования сохранившихся участков «слоя сражения», позволят более объективно установить границы Потчевашского поля в обозримой перспективе. Современная ситуация с охраной памятников историко-культурного наследия в Тобольске не дает гарантий ни для физического сохранения значительных участков поля сражения 1587 г. на Потчеваше, ни для полномасштабных археологических исследований. В связи с этими обстоятельствами чрезвычайно важно актуализировать всю имеющиеся существенные летописные данные, способные прямо или косвенно свидетельствовать о границах Потчевашского поля сражения, а также попытаться извлечь

максимально возможную информацию из окружающего ландшафта, рассматривая его в соответствии с принципами военной топографии. В определенном смысле речь может идти о некоей «экологии военных действий» в конкретном месте в известное время.

Современные историки и экологи архитектуры таким образом реконструируют изучаемую местность на период происходящих событий на Потчеваше: «По сохранившимся данным, архивным документам и современной ситуации можно представить каким был ландшафт тобольского региона в конце XVI в. Тогда все эти места, в том числе и район будущего города, сплошь покрывали леса. На территории Тобольска лесной массив пререзала широкая лента Иртыша, который здесь круто меняет свое направление с широтного на меридиональное. В зоне поворота русло реки изогнулось громадной вытянутой излучиной – горловиной и приняло в себя такой же широкий в этом месте Тобол» [10, с. 16]. «Для ландшафта самого Тобольска тоже характерна, прежде всего, контрастность: низкий заливной Княжий луг, окаймленный с юга излучиной Иртыша, замыкается на севере и северо-востоке кручами прибрежного плато. Разделенные лишь оврагами Троицкий мыс, Панин бугор и Чувашский мыс образуют гигантский природный амфитеатр» [10, с. 17].

Важнейшей топографической особенностью Подгоры, оказывающей самое существенное влияние на возможности осуществлять тактические замыслы противоборствующих сторон, были малые реки, небольшие озерки, большое Козье/Тырковское и другие, меньшие по размеру, луговые болота, ляги, перемежающиеся небольшими гривами, иные водные объекты, не считая самого Иртыша и впадающего в него Тобола. «С юга на север текло ряд небольших речек: Сабунов Исток, переходивший в Ключевку, питался водой небольшого Туляцкого озера, находившегося в восточной части посада. Ключевка впадала в Курдюмку. Более крупная речка Тырковка, вытекавшая из оврага, разделявшего Панин бугор от Подчувашского мыса, разливалась на Княжем луге болотом, из которого взяли свое начало ее притоки: Пилигримка и Луговая. Вытекавшая отсюда же Железинка, с притоком Зеленым или Наземкой, впадала в Курдюмку. Еще одна речка – Монастырка, с притоком Солянкой, впадала в Иртыш» [11, с. 45]. Все эти водоемы, формирующие рельеф потенциального поля сражения, свидетельствуют о невозможности его проведения в любом ином месте Подгоры, кроме Потчевашского поля, в границах, указанных выше.

В настоящее время делаются попытки использовать находки ранних изразцовых плиток в г. Тобольске в качестве самостоятельного исторического источника. Один из найденных красных изразцов XVII в. с характерным сюжетом «Приступают», где изображены воины с огнестрельным и холодным оружием, вполне применим для

иллюстрирования батальной картины штурма. При условии обнаружения других подобных артефактов в дальнейшем это может быть соотнесено с сюжетами событий на Потчевашском поле [12, с. 400].

Одним из итогов проведенного исследования могут стать предлагаемые границы сохранившейся части территории поля сражения на Потчеваше в следующих пределах с применением региональной системы координат для Тюменской области:

- северная граница начинается в точке к западу от устья Потчевашского лога: $X=450\ 576,1015$ - $Y=2\ 540\ 858,076$; идет в восточном направлении до точки $X=450\ 490,4222$ - $Y=2\ 541\ 178,624$;

- восточная граница берет начало в точке:
 $X=450\ 490,4222$ - $Y=2\ 541\ 178,624$; идет в южном направлении до точки $X=450\ 346,0031$ - $Y=2\ 541\ 138,022$;

- южная граница начинается в точке:
 $X=450\ 346,0031$ - $Y=2\ 541\ 138,022$; идет в западном направлении до точки $X=450\ 423,1935$ - $Y=2\ 540\ 849,453$;

- юго-западная граница начинается в точке:
 $X=450\ 423,1935$ - $Y=2\ 540\ 849,453$; идет в северо-западном направлении до точки $X=450\ 477,6682$ - $Y=2\ 540\ 805,494$;

- западная граница начинается в точке:
 $X=450\ 477,6682$ - $Y=2\ 540\ 805,494$; идет северном направлении до точки $X=450\ 576,1015$ - $Y=2\ 540\ 858,076$.

В заключении следует обратить внимание на необходимость незамедлительных мероприятий для физического сохранения самого Потчевашского поля как реального достопримечательного места России путем придания ему соответствующего юридического статуса в соответствии с действующим памятничноохранным законодательством РФ, а также путем проведения полноценных систематических археологических и иных комплексных исследований, дающих возможность не только уточнения предложенных границ «Куликова поля Сибири» в Тобольске, но и для объективной научной оценки его исторической значимости, что является чрезвычайно важным для будущего развития страны.

1. Тычинских З.А. «Чувашский мыс» в исторической панораме Сибири // Труды Тобольской комплексной научной станции УрО РАН. Выпуск 3. Исторические науки: темат. сб. науч. тр. / колл. авторов; отв. ред. А.И. Татарникова. Тобольск: ТКНС УрО РАН, 2013. С. 155–160.

2. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: «Фэн» АН РТ, 2012. 260 с.

3. Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска: Сочинения / сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень : СофтДизайн, 1997. 384 с.

4. Лоцманская карта реки Иртыш. От селения Саусканские юрты до устья. 1972. Лист 4.

5. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. испр. и доп. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1986. 318 с.

6. Полное собрание русских летописей. Том тридцать шестой. Сибирские летописи. Часть 1. Группа Есиповской летописи. М. : Наука, 1987. 382 с.
7. Фокин А. Отчет о геологоразведочных работах в Подчувашском предместье г. Тобольска. Тобольск, 1936 // ТИМЗ. Научный архив.
8. Ремезовская летопись: история Сибирская. Летопись Сибирская. Краткая Кунгурская. Исследование. Текст и перевод. Научно-справочный аппарат факсимильного издания Библиотеки Российской Академии Наук (Санкт-Петербург) / Е.И. Дергачева-Скоп, В.Н. Алексеев. Тобольск : [б. и.], 2006. 269 с.
9. Двуреченский О.В. Археологические исследования на месте Донского сражения // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб, М., Великий Новгород, 2011. С. 137–138.
10. Заварихин С.П., Княжев В.В. Экология зодчества: о некоторых объективных основах «второй природы». СПб.: Стройиздат, 1995. 190 с.
11. Кочедамов В.И. Тобольск (как рос и строился город). Тюмень: Тюменское книжное издательство, 1963. 156 с.
12. Нескоров А.В. Тобольские изразцы как исторический источник (к постановке проблемы)//Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10-13 декабря 2000 г., Тобольск). Тобольск–Омск: ОмГПУ, 2000. С. 400–403.

1.3. «ПОСТАВЛЕНИЕ» ТОБОЛЬСКА В ИЗОБРАЖЕНИИ СИБИРСКИХ ЛЕТОПИСЦЕВ XVII В. (ФАКТЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ)*

В самом конце XVI в., всего через несколько лет после превращения из острога в город, Тобольск сделался административным («разрядным») центром «русской» Сибири, а два десятилетия спустя, с образованием Тобольской епархии, – еще и церковным. Недаром многие местные летописцы, а порой также московские, проявляли интерес к возникновению «стольного града» «далечайшей государевой вотчины».

Крупнейшим памятником раннего сибирского летописания является завершенная 1 сентября 1636 г. Основная редакция Есиповской летописи (далее – ОЕЛ), которую автор – дьяк недавно учрежденного Софийского дома Савва Есипов – определил как «летопись Сибирское царство и княжение и о взятии, и о Тоболске граде». «Созданию» последнего отведена 31-я глава этого «Сказания», где говорится и «о поставлении церкви (но лишь в названии, в отличие от предыдущей главы, посвященной основанию Тюмени. – Я.С.), и о начальстве его, яко начальный град наречется». По словам Есипова, воевода Д. Чулков (точнее, он являлся письменным головой) «изволением» царя Федора Ивановича направленный в 7095 (1586/87) г. из Москвы за Урал «со многими

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 17-11-86004

воинскими людьми», остановился на Иртыше, в 15 поприщах от «царствующего града» Сибири; Тобольск «вместо сего царствующаго града причтен Сибири», он – «старейшина ..., понеже бо ту победа и одоление на окаянных бусормен бысть».

Как представлялось Е.К. Ромодановской, автор ОЕЛ ограничился «риторическим рассуждением», он «не сообщает никаких реальных фактов, даже не упоминает об основании города» [1, с. 368, и др.]. Напомним, однако, что в названии соответствующей главы «Повести о Сибири и о сибирском взятии» сказано про «создание» Тобольска, а следующая глава, где подробно говорится о пленении князя Сейдяка, Салтана и Карачи, открывается фразой «По поставлении же града Тоболска» [2, с. 43, 65–67]. В Румянцевском летописце, где текст ОЕЛ подвергся значительному сокращению, уже прямо говорится о «поставлении» «града» Тобольска у Иртыша [2, с. 35, 41].

С точки зрения И.Л. Маньковой, летописцы находили, что его основание знаменовало «победу и одоление на окаянных бусормен» [3, с. 234]. Точнее, по выражению Есипова, (воспроизведенному многими другими сибирскими книжниками), Тобольск оказался «старейшиной», «понеже бо ту победа и одоление ...» (последнее выражение, кстати, – это устойчивое словосочетание, традиционный стилистический штамп, см.: 2, с. 121–123, 128; 4, с. 6, 10; 5, с. 780; 6, с. 66; 7, с. 91, и др.), очевидно, описанные в следующей главе «сложения» «архиепископля» дьяка. Как там читаем, «князь Сейдяк побежден бысть», его воины, стоявшие у стен Тобольска, «на бегение устремишася» и даже не вернулись в город Сибирь [2, с. 67, ср. с. 127, 137, 187, 254, 259, 313, 315, 366]. В Абрамовском виде (далее – АВ) ОЕЛ прямо сообщается: «бысть победа на поганых бусурман в том граде (Тобольске. – Я.С.)», а после пленения Сейдяка «мнози погани ... побеждени быша» [2, с. 96, 97, ср. с. 115]. В глазах Есипова «начальный сибирский князь» был разбит в Тобольске, пусть и не в открытом бою, но в противостоянии с русскими служилыми людьми [8, с. 23], «взят» (в плен), о чем сказано в названии соответствующей главы ОЕЛ и ряда ее вторичных разновидностей [2, с. 43, 80, 233, 302]. Примем во внимание и сообщения Есипова о Кучуме: «се аз победих во граде Сибири князей Етигера и Бекбулата», «побежден бысть ... беже из града и с царства своего в поле». По свидетельству (впрочем, опять-таки риторичному) «слогателя» ОЕЛ, решающее поражение «бусурманский» хан потерпел тогда, когда в Тобольске узнали о «пленении» «кучумлянами» соседних «агарянских весей» [2, с. 55, 68, ср. с. 84, 93, 97, 110, 116, 127, 187, 254, 313, 366]. В названии 36-й главы Есипов определил содержание своей летописи следующим образом: «еже о взятии Сибири и победе сичеве». В начале же этой летописи поясняется, что в ней пойдет речь, в частности, о том, «како ... взята бысть (Сибирь. – Я.С.) ... от рускаго воинства, ... и како победиша царя Кучюма Мартазеева

сына». В двух поздних редакциях Сибирского летописного свода (далее – СЛС) за «богодарованную (превеликую) победу и одоление над нечестивыми агарянами» принимается вступление ермаковцев в столицу Кучума, разгром казаками его ханства [2, с. 42, 69, 243, 245, 307, 361, 362, ср. с. 50, 51, 54–58, 70, 380]. Наконец, в русле предложенной И.Л. Маньковой интерпретации получается, что подобно тому, как Мамет, одолев казанского царя Упака, «град свой Чингиден разруши ... и постави себе град на реке Иртише, и назвал его град Сибирский, рече началний» [2, с. 47, ср. с. 118–119, 130, 178, 179], Тобольск был основан в честь победы над Сейдяком (Сеид-Ахмадом, Саййид-Ахмадом). Его, однако, пленили в Тобольске и отправили в Москву, а вовсе не убили, так что данная трактовка не представляется убедительной.

На взгляд С.Ф. Платонова, Тобольск в глазах летописца (видимо, подразумевается Савва Есипов) приобрел положение «старейшего», т. е. оттуда воеводы «добыли» Сибирь (надо думать, «Старую», т. е. «Кучумов» Искер), «захватили хана Сейдяка и его город запустошили». (Сходную мысль недавно высказал В.Н. Козляков) [9, с. 237; 10, с. 96]. В действительности русские, если следовать ОЕЛ и сочинениям ее «круга», вовсе не овладевали и не сжигали Кашлык (так называл столицу «Кучумова юрта» С.У. Ремезов), а Сейдяк, являвшийся князем, очутился в плену, когда приехал в Тобольск по приглашению письменного головы Д.Д. Чулкова.

С точки зрения С.В. Бахрушина, даты возникновения Тюмени и Тобольска были «установлены Есиповым самостоятельно, вероятно, на основании данных ... приказной палаты» сибирской столицы [11, с. 475]. Не исключено, однако, что эти даты первый среди поименно известных нам тобольских летописцев почерпнул из «распространенно» им «писания», в котором подчас усматривают краткое сочинение в форме повременных записей [1, с. 361, и др.]. Возможно, оно появилось до пожара 9 декабря 1628 г., когда «дела старые ... в комнате» съезжей избы «столнейшего града» Сибири погибли [12, с. 57]. Однако некоторые из этих дел могли тогда уцелеть и стать источниками своеобразной приказной справки об основании первых городов и острогов Азиатской России, – справки, которая затем попала в распоряжение и создателей СЛС. Такое допущение кажется более вероятным, чем мысль о том, что Есипов или его анонимный предшественник узнал о времени «поставления» Тобольска у служивших там с самого начала казаков, стрельцов или «литвы» (немало которых оставалось в живых еще в 1637 г. [13, с. 226, 229–231, и др.]).

АВ есиповского сочинения («Летописец тоболской») подобно трем его спискам содержит главу «О поставлении града Тоболска», в которой речь идет про пленение Сейдяка и его приближенных. Перерабатывая «гисторию» владычного дьяка, правщик ошибочно представил ее летописью «о взятии Сибири града Тоболска» [2, с. 66, примеч. 8–12; с. 96,

97] (автор этой летописи, напомним, сообщал «о взятии (Сибири, т. е. главной ставки Кучума. – Я.С.) и о Тоболске граде»). Аналогичная ошибка («Всесибирское царство и княжения, и о взятии Тобольска града») допущена в Лихачевской редакции «Сказания» Есипова («Слове о Сибирской стране»), где упоминается про «поставление» «славного» Тобольска над Иртышем, в устье реки Тобола [2, с. 126, 128].

Создатель Титовского вида ОЕЛ дополнил рассказ дьяка трех кряду тобольских архиепископов указанием на «благоизволение» «ту (в новом «столнейшем граде» «Сибирской страны». – Я.С.) Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу и Пресвятей Богородице и всем святым» [2, с. 88].

В Забелинской редакции есиповской «Повести о Сибири и о сибирском взятии» вначале говорится (в 34-й главе) о том, что Д. Чулков достиг устья Тобола «и присташа ко берегу край реки Иртыша» – к очень высокой горе (96 саженьей). В следующей главе, отсутствующей у Есипова (из «Сказания» которого заимствовано лишь ее название – «О поставлении града Таболска»), читаем о том, что с этой «превеликой горы» воевода «зряше место то зело лесно», и повелел «град созидати» для «воинских людей»; тогда же (о чем, напомним, в ОЕЛ умалчивается) «воздвигоша церковь древяну во имя Живоначалныя Троицы» [2, с. 115]. Очевидно, редактор летописи 1636 г. был тоболяком, знавшим про леса в окрестностях сибирской столицы и высоте горы, на которой Д. Чулковым был заложен острог, а также посвящении первой тобольской церкви (что подтверждается и другими источниками [3, с. 236–237]) Троице.

В Погодинском летописце (далее – ПЛ) – самой, пожалуй, любопытной из вторичных разновидностей ОЕЛ – имеется большая глава «О граде Тоболске, о здании и о поставлении Святых Божиих церквей, и яко начальный град той наречется». Как здесь сказано, в 12 поприщах вниз от «града Сибири» Д. Чулков «обрете место» на Иртыше, «усть речки Курдюмки, против мало пониже устья реки Тоболу, яко единыи версты» [ср. 2, с. 36], «на велице горе и красно велми, а под горою по реке Иртышу луги великие и озера все благополучные, Богом строенное место ... и на сем прекрасном месте поставишася град» Тобольск, названный «реки ради Тобола», с Троицким храмом; «мощен бо есть Бог наставити крестьян и помощи им, дабы шедши, помощью его взяша град Сибирь и князя Сейдяка, иже бо в нем господин, победити», и Сейдяк – «начальный царствующаго града Старой Сибири ту в Тоболске взят бысть Божиим праведным промыслом», а Тобольск «препрослыся начальным градом». (Ранее упоминается о том, что Старую Сибирь и Тобольск разделяют то 12 верст «вверх рекою Иртышем», то, как в ОЕЛ, 15 «по нынешнему содержанию») [2, с. 129, 133, 136]. Первую из этих цифр создатель «Повести летописной», «откуда начаяся царство бисерменское в Сибири ...» (таково название ПЛ), – вероятно, тобольский сын боярский или дворянин – почерпнул из какого-то документального источника [14, с. 129,

148] (вряд ли он знал об этом по роду служебной деятельности, т. к. упомянул про «нынешнее содержание», что ведет ко времени не позднее чем лето 1636 г.). Возможно, этот источник – хранившееся в Посольском приказе то «письмо», где излагались обстоятельства пленения русскими сыновей Кучума [2, с. 137]. Как обнаруживается при сравнении ОЕЛ и ПЛ, не Есипов сократил посвященные закладке Тобольского острога строки «Повести летописной ...», причем так, что напрямую даже умолчал о его сооружении [15, с. 212, и др.], а анонимный редактор «распространил» текст самого популярного сочинения о «Сибирском взятии». Согласно ПЛ, в котором нетрудно расслышать «отзвуки личных впечатлений о Тобольске» [16, с. 56], он был основан «в целях борьбы с Сейдяком, занявшим Старую Сибирь» [1, с. 368]. (По «наставлению» и с помощью Бога «крестьяне» должны были овладеть недавней столицей Кучума и «победить» ее нового «господина»). Заметим, что в рассмотренной главе ОЕЛ на это нет и намек. В представлении владычного дьяка в «Сибирской земле» города, церкви и монастыри «ставились» для утверждения христианской веры в еще одном «царстве» московских государей [2, с. 69, ср. с. 42, 51, 129, 137, 139, 190, примеч. 56; с. 380]. Кроме того, как и Есипов, создатель ПЛ усматривал «побеждение» над Сейдяком в пленении этого князя с Салтаном и Карачей в Тобольске, где были перебиты и их «воинские люди» [2, с. 137, ср. с. 67].

В Книге записной (далее – КЗ) – старшей из дошедших до нас редакций СЛС – сообщается о том, что основав Тобольск в 7093 г., воевода В. Сукин отправил в Старую Сибирь Д. Чулкова, и тот в следующем году «постави ту на горе град ... по реке Тоболу именованием», который вместо прежнего «царствующего града» «старейшенство прият и столный наречеся» (ранее утверждалось, будто с уходом И. Глухова, атаманов и казаков Старая Сибирь была «покинута впусте с 93 году с начала (т. е. 1584 г. – Я.С.) по 94-й год», что противоречит свидетельству Есипова. В его представлении как только об оставлении русскими столицы «Кучумова царства» стало известно Алею, он занял этот город, но вскоре вынужден был уступить его Сейдяку [2, с. 64, ср. с. 135]). По словам летописца, «город первой», заложенный на мысу, где «ныне» высится соборная колокольня, Чулков «срубил» «из судового лодейнаго лесу меньшей и острогом» («и нос забирая»); эта крепость стояла до 106 г. (Следом, однако, в данной связи назван 102 г., дважды упомянутый в записях о постройке «всего рубленного полного» города Тобольска и в Академической редакции (далее – АР) СЛС, которая сравнительно с другими его разновидностями, созданными после 1688 г., наиболее близка к КЗ). Как пояснял анонимный книжник, «Тобольск рубленой город, что из лодейнаго лесу», занимал Троицкий мыс; имя ему дала первая церковь, имевшая «в пределе Николая Чудотворца». Со ссылкой на «иные летописцы» (под которыми можно понимать списки ОЕЛ, а также ее

вторичные разновидности) в КЗ сказано и о «присылке» Д. Чулкова, воеводствовавшего в Тобольске в течение трех лет, «нарочным делом» из Москвы в 7095 г. [2, с. 138, 139, 368].

И.Л. Манькова затрудняется «определить, была ли тобольская Троицкая церковь изначально построена с приделом во имя Николая Чудотворца или его пристроили позднее». Ведь наиболее «раннее упоминание Никольского придельного храма в сохранившихся документах относится к 1622 г.» [3, с. 237]. КЗ, соответствующее известие которой повторено в АР СЛС, склоняет к выводу о том, что этот храм существовал с самого начала. Недаром о Никольском приделе упоминается в царской грамоте от 30 ноября 1596 г. [17, с. 136], прежде не принимавшейся во внимание исследователями ранней церковной истории «Тобольского города».

О его закладке в 7094 (1585/86) г., а не год спустя, если следовать ОЕЛ и ее многочисленным вторичным разновидностям, создатель КЗ мог поведать на основании утраченной позже летописи, в которой приводились и оригинальные подробности сооружения острога Д. Чулковым. Ту же дату мы встречаем, кроме АР (где говорится о строительстве Тюмени Тобольска в одном и том же году), в Миллеровской редакции СЛС, согласно которой острог близ «Старой Кучюмовской Сибири» русские «срубили» через год после того, как была выстроена Тюмень [2, с. 189, примеч. 34, ср. примеч. 40; с. 190, примеч. 58, ср. примеч. 45; с. 368]. Версия же (которую отказался повторить Есипов) о «посылке» оттуда Чулкова, дабы заложить крепость в устье Тобола, восходит к протографу «Краткого описания о Сибирстей земле ...» (далее – КО), который лег в основу первых глав официального Нового летописца (далее – НЛ) [2, с. 74, ср. с. 73, 78; 18, с. 310; 19, с. 34]. (Заметим, что в этих произведениях, а также «Описании о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее ...» из Головинской редакции (далее – ГР) СЛС неточно сообщается о появлении русского острога (вслед за «градом» на Тюменском городище) в устье Иртыша и Тобола).

В ГР знакомый нам рассказ Есипова дополнен указанием на «создание» «града», за укреплениями которого разместилась Троицкая церковь, в устье Тобола. В «Описании ...», составляющем вторую часть ГР, вслед за КЗ или, скорее, ее протографом, упоминается о сооружении на горе города, «где бывала первая Троецкая церковь». При этом его «поставление» приурочено к 7095 г. (Тюмень же русские служилые люди, оказывается, выстроили годом прежде) [2, с. 186, 189, 190, ср. с. 177].

В открывающей Нарышкинскую редакцию (далее – НР) СЛС Распространенной редакции Есиповской летописи (далее – РЕЛ) в отличие от вышедшей из-под пера софийского дьяка второй половины 1620-х – начала 1640-х гг. говорится об отправке Сукиным Чулкова вниз по Туре до «града» Сибири и «поставлении» новой русской крепости на горе «против

тоболнаго устья». (В Библиотечном 1-м списке НР, который относится к петровской эпохе, мы читаем об основании Тобольска на «горе висоце» в 7093 г., т.е. одновременно с Тюменью). Про это сказано и в Бузуновском летописце, но под 7096 г. О возведении Тобольска на высоких горах, в двух поприщах от Иртыша, идет речь и в т. н. «Описании Сибири» конца XVII в. [2, с. 252–253, 312; 18, с. 303–304, 372]. В «Описании ...» из НР, а также Шлецеровской редакции и АР свода подобно КЗ упоминается о закладке Тобольского «града» на месте нынешнего Софийского двора, но церковь названа Вознесенской [2, с. 258–259, 315, 345, 365] (как и в Записках, к сибирской истории служащих, где, по определению Н.А. Дворецкой, КЗ дополнена по НР СЛС). Считать Вознесенскую церковь первой в Тобольске, однако, не приходится [3, с. 235, 236, 238, 240, 241].

С.У. Ремезов, представивший Тобольск как «первой стольной во всех городех» (вероятно, сравнительно с другими разрядными центрами – Томском, Якутском, Енисейском, одно время Верхотурьем) и даже «святой» [18, с. 327, 418], дополнил версию РЕЛ указанием на то, что Чулков, участвовавший в строительстве Тюмени, по царскому указу основал Тобольск, располагая 500 воинами, и там наряду с Троицкой церковью тогда появилась Спасская «на Звезде». Вслед за многими летописцами Ремезов уверял читателей в том, что Тобольск, где был «побежден Сейдяк и вси с ним», сделался «начальным» («начальнейшим») в «Сибирской стране» уже с той поры, когда русские служилые люди возвели «градские» стены [18, с. 349, 355, 366, 440, 446, 455]. И.Л. Маньковой думается, что о Спасской церкви автор «Истории Сибирской» (далее – ИС) писал по устным преданиям тоболяков – своих современников, хотя она существовала в будущей сибирской столице уже в конце XVI в. (благодаря КЗ известно про ссылку в 1593 г. колокола из мятежного Углича к церкви Спаса, «что на Торгу») [3, с. 239, 240]. (Заметим, что в старшей редакции СЛС такой даты нет). О численности отряда Д. Чулкова, «срубившего» Тобольский острог, сообщается только в Ремезовской летописи. Даже в ПЛ, где находим уникальные данные о составе рати князя С.Д. Болховского и количестве служилых, которые имелись в распоряжении воеводы И.А. Мансурова, приведенной тобольским «изографом» цифры нет. Однако сведения такого рода, сохраненные ИС, зачастую фантастичны [20, с. 202, и др.], и полагаться на них не приходится.

Стало быть, сибирская летописная традиция XVII в. запечатлела две версии основания Тобольска: о прибытии «срубившего» его Д.Д. Чулкова то по царскому указу из Москвы (об этом, кроме известного в десятках разновидностях сочинения Есипова, сообщается даже в зависимом от него столичном Мазуринском летописце [21, с. 144]), то (во исполнение приказа местных воевод) из выстроенной лишь накануне Тюмени, о чем вначале

было сказано в протографе КО и второй главе НЛ. Тобольские книжники единодушно считали, что статус «стольного» или «стольнейшего» их город приобрел благодаря «победе и одолению» над Сейдяком, т. е. его пленению в новом русском остроге, вставшем в 1587 г. в недавно сделавшейся «державой» российских государей «Сибирской земле». В тобольских летописях более или менее подробное отражение нашли и местоположение этого острога, а также факт возведения там первой церкви (в ИС – двух храмов).

1. Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Изд. подг. Е.К. Ромодановская и О.Д. Журавель. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001 (История Сибири: Первоисточники. Вып. 10). 440 с.
2. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 1987. Т. 36.
3. Манькова И.Л. Реконструкция православного ландшафта Тобольска XVII – первой половины XVIII вв.: приходские церкви // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города: Сб. науч. ст. Курган: Курганский Дом печати, 2015. 820 с.
4. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею имп. Академии наук. СПб., 1836. Т. 2.
5. Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с Высочайшего соизволения II-м Отделением Собственной его Императорского Величества Канцелярии. СПб., 1853. Т. 1.
6. Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков. М.: Художественная литература, 1987. 616 с.
7. Виршевая поэзия (первая половина XVII века). М.: Сов. Россия, 1989. 480 с.
8. Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Колл. моногр. Нижневартоск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2016. Ч. 11.
9. Платонов С.Ф. Смутное время. СПб.: Лань, 2001. 460 с.
10. Козляков В. Борис Годунов: Трагедия о добром царе. М.: Молодая гвардия, 2011. 320 с.
11. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 1999. Т. 1.
12. Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 192 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 7).
13. Никитин Н.И. О «старой» ермаковской сотне (к истории одного мифа) // Исследования по источниковедению истории России (До 1917 г.): К 80-летию члена-корреспондента РАН В.И. Буганова. М.: Изд-во «Политическая энциклопедия», 2012. С. 224–231.
14. Солодкин Я.Г. Становление сибирской летописной традиции (спорные источниковедческие проблемы). Нижневартоск: Изд-во Нижневарт. гос. гуманитарного ун-та, 2009. 176 с.
15. История литературы Урала: Конец XIV – XVIII в. М.: Языки славянской культуры, 2012. 608 с.
16. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Сибирское отделение, 1986. 318 с.
17. Русская историческая библиотека. СПб.: Археографическая комиссия, 1875. Т. 2.
18. Сибирские летописи: Краткая Сибирская летопись (Кунгурская). Рязань: Александрия, 2008. 700 с.
19. ПСРЛ. М., 1965. Т. 14.
20. Ромодановская Е.К. Избранные труды. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск: Наука, 2002. 392 с.

1.4. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА ТОБОЛЬСКА В КОНЦЕ XVI–XVII ВВ. ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Город Тобольск занимает особое место в истории русского освоения Сибири. На XVII в. приходится становление города как военно-административного, духовного, экономического и торгового центра обширной североазиатской территории. Непосредственно материальная культура тоболяков до настоящего времени освещалась только на основе письменных источников, которые, в силу своих возможностей, не могли раскрыть многие особенности производственной деятельности и хозяйственной жизни. Археологические материалы г. Тобольска конца XVI–XVII вв. позволяют не только подтвердить данные письменных источников о существовании различных отраслей хозяйства и промыслов, но и конкретизировать их материальную основу. Однако следует заметить, что указанную тему невозможно рассматривать без привлечения опубликованных археологических источников и других памятников, близких по времени и географии.

Материальная культура русского населения в Сибири конца XVI–XVII вв. уже неоднократно становилась объектом изучения на основе данных археологических исследований. Количество публикаций, затрагивающих отдельные её составные части, в настоящее время достигает нескольких сотен, поэтому нет возможности и необходимости упоминать каждую. Стоит лишь отметить, что обобщающие работы по указанной проблематике единичны и, как правило, характеризуют материальную культуру достаточно локально. Список монографий по теме образуют книги, посвященные изучению заполярного города Мангазеи [1; 2], Стадухинского и Алазейского острогов [3], городов и острогов Забайкалья и Приамурья [4], города Тары и сельских поселений Омского Прииртышья [5].

Результаты опубликованных археологических исследований позволяют прийти к выводу о значительном сходстве материальной культуры русского населения на обширной территории. Во многих поселениях существовало производство гончарной посуды, кузнечное ремесло, обработка органических материалов (кожи, дерева, кости), что находит подтверждение в археологических источниках. В значительном количестве найдены орудия охоты и рыбной ловли. Также колонисты активно занимались сельским хозяйством. Важным является тот факт, что существовали населенные пункты, жители которых из-за природно-климатических условий не имели возможности обрабатывать землю. В

ряде случаев удастся проследить их внешнеторговые связи, местные контакты с аборигенным населением. В целом, можно прийти к выводу, что знания о материальной культуре русского населения за Уралом конца XVI–XVII вв. являются во многом ограниченными. Находки из культурного слоя г. Тобольска, где напластования этого времени достаточно хорошо выделяются, имеют большую практическую значимость для восполнения имеющихся пробелов в изучении данной темы.

Первые раскопки в исторической части Тобольска были проведены П.А. Беляевым в 1986 г. на участке Земляного вала города 1688 г. С конца XX в. начинаются широкие работы по исследованию культурного слоя г. Тобольска силами сотрудников Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника [6]. Во время работ был выявлен культурный слой конца XVI–XVII вв. и получены представительные коллекции находок этого времени. С 2007 г. в Тобольске проводятся археологические исследования на территории исторической части города экспедицией Института гуманитарных исследований Тюменского университета. Тем не менее, в ходе этих работ не был выявлен достоверно слой, который можно уверенно соотнести с XVII в.

В период 2000–2008 гг. проведены обширные археологические исследования в исторической части города [6, с. 25–27]. Однако культурный слой и объекты, относящиеся к периоду XVII в., в настоящее время достоверно выявлены преимущественно на территории Тобольского кремля. Кроме того, раскопками обнаружено несколько православных кладбищ, остатки архитектурных деревянных и каменных построек этого времени, а также соотносящийся с ними предметный комплекс, представленный обломками гончарной посуды, изделиями из кожи, железа, кости, глины, стекла. Собранные находки позволяют нам достаточно полно реконструировать материальную культуру русского населения жителей Тобольска.

Период заселения территории и становления ремесел, промыслов, формирование культуры жизнеобеспечения, а также их развитие находит свое отражение в материальной культуре. В наиболее широком смысле материальная культура понимается как совокупность всех созданных человеческим трудом материальных предметов конкретного общества в их функциональной взаимосвязи; в более узком смысле – как все материальные предметы и связанные с ними навыки, направленные на удовлетворение материальных потребностей общества [7, с. 5]. Основываясь исключительно на археологических источниках, практически невозможно рассматривать материальную культуру в самом общем смысле, их возможности, как правило, не позволяют реконструировать познавательную и соционормативную сферы культуры. Традиционно при исследовании охватываются, прежде всего, сфера культуры производства и

жизнеобеспечения – жилище, пища, одежда, утварь, орудия труда и средства транспорта.

Строго говоря, в культурном слое материалов, на основе которых возможно реконструировать жилище горожанина конца XVI–XVII вв., обнаружено совсем немного. Отсутствие фундаментов, плохая сохранность дерева, частые пожары и интенсивная строительная деятельность – все это определило ситуацию, когда достаточно сложно получать археологические свидетельства о домостроительстве рассматриваемого времени. Очевидно, что горожане проживали в наземных срубных постройках. Погребя имели либо срубную, либо каркасно-столбовую конструкцию. Для отопления жилища использовались битые печи, о чем свидетельствуют их остатки (линзы желтого суглинка со следами прокала). Они неоднократно изучались при раскопках.

В конце XVII в. в Тобольске начинается каменное строительство, которое не было направлено на возведение рядовых жилых сооружений. Кирпич использовался при укладке печей. Возникло изразцовое производство [6, с. 62–63]. Также можно утверждать, что уже в XVII в. для относительно зажиточных горожан сформировалась практика создания отдельных усадеб, представлявших собой совокупность жилых и хозяйственных сооружений, объединенных в единый комплекс.

Тканевые изделия, которые, как можно предполагать, составляли основу костюма тоболяков в конце XVI–XVII вв. в культурном слое сохраняются достаточно плохо, хотя очевидно, что в городе использовался как домотканый, так и привозной текстиль [8]. В одном случае в погребении XVII в. был обнаружен женский головной убор – волосник. Он состоял из двух деталей: очелья, представлявшего собой неширокую полосу ткани, расшитую узорами, и кружевного верха-сеточки, под которую убирались волосы [6, с. 65]. Другие сохранившиеся предметы одежды представлены изделиями из кожи – рукавицы и обувь. В археологических материалах выделяется обувь мягких форм – поршни, туфли и четыре подтипа обуви жестких форм (сапоги, башмаки) [9, с. 180]. Ввиду определенного сходства, можно утверждать, что уже в XVII в. появляются модели обуви, на основе которых формируются такие поздние типы как чарки и бродни. Отдельно выделяется простейшая ритуальная обувь – калигвы, использовавшаяся исключительно в погребальной обрядности. Другие детали костюма представлены находками пуговиц (костяных и пастовых), ременных пряжек, перстней и бус.

Условия жизни русских переселенцев в Западной Сибири формировались под влиянием целого ряда факторов. Первоначальное освоение региона требовало значительных трудозатрат для становления сельского хозяйства, которое на раннем этапе не могло обеспечить население всеми необходимыми продуктами. С другой стороны, леса и водоемы позволяли существенно разнообразить рацион питания, что

накладывало определенный отпечаток на уклад жизни и деятельность сибиряков в конце XVI–XVII вв. В этот период для русского населения Тобольска было характерно многоотраслевое хозяйство, которое включало в себя животноводство, земледелие, рыболовство, охоту, собирательство. Свою роль сыграли и природно-географические условия, поскольку город возник близ места слияния двух крупных сибирских рек – Иртыша и Тобола, на границе лесостепной и южно-таежной зон.

Изучение костных останков животных, собранных при раскопках, показывает, что в пищу, прежде всего, употребляли мясо крупного рогатого скота [10, с. 67]. Соответственно, второе и третье место в рационе питания с незначительным отрывом друг от друга занимают мясо свиньи и мелкого рогатого скота. В составе найденных костных останков птиц присутствуют экземпляры, принадлежавшие домашним курами и гусям. Археологические материалы позволяют обоснованно утверждать, что была также развита добыча мясных зверя и дичи, хотя она не оказывала значительного влияния на рацион питания. Для окрестностей Тобольска с определенного момента времени этот промысел становится практически единственным возможным видом охоты, поскольку уже к середине XVII в. пушные ресурсы в местных лесах оскудели [11, с. 221].

Выращиваемое и привозимое зерно обрабатывалось на ручных либо на мельничных жерновах, фрагменты которых были обнаружены при раскопках [10, с. 71]. Для приготовления пищи использовалась как металлическая, так и глиняная посуда. Последняя имела большее распространение. Известны находки обломков железной сковороды и бронзового котла. Глиняная и деревянная посуда использовалась и как столовая, и для хранения продуктов.

Транспортные средства играли заметную роль в системе жизнеобеспечения древнего Тобольска, в том числе активно использовались они и в хозяйственно-промысловой деятельности жителей. Необходимо учитывать, что сравнительно немногочисленное русское население, разбросанное на огромных просторах Сибири, поддерживало тесные культурные и экономические связи с городами Европейской России, что, в свою очередь, требовало достаточно развитых средств сообщения. Насколько можно судить, повсеместное распространение имели лыжи, гужевой и водный транспорт, что подтверждается археологическими находками судовых скоб, конских подков, удил, деревянной лыжи [12, с. 216–217].

Предметы быта, хозяйственный и промысловый инвентарь, обнаруженные при раскопках, в значительной степени являются свидетельствами существовавшего производства как ремесленного, так и домашнего.

Характеризуя экономическое развитие города в целом, стоит отметить, что некоторые виды деятельности тоболяков в археологических

материалах представлены достаточно скупо. По мнению М.П. Черной, такие производства как стеклодувное, ювелирное дело, деревообработка, изготовление простых саржевых и полотняных тканей, плетеных, вязаных, берестяных изделий в сибирских городах и острогах, вероятно, не везде развились до уровня ремесла, что отразилось в объеме ископаемых источников [13]. Отдельно стоит отметить, что в работе О.Н. Вилкова «Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке» дается характеристика ряду ремесел и промыслов, существовавших в Тобольске, но их наличие практически невозможно подтвердить археологическими материалами. Это войлококатный, клееваренный, дегтярный промыслы [11, с. 38–40], мыловарение, свечной промысел [11, с. 44–50], иконопись [11, с. 64–66].

Анализ археологических материалов в сопоставлении с письменными источниками позволяет прийти к выводу, что охота и рыболовство получили свое развитие, опираясь на местное производство необходимого снаряжения и оснастки. Местные пушные и рыбные рынки формировались непосредственно на базе этих отраслей промыслового хозяйства и вошли в систему крупнейших общерусских рынков.

Можно говорить, что в городе было достаточно развито животноводство. Отсутствие в культурном слое пашенных орудий, скорее всего, свидетельствует о том, что на прилегающих к городу территориях пашенным земледелием не занимались [10, с. 71]. Темпы развития сельского хозяйства, строительства и транспорта опережали возможности ремесленного производства, а именно его объем, поэтому спрос на земледельческие орудия, конскую упряжь, крепеж (гвозди, корабельные скобы) удовлетворялись за счет привозных товаров из Европейской части страны. В свою очередь, развитие различных хозяйственных и промысловых отраслей стимулировало развитие ремесел (спрос на определенные виды ремесленных изделий); такие отрасли хозяйства как животноводство и охота являлись сырьевой базой для развития кожевенного и косторезного производства.

Большую часть находок, характеризующих материальную культуру конца XVI–XVII вв. г. Тобольска, составили предметы быта. Типологический и сравнительный методы изучения предметов быта показали, что они были в основном изготовлены местными мастерами-профессионалами, а уровень развития гончарного, сапожного и кузнечного ремесел был достаточно высок. Была прослежена их преемственная связь с традициями ремесел европейской части страны и, особенно, с ее северо-восточной областью. Некоторые виды изделий имеют архаичный облик по сравнению с предметами, изготовленными в центральной части страны, архаизм присущ и отдельным сторонам ремесленного производства.

Археологические материалы свидетельствуют, что уже в начале столетия в городе возникает гончарное ремесло, которое на протяжении XVII в. интенсивно развивалось. Тобольские мастера производили

значительное разнообразие гончарной посуды (горшки, миски, сковороды, горшки со сливами, корчаги), однако в то же время местная керамика имела некоторые отличия и несколько уступала по качеству посуде, изготовленной в городах Европейской России [14, с. 47].

В XVII в. Тобольск становится экономическим центром развития кожевенного производства в Сибири, что во многом обусловило становление и интенсивное развитие сапожного ремесла. В культурном слое обнаружены остатки нескольких видов обуви, рукавицы, инструменты сапожного промысла (раскроечные ножи, шилья).

Изделия из железа, найденные в Тобольске, позволяют нам в значительной степени охарактеризовать повседневный быт жителей сибирской столицы. Из железа изготавливалась основная часть инструментов и орудий труда: топоры, тесла, сверла, ножи, шарнирные ножницы, шилья. Кроме непосредственно кузнечного производства эти находки напрямую имеют отношение к некоторым другим производственным занятиям жителей Тобольска, например, строительству, деревообработке, сапожному и портняжному ремеслу [6, с. 67]. Археологические материалы свидетельствуют о существовании в городе бронзолитейного производства.

Изделия из кости достаточно широко использовались жителями Тобольска. В частности, в культурном слое найдены двусторонние гребни, наконечники стрел, накладка на лук, детали рукоятей ножей, кочедыки, игровые принадлежности. Все эти изделия, как правило, не имеют художественной ценности и дают основание предполагать, что в городе в XVII в. высококвалифицированные резчики по кости отсутствовали. С другой стороны, известно о практикуемом ввозе предметов, выполненных из кости.

Кроме указанных ремесел существовали и некоторые другие отрасли, о которых можно судить также на основе археологических находок. Отдельно можно сгруппировать предметы, выполненные из камня (жернова, точила, рыболовное грузило, пищальные и кресальные кремни). Некоторые из них, вероятно, были изготовлены в Тобольске, но исходный материал был привозным. В городе развивалась деревообработка, о чем свидетельствуют находки плотницких инструментов и крепежных деталей. В частности, существовало домостроение и кораблестроение, изготовление бытового и промыслового инвентаря. Жителями Тобольска использовались также изделия из бересты (посуда, детали обуви – стельки, вставки в задник, рыболовные поплавки и др.).

Возраставшие потребности населения в тех или иных видах бытовых изделий не могли быть удовлетворены полностью из-за недостаточного объема их местного производства и отсутствия производства отдельных видов товаров в Тобольске. Недостаток товаров восполнялся их ввозом из промышленных центров Московского государства. Имеющиеся

особенности материальной культуры населения Тобольска были обусловлены как природно-географическими условиями, так и некоторыми консервативными чертами ремесла и хозяйства, находящимися, тем не менее, в общих рамках русской культуры. Определенный консерватизм традиций, по сравнению с развитым центром, вообще характерен для провинции, тем более что Тобольск и его окрестности заселялись, согласно письменным источникам, из северных земель, а не из центральных регионов. В основном же уровень и характер развития материальной культуры населения Тобольска конца XVI–XVII вв. соответствовал уровню развития материальной культуры позднесредневековой Руси, являясь её составной частью.

1. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М.: Наука, 1981. 148 с.
2. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург–Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 294 с.
3. Алексеев А.Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1996. 152 с.
4. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. : монография / отв. ред. Н.В. Кочешков. Владивосток: [б.и.], 1999. 335 с.
5. Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI – XVIII веке (по материалам археологических исследований) : монография. Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. 374 с.
6. Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск: [б.и.], 2008. 114 с.
7. Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов / отв. ред. С.А. Артюнов. М.: Наука, 1989. Вып. 3. 224 с.
8. Матвеев А.В., Глушкова Т.Н., Аношко О.М. Остатки текстильных изделий в материалах раскопок верхнего посада Тобольска // Экология древних и традиционных обществ: сборник докладов конференции : сб. докл. конф. Тюмень, 2011. Вып. 4. С. 218–220.
9. Балюнов И.В. Обувь жестких форм из культурного слоя города Тобольска XVII века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Новосибирск, 2012. Т. 11. Вып. 7: Археология и этнография. С. 179–186.
10. Балюнов И.В. Сельскохозяйственные занятия жителей города Тобольска в XVII в. (по материалам археологических исследований) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2015. № 1 (28). С. 67–73.
11. Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967. 324 с.
12. Балюнов И.В. Транспортные средства русского населения г. Тобольска и его окрестностей XVII–XVIII вв. // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всероссийской конференции. Тюмень: Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 216–218.
13. Черная М.П. Русский город Сибири конца XVI–XVIII вв. в археолого-исторической ретроспективе: Автореферат дисс. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2007.
14. Балюнов И.В. Об одном из видов гончарной посуды г. Тобольска XVII в. // II Емельяновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 11-12 мая 2007 г.). Курган, 2007. С. 45–47.

1.5. ВОЕННО-СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ ТОБОЛЬСКА В XVII В.*

Завоевание Московским царством Сибирского ханства положило начало колонизации Сибири. Однако взятие русскими Сибирского юрта было не одномоментным актом, а достаточно длительным по времени процессом, занявшим фактически всю вторую половину XVI в. вплоть до гибели хана Кучума. Но и после этого его сыновья и внуки пытались вернуть потерянное ханство еще в течение нескольких десятилетий XVII в. Поддержку они получали у башкир, ногаев, ойратов и других народов. «...Сибирские народы смотрели на них [Кучумовичей – З.Т.] как на законных владельцев страны», – указывал Г.Ф. Миллер [1, с. 32]. В течение XVII в. русским приходилось присоединять новые территории в условиях военных столкновений с Кучумовичами и кочевыми народами.

При данных обстоятельствах трудно переоценить роль военно-служилых людей в процессе приобретения и удержания новых азиатских территорий. По мнению известного историка Н.И. Никитина, силами служилых людей, которые были главной военной силой в Сибири, происходило ее «покорение под Российскую державу» [2, с. 19].

Рассмотрим военно-служилый контингент главного сибирского города Тобольска в течение XVII столетия. Различные аспекты данной темы освещалась в трудах Н.И. Никитина, В.Д. Пузанова, Д.О. Скульмовского, Я.Г. Солодкина и др. историков [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]. Мы остановимся на составе, количественных изменениях, функциях, жалованье тобольского гарнизона, акцентируя внимание на одной из категорий этого контингента – служилых татарах.

В процессе освоения новых территорий Москва выбрала стратегию фронта путем создания острогов-форпостов на вновь присоединяемых землях. Как характеризовал эту стратегию Н.И. Никитин, – «закрепляться на новых землях, строя города-крепости, а опираясь на них, продвигаться дальше...» [2, с. 14].

Первыми городами-крепостями стали Тюмень и Тобольск, основанные отрядами воинских людей, направленных из Москвы во главе со стрелецкими головами – Василием Сукиным, Иваном Мясным и письменным головой Даниилом Чулковым. Эти отряды на месте бывшей татарской столицы Чимги-Тура в устье р. Тюменки основали крепость Тюмень (1586 г.), а через год – в 1587 г., в устье р. Тобола, в 15 верстах от Сибири (Искера) письменный голова Данила Чулков основал крепость

* Работа выполнена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2015-0003 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н.э. – II тыс. н. э.)».

Новую Сибирь (Тобольск). Эти остроги стали базами всего дальнейшего продвижения русских по Сибири.

Москва всячески стремилась установить прочные административные, политические и экономические связи с «дальней сибирской вотчиной», т.к. в течение всего столетия существовала угроза отпадения Сибири. Связующим звеном между Сибирью и центром с конца XVI в. становится Тобольск, объединивший под своим началом все сибирские города [13, с. 78]. Он не случайно был поставлен около старой столицы Сибирского ханства, в результате город наследовал сложившиеся административные и хозяйственные отношения, связи, сложившиеся за многие столетия перед русским завоеванием [14, с. 72]. Русской администрацией была умело использована и военно-служилая знать Сибирского ханства, которая вошла в состав военного контингента Тобольска под наименованием служилых татар [15, с. 45; 16].

Тобольск становится главным военно-административным центром Сибири с конца XVI в. Тобольские воеводы сосредотачивали в своих руках руководство военным контингентом Сибири, оборону острогов и слобод, сбор ясака, присоединение новых территорий, строительство крепостей, городов и иные функции.

В течение первого столетия существования Тобольска основное население города составлял военно-служилый контингент. В 1624 г. служилым людям принадлежало почти 70 % дворов. Так, согласно «Дозорной книге города Тобольска 1624 г.» в городе было 153 двора служилых людей из общего числа 297 [17, с. 31].

Изменения в численности служилого населения городов Западной Сибири происходили в соответствии с задачами, встававшими перед военно-административным аппаратом того или иного города в ходе освоения края. Наиболее интенсивно среди сибирских городов увеличивался гарнизон Тобольска, который с конца XVI в. становится главным городом Сибири и посылает своих служилых людей в самые различные ее районы [3, с. 27].

Просматривая изменения в численности служилого населения Тобольска в течение XVII столетия, наблюдается следующая картина. Общая численность служилых людей в городе в 1630 г. составляла 730 человек. К середине столетия (1663 г.) военный контингент увеличился до 1645 чел., а к концу XVII в. (1699 г.) – до 2156 чел. [3, с. 33].

Несколько иные цифры приводит В.Д. Пузанов. По его данным, в 1627 г. общее число служилых людей в Тобольске составляло 708 чел., а к 1638 г. – 1456 [10, с. 124].

Всего же по трем главным сибирским городам (Тобольск, Тюмень, Тара) на службе состояло в 1633 г. – 1489, в 1663 г. – 2999, а в 1699 г. – 3885 чел. [3, с. 33]. Таким образом, мы видим, что к концу XVII в. численность военно-служилого контингента сибирских городов

значительно выросла, при этом более половины всех служилых приходилось на Тобольск.

Показательным фактором для Тобольска является численность в нем «начальных людей», к которым относились, прежде всего, дети боярские. В.Д. Пузанов обращает внимание на то, что корпорация детей боярских в Тобольске с 1628 по 1685 г. выросла в 7 раз и составила к концу XVII в. 253 чел. детей боярских и 6 недорослей [10, с. 125–126].

Как считает А.А. Люцидарская, в большинстве городов Западной Сибири треть состава гарнизонов формировалась из «иноземцев», среди которых преобладали служилые татары. В самом крупном сибирском городе – Тобольске – во второй четверти XVII в. этот процент колебался в разные годы от 34,1 до 56,6 [18, с. 55].

Большая часть служилых татар была приписана к Тобольску [3, с. 36]. Здесь служилых татар в XVII в. числилось от 250 до 255 человек (с братьями, детьми и другими неслужащими родственниками в 1635 г. их было всего 461 человек), в Тюмени находилось в среднем около 75 служилых татар, позднее – свыше 100 чел., в Таре в первой четверти столетия, по официальной справке, их должно было быть 36 чел., в действительности же было 49, 57, затем 65 чел. [19, с. 163].

В целом, видим, что состав татарских команд Тобольска, как и других городов, остался практически неизменным, несмотря на то, что общая численность военных в Сибири в течение XVII в. увеличилась почти в 3 раза. Мы уже обращали внимание на соотношение численности служилых татар и общего числа служилых людей в первых русских городах, в т.ч. Тобольске [15, с. 53]. Если в начале века служилые татары составляли 34,5 % от общей численности военного контингента, то к концу XVII в. они составили в Тобольске 11,9 % [3, с. 33]. Таким образом, к концу XVII в., по сравнению с началом столетия, наблюдается резкое изменение в соотношении татарского служилого населения к общей массе служилого военного сословия. Доля его в течение столетия уменьшилась с одной трети от общей численности до одной десятой части.

Исследователи подчеркивают многонациональный состав военно-служилого контингента, формировавшегося из различных слоев населения [3; 20; 21]. Наряду с русскими, в Сибири служили «литва и немцы и черкесы и новокрещенные татаровья, и черемисы» [3, с. 40]. Довольно подробный анализ этнического состава служилых людей в XVII в., в т.ч. Тобольска, сделан известными сибирскими историками А.С. Зуевым и А.А. Люцидарской [22].

По окладным именовым книгам Тобольска в 1633 г., в состав начальных людей входили один голова тобольских юртовских служилых и захребетных татар, один голова конных и один голова пеших русских казаков. Также в книгах показаны 39 детей боярских с одним недорослем, 9 человек литвы, поляков и один немец, которые служили вместе с детьми

боярскими. Категория детей боярских вместе с указанными иноземцами составляла 51 чел., кроме выбывших 3 чел. детей боярских [23, с. 26].

Общее количество конных казаков русского и литовского списка в 1633 г. составило 62 чел., из которых русских конных казаков в приказе у головы состояло 57 чел.

Еще одну категорию служилых людей составляли новокрещены, которыми руководил атаман новокрещенов. Число казаков новокрещеного списка составляло 25 чел., без учета одного сбежавшего новокрещена и одного отставленного от службы «от старости и увечья».

У стрелецкого сотника по тем же книгам числилось 107 чел., из которых 104 русских стрельца и 3 чел. «литвы».

В станицах у восьми атаманов числился 501 чел. списка русских пеших казаков, (в т. ч. в казаках состояли 3 чел. литвы и немец). Далее в документе указывается, что «выбыло из пеших казаков померли и сбежали и за воровство в душегубном деле и за побег и за грабеж торговых и промышленных людей сидят в тюрьме и за зернь и за болезнь из службы выметаны 137 ч-к; да по государеву указу послано на житье в Енисейский острог 150 ч-к». Кроме того, в этот период в Тобольске служили 7 пушкарей и затинщиков.

Общее число в Тобольске «голов и детей боярских с ротмистром литовскими с сотником стрелецкими атаманов и литвы и литовского списку и конных и пеших казаков и стрельцов и пушкарей и затинщиков и всяких служилых русских людей и иноземцов и юртовских татар» составило 1175 чел., кроме 327 выбывших служилых русских людей и татар [23, с. 27].

Согласно окладным книгам в 1678 г. тобольский гарнизон состоял из следующих чинов: 1 голова конных казаков, 1 голова стрелецкий, 1 голова пеших казаков, 1 ротмистр литовской, 1 голова татарский, 178 детей боярских кроме тех, которые из детей боярских переведены в прежние чины; 38 недорослей детей боярских. Рейтарами командовали 1 ротмистр, 2 поручика, 1 капитан, 4 прапорщика, 3 подпрапорщика, драгунами – 1 майор, 4 капитана, 2 поручика, 5 прапорщиков, 358 рейтар, 495 драгун [23, с. 32]. Далее названы 5 сотников стрелецких, 1 атаман новокрещеных, 8 атаманов пеших казаков, 254 казака литовского, конного и новокрещеного списков; 464 стрельцов, кроме умерших и отправленных на службу на Лену и в Даурию; 631 пеших казака, кроме направленных в командировки, 2 городских «прикащика», 1 «прикащик» пашенных крестьян, 4 татарских толмача, 1 толмач калмыцкий, 3 остяцких толмача, 2 переводчика «калмыцкой грамоты», 1 часовник, 11 пушкарей, 4 сторожа приказных изб, 4 городских и острожных «воротников», 1 дворник гостиного двора, 1 тюремный сторож, 2 судовых сторожа, 2 палача, 256 человек служилых татар [23, с. 32].

Общее количество в Тобольске служилых всяких чинов с недорослями детьми боярскими и с татарами по данной книге 1678 г. составило 1878 чел., за исключением татарского головы, а также рейтар и драгун во главе с их начальными людьми, направленных в командировки на Лену и в Даурию [23, с. 33–34]. Таким образом, за несколько десятилетий произошел заметный рост тобольского гарнизона, который увеличился на треть.

Гарнизон сибирской столицы был знаком буквально со всеми видами «служб», осуществляемых за Уралом. Тобольск рассылал своих служилых людей по всей Сибири, и им, наряду с представителями местных военных контингентов, приходилось выполнять самые различные поручения.

Основные функции, исполнявшиеся казаками в XVII в., были следующие: «они содержали везде стражу, употреблялись при построении слобод, отправляли разные службы по городам при воеводах, чинили сбор ясака в казну от ясашных народов и удерживали их в надлежащем повиновении начальству...» [27, л. 440 об.]. Наряду с русскими, во всех этих мероприятиях участвовали «литва», новокрещены и юртовские служилые татары. Первые русские города в Сибири в течение всего XVII в. находились в постоянном контакте со степными народами, поэтому их успешное функционирование было возможно лишь при наличии значительного контингента конницы. Конная служба возлагалась на русских конных казаков, казаков «литовского», черкасского и новокрещеного списков, а также юртовских служилых татар.

Рассматривая службы тобольского гарнизона в первой половине XVII в., можно определить основные направления «посылок» служилых людей. Так, в 1632 г. 20 тобольских служилых людей были направлены для доставки хлеба в Мангазею. Возглавлял экспедицию атаман пеших казаков Тугарин Панютин. Оттуда они были направлены в «зимовья для ясажного сбора» [23, с. 26]. В 1633 г. тобольские служилые пешие казаки и стрельцы были определены годовальщиками на заставы в остроги Тобольского и Тарского уездов для защиты от нападений кочевников: в Тарский уезд в Ишимский острог 36 чел. во главе с тобольским сыном боярским Борисом Черкасовым, в Тебендинской острог 30 чел.; в Коурдацкой острог во главе с атаманом новокрещеных татар Офонасьем Черкасовым 36 чел.; в Тобольской уезд в Вагайской острог во главе с атаманом пеших казаков Юрием Воеводским 31 чел.; в Тарханской острог 15 чел., по вестям на Тару направлено 40 русских служилых людей и 50 юртовских служилых татар [23, с.28–29].

В 1632 г. в поход на Кучумовичей направлен отряд тобольских служилых людей, состоящий из 90 чел. «литвы» и русских конных казаков, 100 юртовских служилых татар.

19 служилых направлены «в Новые землицы на реку на Лену» на 3 года во главе с сыном боярским Воином Шаховым, 2 чел. с атаманом

Жданом Архиповым в Мангазею с хлебными запасами, 70 стрельцов и пеших казаков направлены во главе с сыном боярским Томилом Петровым на поимку беглецов на Собскую заставу, 2 чел. с сыном боярским Василием Ларионовым на Киртанскую заставу для сбора пошлин. Также направлялись служилые люди для поиска беглецов, для сопровождения казны, конвоирования колодников и т.д. [23, с. 28–29].

Остававшиеся в городе служилые люди и юртовские служилые татары «меж тех служб и посылок» рассылались в «розные мелкие посылки» на государевы рыбные ловли, в ясачные волости для сбора ясака, в другие сибирские города для сопровождения колодников и др. Кроме того, на 201 чел. юртовских служилых татар с их родственниками и захребетниками была возложена ямская гоньба, отряды по 50 служилых татар отправляли в ежегодную экспедицию «по соль» на Ямыш-озеро [23, с. 28–29].

На протяжении длительного периода (с конца XVI по конец XVII в.) постоянную угрозу для сибирских волостей представляли набеги калмыцких отрядов, которые грабили русские и татарские поселения, захватывали пленников. Высочайшими указами из Москвы тобольскому, тюменскому и тарскому воеводам было приказано оказывать вооруженное противодействие калмыкам и держать их на известном расстоянии от русских пределов [1, с. 30]. Для этих целей из казаков и татар (как служилых, так и ясачных), а также из русских «охочих» людей было собрано войско. Весною 1607 г. это объединенное войско нанесло калмыкам значительный урон, хотя, как замечает Г.Ф. Миллер, «и не такой, который заставил бы их уйти от близкого соседства с русскими» [1, с. 30].

Особо напряженная ситуация складывалась в отношениях с калмыцкими улусами в первой половине XVII в. Как замечает Г.Ф. Миллер, при господствовавшей в то время в Московском государстве смуте такое большое количество внешних врагов могло легко привести к общему восстанию сибирских народов, если бы против этого своевременно не принимались меры [1, с. 32].

Частыми были нападения калмыков на Тару. Для помощи тарскому гарнизону из Тобольска и Тюмени направлялись служилые люди. Так, весной 1632 г. были направлены «по вестям на Тару для приходу воинских людей» во главе с сыном боярским Иваном Шульгиным 40 чел. литвы и конных казаков и вместе с ними 60 служилых татар. Следующая команда служилых людей, отправленных в подмогу, состояла из 20 стрельцов и пеших казаков и 30 юртовских служилых татар под предводительством тарского сына боярского Ерофея Заблоцкого. Ситуация урегулировалась лишь к январю следующего года. Весь указанный период служилые находились в командировке.

В сентябре 1634 г. произошло новое нападение калмыков на Тару. Почти все русские и татарские деревни, расположенные близ города, были сожжены дотла, а жители, не успевшие укрыться в городе, попали в плен или были убиты. В Тобольск были отправлены гонцы с просьбой о присылке помощи, которая подоспела только к середине октября. Когда калмыки вернулись и пытались овладеть городом, они были отогнаны. Русские и татарские пленники были освобождены, у калмыков было отбито 300 лошадей [1, с. 107].

В 1646 г. угроза нападения калмыков нависла и над Тобольском. Вот как описывает эти события Сибирская летопись тобольского ямщика Ивана Черепанова: «По рекам Тоболу и Иртышу от кочующих тамо калмыков в Тобольску получены опасные вести, что у них производится военное приуготовление, а с той стороны же укрепленные границы. За малым числом военных людей, в Тобольску от тово была немалая опасность. А как более они чинили на ясашные волости и слободы свои набеги, а татара склонны были на их сторону, тогда уже в Тобольску ожидали действительно осады...» [по: 17, с. 192–194]. Тобольскому воеводе в этих условиях пришлось предпринять серьезные меры для защиты города, укрепляя фортификационные сооружения и мобилизуя служилых и отставных людей.

В 1610 г. калмыки захватили соляные озера и не допускали посланных из Тары казаков брать из них соль. Из Тобольска в Тюмень воеводе С. Волынскому была направлена грамота, что «в прошлом 119-м году послано на Тюмень из Тобольска тюменским служивым людям на жалованье соль в полы их окладов, потому что в Тобольске соли нет, а с Тары соль по два года не присылована для того, что калмыки озера отняли, и вперед будет соли из Тобольска в города служилым людям на жалованье послати нечего» [1, с. 221–222]. В 1611 г. казакам в Тюмени, в Тобольске и других городах могла быть выдана только половина причитавшейся им соли. Из всех городов было вызвано определенное количество служилых людей и служилых татар [1, с. 221].

В 1611 г. тобольским воеводой И. Катыревым-Ростовским было велено тюменскому воеводе М. Годунову направить в поход тюменских служилых людей и татар к соляным озерам Тарского уезда. «И на весну, как лед вскроется, послати к соляным озерам по соль из сибирских городов служивых людей и татар в судех и полем на конех; и он бы сказал тюменским служивым людям с вогненным боем 20-ти человеком да татаром служивым 20-ти человеком, чтоб они готовы были на весну по соль итти...» [1, с. 222].

В 1613 г. был отправлен со служилыми людьми из Тобольска вверх по Иртышу для проводывания соляного озера литовский ротмистр Бартош Станиславов. Он нашел это озеро и доставил из него в Тобольск соль [1, с. 34]. Как считает Г.Ф. Миллер, здесь идет речь об открытии соляного

озера Ямыша, которое в последующее время снабжало солью значительную часть Сибири, вместо других озер, которые хотя и лежали ближе к Таре по сухому пути, но были более удалены от Иртыша. Озеро Ямыш нужно было предпочесть этим озерам не только вследствие его более близкого положения от Иртыша, но также и потому, что добытая из него соль превосходила своим качеством всякую другую, которая добывалась в Сибири. Ежегодно за солью на Ямыш-озеро отправлялось по 50 служилых татар [23, с. 27–28]. В 1629 г. в Тобольск с озера Ямыш было привезено 21778 пудов 22 фунта соли [24, с. 149]. В соляных походах служилые татары участвовали вплоть до конца XVII в.

По одному из документов первой половины XVII в. – именному списку 1628 г. – можем наблюдать, на какие службы направлялись служилые татары сибирских городов в указанный период. Из состоявших в Тобольске 258 юртовских служилых татар на годовую службу в Томск были отправлены 40 чел. служилых татар, вместе с ними было также направлено 20 чел. русских казаков, «литвы» и стрельцов. Кроме того, «с государевы хлебные запасы» для жалования томским служивым людям в Томск были посланы «сын боярский, а с ним из Сургута в гребцах послано литвы и казаков и стрельцов 13 человек да тобольских юртовских татар 15 человек» [25, с. 52–53]. 2 служилых татарина вместе с казаком литовского списка были отправлены для проводывания всяких вестей в «колмаки». Всего по службам и в рассылках из Тобольска находилось 23 чел. детей боярских, стрелецкий сотник, 272 чел. «литвы», казаков и стрельцов, а также 147 чел. юртовских служилых татар. Оставшиеся служилые татары «гоняют гонбу з захребетными тотары и з братьею своею, и с племянники на четыре дороги: на Березов, в Сургут, в Нарымский и Енисейский остроги, и в Томской город, и в Кузнейский острог. А на другую дорогу, на Тару, на третью дорогу, на Тюмень, в Туринской, на Верхотурье, на четвертую дорогу – на Пелым» [23, с. 70].

Одной из важнейших функций сибирского казачества в XVII в. было строительство городов и острогов. Наряду с русскими казаками, служилые татары также принимали деятельное участие в возведении многих сибирских городов, в т.ч. и в строительстве Тобольска. «Сибирский летописный свод» сообщает, что в 1687 г. был построен в Тобольске «чрез речку Курдюмку тоболскими всяких чинов русскими людьми и тотары мост новый и по обе стороны тово моста лавки» [26, с. 225]. А в 1689 г. по приказу боярина и воеводы А.П. Головина в Тобольске были построены два новых моста через речку Курдюмку, один Казачий, другой Прямской. «А строены те мосты всяких чинов рускими людьми и тотары» [26, с. 229]. Участвовали служилые татары в строительстве тобольского острога и ворот: «Да поставлено до башни, которая на Базарном взвозе, острога на одиннадцати саженьях. А ту калитку строили и острог ставили тоболские юртовские тотары бухарцы. Башня Базарная старая с ворота построена на

дву саженьях с полусаженью, в вышину до облатов шестнадцать рядов... А от башни Базарная для проезда на гору построены ворота... А строили те вышеписанные Базарные ворота и калитки. И острог ставили тобольские юртовские татары бухарцы... А от тое Петропавловской башни делали валу и рву тобольские служилые же тотаров семдесят семь сажень...» [26, с. 226–227].

Все категории служилого населения Сибири в XVII в. имели право на три вида жалованья – денежное, хлебное и соляное. Исключение составляли юртовские служилые татары. В большинстве своем они не получали хлебного жалованья [3, с. 105].

По данным Н.И. Никитина, средний оклад рядовых пеших казаков и стрельцов в «пашенных» (где были благоприятные для «пашни», т.е. занятий земледелием условия) городах в XVII в. составлял 4,25 руб. [3, с. 106]. Более высокие оклады были в столице Сибири среди таких категорий как дети боярские, юртовские служилые татары, а также среди «начальных людей». В размерах денежных окладов тобольских служилых людей наблюдается существенная разница. Так, согласно окладным книгам (1696 г.) дворяне получали от 15 до 20 руб., дети боярские от 4 до 17 руб., а недоросли, включенные также в окладной список – от 3 до 7 руб. [23, с. 44]. Отдельную группу составляли казаки литовского списка. Их в конце XVII в. в Тобольске насчитывалось 194 человека с окладами от 7 до 14 руб. Во главе их стояли поручик с окладом 10 руб. и прапорщик, получавший 11 руб. в год [23, с. 45].

Казаков-новокрещен возглавлял атаман, годовой оклад которого составлял 14 руб. Всего «новокрещеного списка» казаков было 42 чел. Их оклады варьировались от 2 до 11 руб. Также в этот период в гарнизоне Тобольска состояло 188 конных казаков из рейтар, получавших жалованье от 6 до 12 руб. Стрелецкий голова получал годовой оклад 15 руб., 5 сотников – оклады от 8 рублей. Пешие казаки возглавлялись 8 атаманами, получавшими по 13 руб., 16 пятидесятниками, оклад одного из которых составлял 7 руб., а остальные получали по 5 руб. с четью. Десятники получали жалованье по 4 руб. 25 алтын, а рядовые пешие казаки – по 4 руб. с четью.

В гарнизоне Тобольска состояли также 10 пушкарей, получавших от 4 до 6 руб. в год, а также 4 татарских толмача с окладами от 11 до 8 руб., 2 «остяцких» (т.е. хантыйских – *З.Т.*), один из которых получал 5 руб., а другой – 6 руб., 1 «колмацкий» толмач (переводчик с калмыцкого языка – *З.Т.*) с окладом 5 руб. и 1 вогульский (мансийский), получавший 4 руб. с четью. 28 беломестных казаков, состоящих в Атбашском остроге, получали по 4 руб. с четью, т.е. оклады пеших казаков, 3 из них – стрелецкие оклады [2, с. 49].

Численность юртовских служилых татар, имевших хлебное жалованье, до конца столетия была не велика даже в главном сибирском

городе Тобольске. В Таре служилые татары никогда не получали хлебного жалованья. Оклады денежного и соляного жалованья большинства служилых татар были ниже, чем у служилых других военных категорий. Как считает Н.И. Никитин, данный факт сближает служилых татар с ясачными, придавая их службе черты повинности, заменяющей ясак [3, с. 109]. По его мнению, это представляет пример распространенной в Сибири практики фактического вычитания суммы ясачного оклада из жалованья служилых людей, набранных из коренного населения.

Соляные оклады выплачивались, как правило, в один прием, а хлебное жалованье – одновременно с соляным, но в одних случаях вместе с солью выдавались полные хлебные оклады, а в других – лишь часть их, остальное же – позднее. Хлебные оклады на 1635–1636 гг. большинству тобольских детей боярских выдали в два приема (в октябре и ноябре), основной же массе татар – в один прием (в январе), преобладающей части служилых людей прочих категорий – трижды, а многим и четырежды. Единоновременно, например, в 1636–1637 гг. была произведена выдача денежных окладов большей части тобольской конницы («литве», новокрещенам и конным казакам – в июне, юртовским служилым татарам – в июле). Порядок выдачи окладов жалованья в два-три приема получил широкое распространение в Русском государстве [3, с. 124–125].

Как отмечает Н.И. Никитин, «система выдачи жалованья довольно последовательно отражала стремление правительства к максимальной экономии государственных средств за счет общественных низов» [3, с. 141]. Размеры большей части окладов обеспечивали прожиточный минимум лишь самого служилого и, как правило, не более чем одного взрослого члена его семьи. Выдавались эти оклады до конца 60-х гг. обычно полностью, однако и до второй половины XVII в. выплату жалованья нельзя было назвать регулярной: для большинства служилых она производилась каждый год в разное время. Часть окладов различными путями присваивалась местной администрацией. Все эти обстоятельства не могли не побуждать служилых людей к поиску дополнительных источников существования.

Размеры жалованья существенно различались не только между различными категориями служилого населения, но и внутри определенной категории в разных городах. Оклады тобольских служилых, и в том числе и служилых татар, были намного выше, чем у служилых других городов.

По справке 1631 г., в г. Тобольске 4 служилых татарина получали по 12 руб., 4 – по 11, 2 – по 9, 10 – по 8, 18 – по 7, 18 – по 6, 36 – по 5, 68 – по 4, 1 – 3 руб. 50 коп. и 82 человека – по 3 руб. Кроме того, 12 человек, которые получали старшие оклады, получали еще и по 2 чети ржи и 2 чети овса. Тюменские татары получали приблизительно такое же жалованье. 1 чел. получал 12 руб. и хлебное жалованье, другой («ясаул») – 9 руб. и тоже хлеб, 3 чел. получали по 8 руб., 8 – по 7, 1 – по 6 руб. 50 коп., 7 чел. –

по 6 рублей, 15 – по 5, 5 – по 4 руб. 50 коп., 17 чел. – по 4 рубля, 1 – 3 руб. 50 коп. и 16 чел. – по 3 рубля. Размеры окладов тарских татар были значительно меньше. 1 чел. получал 7 руб., 1 – 6 руб., 1 – 5 руб., 12 – по 4 руб., 10 – по 3 рубля. Только 2 чел. пользовались хлебным жалованьем [19, с. 171].

Самый высокий оклад среди всех категорий служилого населения, включая даже русских чиновников, был у тобольского татарского головы. По окладным книгам 1647–1648 гг., в первой половине XVII в. оклад татарского головы составлял 30 руб. деньгами, 30 четвертей ржи, столько же было положено овса, а также 3 пуда соли [3, с. 110]. Если сравнить жалованье татарского головы с жалованьем голов русских казачьих подразделений, то, по тем же окладным книгам, голова пеших казаков получал 22 руб., а голова конных казаков – 11 руб. денежного жалованья [3, с. 110]. Таким образом, наблюдается существенная разница в денежных окладах, определявшаяся сложностью задач и важностью роли татарского головы.

Военно-служилый контингент Тобольска играл исключительно важную роль в процессе присоединения и удержания Сибири в составе Русского государства. Особо значима эта роль была на начальном этапе колонизации – в XVII столетии. Многочисленные и разнообразные функции, выполнявшиеся военно-служилым гарнизоном Тобольска, показывают значимость города на первом, «военном», по выражению известного историка А.В. Головнева, этапе колонизации Сибири.

1. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. 535 с.
2. Никитин Н. И. Освоение Сибири в XVII веке. М.: Просвещение, 1990. 144 с.
3. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, 1988. 256 с.
4. Пузанов В.Д. Служилые люди Тобольска в колонизации Енисейского края // ХМАО-Югра: исторические вызовы и ответы. Материалы Всероссийской научной конференции. 2013. С. 20–24.
5. Пузанов В.Д. Служилые люди города Тобольска // Северный регион: наука, образование, культура. 2010. №1 (21). С. 55–68.
6. Пузанов В.Д. Служилые люди Тобольска на «береговой службе» Сибири // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 5 (39). С. 37–40.
7. Пузанов В.Д. Гарнизон Тобольска и присоединение Восточной Сибири к Русскому государству // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 5. С. 43–47.
8. Пузанов В.Д. Формирование гарнизона города Тобольска (конец XVI-XVII вв.) // Вестник угроведения. 2014. № 1 (16). С. 143–152.
9. Пузанов В.Д. Службы гарнизона Тобольска // Северный регион: наука, образование, культура. 2012. № 1–2 (25-26). С. 189–210.
10. Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII вв.). СПб.: Алетейа. 2010. 432 с.
11. Скульмовский Д.О. К истории формирования тобольского гарнизона на рубеже XVI–XVII веков // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2007. № 18. С. 156–160.

12. Солодкин Я.Г. Служилые татары и ранняя русская колонизация Сибири (конец XVI – начало XVII вв.): военные аспекты // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 233–239.
13. Коньков Н.Л. Тобольские воеводы конца XVI – начала XVIII века. М.-Тобольск: Изд-во ОФ «Возрождение Тобольска», 2001. 118 с.
14. Вилков О.Н. К истории застройки Тобольска конца XVI-XVII вв. // Известия Сибирского отделения АН. № 6. Серия общественных наук. 1969. № 2.
15. Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань: «ФЭН» АН РТ. 2010. 288 с.
16. Тычинских З.А. К истории формирования служилого татарского сословия в Сибири (конец XVI–XVII вв.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 4 (25). С. 96-104.
17. 400 лет Тобольску: Сборник документов и материалов. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. 256 с.
18. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: Историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в. Новосибирск, 1992. 197 с.
19. Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // С.В. Бахрушин. Научные труды. Т. III. Ч. II. М., 1955. С. 153–175.
20. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII - первой половине XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 308 с.
21. История казачества Азиатской России. Т. 1. Екатеринбург, 1995. 318 с.
22. Зуев А.С., Люцидарская А.А. Этнический состав сибирских служилых людей в конце XVI – начале XVIII века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т.9 № 1. С. 52–69.
23. Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М.: Тип. М.Г. Волчанинова. 1885. 164 с.
24. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников // П.Н. Буцинский. Сочинения в 2-х томах. Т.1. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 328 с.
25. Первое столетие сибирских городов. XVII в. // История Сибири. Первоисточники. Вып. 7. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. 190 с.
26. ПСРЛ. Т. 36. М.: Наука, 1987. 387 с.
27. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГБУТО «ГА в г. Тобольске»). Ф. 329. Оп. 13. Д. 7.

1.6. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРОДА ТОБОЛЬСКА*

Колонизация Сибири представляла многоплановый процесс, включавший в себя государственно-политическое, административно-территориальное, социально-экономическое, демографическое освоение края. Археологическое изучение русских памятников Сибири становится самостоятельным направлением в 80-е гг. XX в. В настоящее время оно

* Работа подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2015-0003 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н.э. – II тыс. н.э.)»

представлено по большей части раскопками городских комплексов. Впервые сформулированное в 2007 г. положение об археологическом городоведении как новом полномочном направлении сибиреведения за неполные 10 лет находит подтверждение в исследовании всё более широкого круга городов, выделении церковной археологии, археологии некрополей и археологии повседневности. Введение в научный оборот археологических источников, представляющих остатки подлинных объектов и предметов, в овеществлённом виде отображающих процесс колонизации, позволяет по-новому подойти к изучению этнокультурного освоения края русскими, увидеть аспекты, ранее не замечаемые, рассмотреть их под другим углом зрения [1, с. 46]. В археологическом изучении культуры русских Сибири исследователи сегодня выделяют целый ряд направлений: изучение погребального обряда, этноархеологические, этнографические, антропологические, биоархеологические, естественнонаучные исследования, реконструкции жилых, хозяйственных и производственных комплексов, исследования отдельных категорий предметов материальной культуры, публикации материалов раскопок памятников и проч. [2, с. 17–18].

Тобольское Прииртышье является центральным регионом для начала и развития процесса русского освоения сибирских земель, что находит подтверждение как в письменных, так и в картографических источниках. Политические события, связанные с историей падения Сибирского ханства, определили то, что именно здесь первые переселенцы за Урал оказались у истоков формирования новой культуры жизнеобеспечения. В 1587 г. был основан город Тобольск. Он, во-первых, явился неким правопреемником Искера – столицы Сибирского ханства, во-вторых, стоял в тот период времени на основных путях, соединяющих сразу три направления – запад, север и юго-восток. Согласно письменным источникам, существовавшая военная угроза определила то, что город начинался здесь с небольшого военного острога, расположенного на высоком участке правого берега реки Иртыш – восточной части Троицкого мыса. Проведенные археологические исследования пока не позволили определить его местонахождение. Тобольский острог уже в конце XVI в. был перестроен и получил статус города, который активно развивался, что привело к заметному расширению его границ. В настоящее время «историческая часть» включает в себя несколько археологических участков и объектов: Тобольский кремль – некий преемник первого острога – военно-оборонительное сооружение, на территории которого проживали представители светской и духовной власти; городской посад, располагавшийся как в верхнем, так и в нижнем городе; христианские кладбища, располагавшиеся в черте города вокруг приходских церквей с конца XVI до 70-х гг. XVIII вв. [3; 4, с. 24]. Эти участки были выделены в результате проведения археологических работ по определению степени

сохранности и историко-культурной ценности зон городского культурного слоя [5, с. 87].

Русское население, оседавшее на территории, прилегающей к Иртышу, начинает активно обрабатывать землю. Рядом с Тобольском возникает множество сельских поселений, и город становится в XVII в. центром крупного земледельческого района Западной Сибири. Таким образом, формируется комплекс населенных пунктов, объединенных административными, экономическими и культурными связями.

На сегодняшний день в окрестностях Тобольска археологические исследования проводились на шести памятниках. Наиболее значимые из них: села Абалак и Ивановское; деревни Выходцева, Яркова [4; 6; 7; 8]. Полученные коллекции предметов из керамики, цветных металлов, железа, материал по погребальной обрядности русского сельского населения XVII–XIX вв. создали базу для сравнения городских и сельских комплексов археологических материалов.

В решениях V Международной конференции «Культура русских в археологических исследованиях», которая прошла в ноябре 2014 г. в Тюмени, было отмечено, что в развитии направления «археология русских» зафиксированы существенные изменения. По мнению Л.В. Татауровой, исследования вышли на новый уровень, поскольку произошел переход от накопления материала, несмотря на то, что раскопки русских комплексов продолжаются и их объем увеличивается, к его обобщению и построению исторических реконструкций на междисциплинарном уровне. В качестве подтверждения этого мнения приводятся исследования омских археологов на русском памятнике XVII–XVIII вв. Ананьино I в Тарском районе Омской области [9, с. 429]. По мнению исследователей, «благодаря комплексному применению разных теоретико-методологических подходов и методических приемов в изучении археологических, письменных, картографических и иных видов источников будет получена новая информация для воссоздания облика сибирского городского поселения, определения причин и обстоятельств его возникновения и тенденций развития...» [10, с. 11]. Исследования археологических материалов на стыке различных научных дисциплин разнообразны – это изучение керамики методами естественных наук; определение технологий изготовления металлических предметов и составов сплавов; дендрохронология и ряд других.

В результате археологических исследований города Тобольска был получен предметный комплекс, датируемый XVII–XIX вв., представленный обломками гончарной посуды, изделиями из кожи, железа, кости, глины, стекла. Эти данные позволяют достаточно полно реконструировать материальную и духовную культуру русского населения Тобольска. Часть предметов этого комплекса изучается сегодня естественнонаучными методами.

Коллекция металлических предметов из раскопок города состоит из 50 наименований. В их числе орудия сельского хозяйства, ремесленные инструменты, домашняя утварь и бытовой инвентарь, конская упряжь и оружие. Часть предметов из данной коллекции подвергнута металлографическому изучению Н.М. Зиняковым [11; 12; 13]. Опираясь на полученные результаты, исследователь пришел к следующим выводам: тобольские кузнецы а) продолжали традиции древнерусских кузнецов, б) владели широким набором технологических операций, в том числе: свободной кузнечной ковкой, двухслойной и многослойной сваркой, наваркой стального твердого лезвия на более мягкую основу, термической обработкой стали и прочее [11, с. 51]. По мнению Н.М. Зинякова, значительный вклад в основание и развитие кузнечного ремесла в Тобольске внесли выходцы из Северо-Восточной Руси, в первую очередь, таких городов как Устюг Великий и Тотьма, имевших развитое железообрабатывающее производство [12, с. 116; 13, с. 57].

Огромное значение для датирования и реконструкции этапов процесса существования русских острогов и городов в Сибири имеет сегодня дендрохронология. В 2008–2010 гг. были проведены масштабные дендрохронологические исследования острогов Западной и Восточной Сибири XVII–XVIII вв. Среди них – Братский, Зашиверский, Илимский, Казымский, Умревинский остроги. Общее количество дендробразцов, отобранных с острогов, составило 200 экземпляров. Кроме того, для построения локальных дендрошквал были проведены сопутствующие дендрохронологические исследования в окрестностях острогов [14, с. 28]. В Тобольске также имеется первый опыт подобных работ. В 2007 г. В.М. Горячевым в лаборатории дендрохронологии Института экологии растений и животных УрО РАН были проанализированы более сорока спилов с бревен, извлеченных из Октябрьского раскопа. Результаты исследований показали, что вероятным временем строительства частокола являются 50–60-е гг. XVIII в. Параллельно С.П. Арёфьевым в Институте проблем освоения Севера СО РАН было выполнено дендрохронологическое определение абсолютного возраста бревна № 65. Дерево, из которого оно было изготовлено, по мнению эксперта, было срублено в период между 1610 и 1620 гг. Полученные результаты плохо согласуются между собой. Это объясняется отсутствием дендрохронологического ряда по сосне в районе Тобольска, поэтому полученные выводы нужно рассматривать только в качестве предварительных [15, с. 125].

Проведено изучение фрагментов текстильных изделий из раскопок Тобольска, представленных 38 образцами. Фрагменты текстиля были подвергнуты материаловедческому и структурному анализу. Выделено несколько видов: ткани, вязаные вещи, пояса и тесьма, витые веревки и жгуты. Все они, кроме нескольких фрагментов тонких тканей полотняного

переплетения, относятся к домотканному текстилю, и, скорее всего, являются продуктами домашнего ткачества. Местными можно считать также вязаные вещи. Большинство образцов имеет разрывы, следы изношенности или обугливания, поэтому вполне вероятно, что изделия долго использовались, а затем были выброшены [16].

Реконструкция является одной из главных задач археологии. Активно развивается это направление в оружейоведении и военной археологии. Актуально применение реконструкций и в сибирской русской археологии. В Сибири полностью раскопан Саянский острог – «первый в нашей стране случай столь полного изучения русского археологического объекта» [17, с. 404]. Опубликована графическая реконструкция внешнего вида Саянского острога со всеми выявленными в процессе археологических исследований объектами. Следует назвать также реконструкцию оборонительных стен Томского кремля 1648 г. на основе археологических, письменных и картографических материалов, выполненную М.П. Черной [18, с. 140–141].

Компьютерная 3D-реконструкция исторических объектов и поселений является перспективным направлением в современной исторической науке. Воссоздание подлинных объектов материальной культуры возможно только на основе археологических материалов, собранных на конкретном памятнике. Этот материал должен стать основой для создания трехмерной модели. Задача 3D-моделирования – разработать визуальный объемный образ желаемого объекта или предмета [19, с. 154]. Трехмерное моделирование является мощным, удобным и необходимым инструментом для проведения различных археологических работ, оформления и представления их результатов. Отметим положительный опыт 3D-реконструкции Большого Салбыкского кургана в Хакасии, датируемого V в. до н. э. [20, с. 122], археологических памятников на территории древнего Витебска в Беларуси [19].

Опыт создания трехмерных моделей на основе археологических исследований мы можем наблюдать сегодня на материалах Тобольска. В частности, создана трехмерная компьютерная модель городских укреплений, состоящая из частокола и башни конца XVII – начала XVIII вв., находившихся на Чукманском мысу [21, с. 85]. Вторым объектом можно назвать 3D-реконструкцию порохового погреба второй половины XVII в. на Малой Вознесенской стороне Тобольского кремля [22, с. 212], обнаруженного в результате археологических исследований 2001 г. во втором зале Дворца Наместника [23, с. 102].

Перспективными в плане создания 3D-реконструкций являются две полуземляночные постройки, использовавшиеся для содержания скота, датированные концом XVI – началом XVII вв.; комплекс, состоящий из северо-западной квадратной наугольной башни и каменных крепостных стен конца XVII в.; фундамент консистории 1746–1748 гг. [24, с. 450–452],

исследованные на территории Тобольского кремля; ров Тобольского острога начала XVII в. глубиной около 1,5 м от уровня материка, заполненный навозом [25, с. 478].

Работы обобщающего характера появились сегодня по археологии города Тобольска. По археологическим материалам охарактеризовано многоотраслевое хозяйство населения Тобольска в XVII–XVIII вв., которое включало в себя животноводство, земледелие, рыболовство, охоту, собирательство. Сделано описание и классификация керамического производства, изделий из кожи, кости, черных и цветных металлов, стекла [3; 26]. Как считают исследователи, совокупность археологических и исторических материалов указывает на наличие тесной экономической и духовной связи Тобольска с городами Северо-Восточной Руси [27, с. 70]. За Урал проникали ремесленные традиции, которые оказали заметное влияние на становление и развитие всех сфер производственной деятельности жителей города.

Историческая интерпретация обнаруженных в ходе раскопок вещественных материалов и объектов даст возможность связать эти материалы с событиями, происходившими в городе, позволит по-новому взглянуть на многие исторические реконструкции, созданные и создаваемые историками для Сибири.

1. Черная М.П. Европейский компонент в этнокультурном диалоге сибирского сообщества: археолого-исторический контекст // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 46–52.
2. Татаурова Л.В. Основные направления в изучении культуры русских Сибири по данным археологии // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. Омск: Изд-во Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 16–25.
3. Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.
4. Балюнов И.В. Памятники освоения русским населением Тобольского Прииртышья: краткая характеристика археологических материалов // Экология древних и традиционных обществ: материалы V Международной научной конференции / под ред. Н.П. Матвеевой. Вып. 5: в 2 ч. Ч. 2. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2016. С. 23–26.
5. Данилов П.Г. Зонирование культурного слоя г. Тобольска // Тобольск научный – 2010: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тобольск: Полиграфист, 2010. С. 87–89.
6. Данилов П.Г. Памятники русских в окрестностях Тобольска // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Ижевск, 2016. С. 303–304.
7. Данилов П.Г., Турова Н.П. Детские погребения с русского поселения «деревня Яркова» в Тобольском Прииртышье // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 45–51.
8. Загваздин Е.П. Итоги археологических исследований в монастырях Тюменской области // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. В 2 тт. /

под ред. Л.В. Татауровой, В.А. Борзунова. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Изд-во Магеллан, 2014. Т. 1. С. 158–163.

9. Татаурова Л.В. Возможности междисциплинарных исследований русских комплексов нового времени // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всероссийской научной конференции. Челябинск, 2015. С. 429–432.

10. Аношко О.М. Теоретико-методологические и методические основы исследования процесса урбанизации Сибири // АВ ORIGINE: археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета / Под ред. Н.П. Матвеевой. Вып. 4. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2012. С. 4–12.

11. Зиняков Н.М. Кузнечное производство г. Тобольска XVII–XVIII вв. (металлографическое исследование хозяйственного инвентаря) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4 (52). Т. 1. С. 46–52.

12. Зиняков Н.М. Тобольские замки XVII – XVIII вв.: разновидности механизмов и технология производства // АВ ORIGINE: археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета / Под ред. Н.П. Матвеевой. Вып. 4. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2012. С. 106–117.

13. Зиняков Н.М. Железообрабатывающее производство русского населения Западной Сибири в XVII – XVIII вв.: традиции и новации (на примере г. Тобольска) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 56–58.

14. Бородавский А.П. Дендрохронологическое исследование русских острогов в Сибири // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сб. науч. ст. / Под ред. Л.В. Татауровой. Омск: Изд-во Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 27–35.

15. Матвеев А.В., Аношко О.М., Сомова М.А., Селиверстова Т.В. Исследование объекта с частоколом и подземным ходом на территории Тобольского посада // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. Омск: Апельсин, 2008. С. 115–127.

16. Матвеев А.В., Глушкова Т.Н., Аношко О.М. Остатки текстильных изделий в материалах раскопок на верхнем посаде Тобольска // Экология древних и традиционных обществ: сборник докладов конференции. Вып. 4. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. С. 218–220.

17. Скобелев С.Г., Худяков Ю.С. Завершение раскопок площади двора Саянского острога // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой юбилейной сессии ИАЭТ СО РАН). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 394–404.

18. Черная М.П. Томский кремль середины XVII – XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 187 с.

19. Юрчак Д.В., Буйницкий С.А., Морозов А.А. Возможности компьютерной 3D-реконструкции памятников археологии на примере городища на горе Ломиха в Витебске // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зборнік навуковых артыкулаў II міжнароднай навуковай канферэнцыі: да 20-годдзя археалагічных і этнаграфічных экспедыцый ПДУ : у 2 частках. Наваполацк: ПДУ, 2014. Ч.2. С. 153–157.

20. Черненко Е.А. 3D-графическая реконструкция и визуализация памятников археологии как результат интеграции науки и практики // Проблемы и перспективы развития легкой промышленности и сферы услуг: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Омск: ФГБОУ ВПО «Омский государственный институт сервиса», 2015. С. 120–124.

21. Матвеев А.В., Аношко О.М., Клименко А.И. Остатки старинных тобольских укреплений на мысу Чукман // АВ ORIGIN: археолого-этнографический сборник

- Тюменского государственного университета / под ред. Н.П. Матвеевой. Вып. 4. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2012. С. 76–91.
22. Данилов П.Г. Пороховой погреб Тобольска XVII века по археологическим и историческим материалам // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Том 13, Вып. 5: Археология и этнография. С. 209–220.
23. Адамов А.А. Исследование кладбища около Вознесенской церкви в г. Тобольске // Ежегодник Тобольского музея-заповедника. Тобольск, 2003. Вып. 1. С. 98–106.
24. Адамов А.А. Археологические исследования в Тобольском кремле // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2000. С. 450–453.
25. Нескоров А.В. Археология и реставрация (к вопросу о сохранении русского наследия в г. Тобольске) // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2004. С. 477–481.
26. Балюнов И.В. Материальная культура населения города Тобольска конца XVI–XVII веков по данным археологических исследований. Автореф. ...дисс. канд. ист. наук. Тобольск, 2014. 24 с.
27. Балюнов И.В. Археологические свидетельства влияния Северо-Восточной Руси на материальную культуру населения города Тобольска конца XVI – XVII в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 67–71.

1.7. ТРОИЦКИЙ МЫС ТОБОЛЬСКА В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ*

*В обыкновённом археологическом отношении,
старший памятник Тобольска есть сам Тобольск.
(П.А. Словцов, 1834)*

Троицкий мыс Тобольска – то место, где зародился город. Значительно дополнить наши представления о раннем облике Тобольска позволяют археологические исследования, проходившие на мысу. Проследим опыт изучения Троицкого мыса посредством археологических раскопок второй половины XX в.

При обзоре сделаем несколько ремарок. Территория Троицкого мыса по трём сторонам имеет естественные границы: с запада он заканчивается обрывом, под которым проходит улица Подшлюзы; с юга кромку мыса делит Прямской взвоз; с востока граница проходит по Никольскому взвозу. С севера линия проводимых археологических исследований будет проходить по переулку Свердловский. Изучение городского культурного слоя, конечно, проходило и далее обозначенной северной границы. В этой связи логичнее было провести её вглубь, вплоть до вала 1688 г.,

* Работа подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2015-0003 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н.э. – II тыс. н.э.)».

являвшегося окраиной города на рубеже XVII–XVIII вв. Без сомнения, в последующих публикациях будут учтены и дальние участки раскопок.

При характеристике исследований Троицкого мыса важно акцентировать внимание на тех работах, которые касаются в первую очередь ядра города – Кремля. Значимость этой территории несомненна. С ней связано основание Даниилом Чулковым в 1587 г. первого острога. Территория Тобольского кремля являлась административным и духовным центром города. К северу от него начинался обширный посад. Ценность территории Кремля и Красной площади отмечена и в новом Генеральном плане Тобольского городского округа 30.10.2007 г. № 196 [1] под наименованием «Охранная зона памятников I», на которой действует особый режим использования. На эту же местность приходится и максимальная плотность раскопок.

В первую очередь стоит затронуть некоторые вопросы, связанные с историей реставрации Тобольского кремля. Взаимосвязь реставрационной науки и археологических исследований в городе достаточно слабо прослежена в литературе, поэтому рассмотрим этот важный момент более подробно.

Зачинателем и идейным вдохновителем реставрации архитектурного комплекса Тобольского кремля следует считать А.Ф. Палашенкова. По поручению Омского облисполкома в течение 1938–1940 гг. [2, с. 254] он и двое его помощников-техников – И.П. Каширов и Ф.П. Серов – предприняли большую работу по подготовке проектной документации для реставрации памятников Тобольска [3, с. 120]. В 1941 г. по уже утвержденному плану должны были начаться работы по восстановлению Тобольского кремля, но им не суждено было сбыться – началась война [2, с. 253]. Это обстоятельство, впрочем, не смутило Андрея Фёдоровича – в ноябре 1941 г. он всё еще продолжал работать в Тобольском кремле над документацией. Составленная Палашенковым проектная документация содержит расчеты и сметы предполагаемых работ, богато иллюстрирована фотографиями, акварельными рисунками и чертежами. Материалы этих работ находятся в фондах Омского историко-краеведческого музея и не опубликованы [2, с. 120]. После войны крупномасштабные исследования архитектурных памятников Тобольского кремля были возобновлены. Задуманная А.Ф. Палашенковым реставрация наконец-то состоялась.

В 1952 г. Центральными научно-реставрационными мастерскими проведено предварительное обследование состояния архитектурных памятников. С 1956 г. под руководством Ф.Г. Дубровина велись раскопки объектов Тобольского кремля. В 1957 г. были исследованы контуры бывших крепостных стен. Исследованы участки южной, восточной и северной стен Кремля. У восточной стены определены места расположения трех круглых и одной квадратной башен. У южной стены определена ранняя зигзагообразная конфигурация стены и прежний вид

самой южной башни, круглой в плане. Около западной стены изучен участок утраченной квадратной башни, показавший картину её перестроек и достроек [4, с. 144]. Реставрационный отчёт, отражающий результаты многолетних работ Ф.Г. Дубровина, хранится в фондах ТИАМЗ [5].

Следует признать, что раскопки 50-х гг. XX в. в Тобольском кремле стали одними из первых. Однако полновесные материалы реставрационных раскопок до сих пор не введены в научный оборот. Они остаются *terra incognita* для исследователей. Сведения о реставрации, проходившей в Кремле в 1960–1980-е гг., вкратце опубликованы [6; 7], но информация о проводимых при этом раскопках практически не известна [8].

История археологических исследований на Троицком мысу после 1950-х гг. достаточно скромна. Отчасти это связано с тем, что такое направление как «городская археология» в нашей стране было непопулярным. Систематические раскопки в крупных городах Центральной России начались лишь с 30-х – 40-х гг. XX в. [9; 10; 11]. Однако существовал один нюанс: крупномасштабные раскопки проходили в городах с древней историей: Новгороде, Пскове, Москве и других. Несомненный интерес в изучении представляли культурные напластования, относящиеся к средневековью. Кроме этого, приоритетным направлением были исследования городов периода Древней Руси. Верхний временной рубеж в изучении был отмечен сугубо механически и приходился условно на 1700 г.

Таким образом, поздние слои XVIII–XIX вв. как объект изучения были отвергнуты. Данное представление, касающееся культурных напластований Позднего Средневековья – Нового Времени, держалось достаточно долго. Не стоит пояснять, что исследования культурного слоя поздних городов, казавшиеся маргинальным занятием, проходили достаточно слабо. Тем не менее, постепенно накопившиеся данные с раскопок в городах Центральной России и Сибири, обделённых средневековыми слоями, показал вредность для науки и несостоятельность такого построения [12, с. 3–5].

Не было в городе длительное время и постоянных профессиональных археологов. В Тобольске в 1970 г. впервые изучением городского слоя со знанием дела занялась археолог И.А. Сыркина. На Чукманском мысу она изучала погребения, потревоженные во время земляных работ [13, с. 30]. В 1986 г. археологом П.А. Беляевым была исследована восточная часть городского земляного вала 1688 г. [13, с. 59]. Раскопками выявлены остатки его деревянных сооружений.

В 1988 г. Е.Л. Хворостова по улице Октябрьской проводила раскопки у дома декабриста М.А. Фонвизина. Ею были заложены разведочные шурфы у юго-восточного угла дома и раскоп у северного фасада с целью выявления утраченных архитектурных элементов дома [14].

С конца 90-х гг. XX в. начинаются широкие работы по исследованию культурного слоя города сотрудниками Тобольского музея-заповедника. В 1998 г. Л.Н. Сладкова на перекрестке улицы Октябрьской и Войкова проводила исследования территории бывшей усадьбы купца Неудачина. Она выявила и исследовала культурный слой XVIII–XX вв. мощностью до 1,5 м [13, с. 25].

Обзор проходивших в историческом центре города археологических раскопок показывает, что в Тобольском кремле до 1990-х гг. они не получили логичного продолжения. Известно, что в эти годы там непродолжительно проводил небольшие работы А.В. Нескоров, по которым вышли его отдельные публикации [15; 16].

Активное археологическое изучение Кремля широкими площадями началось лишь в 2000 г. [17]. С 2000-х гг. объем раскопок в Кремле и на Красной площади увеличивается. Они носили характер аварийно-спасательных работ и проводились везде: на объектах реставрации при разработке проектной документации; на участках нового строительства; по линиям будущих инженерных коммуникаций; при благоустройстве.

А.А. Адамовым на месте строительства иконной лавки вскрыт культурный слой на площади 198 кв. м. Раскопки развернулись примерно на том же месте, где копал В.Г. Дубровин в 1950-х гг. Несмотря на ранее проведенные им раскопки, последние оказались малоинформативными и не помогли прояснить хитросплетение напластований и строительных горизонтов. В этом отношении исследования А.А. Адамова были репрезентативны и показательны.

В 2001 г. им же этот участок дополнительно исследовался. В ходе двухлетних работ выявлены остатки разновременных строений, датированных XVII–XIX вв. Большой интерес представляют находки, относящиеся ко времени возведения каменного кремля: северо-западная квадратная наугольная башня, консистория, остатки каменной кремлевской стены.

В этом же году А.А. Адамов, после двухлетнего углубленного изучения участка на месте строительства Иконной лавки во втором зале Дворца наместника, начал исследование кладбища Вознесенской церкви. На площади 44,5 кв. м изучены остатки семи православных погребений. Кладбище датируется XVII – началом XVIII вв. Другой интересной находкой стал кирпичный вход в оружейный погреб XVII в., который сейчас представлен в экспозиции. Кроме этого, вскрыты более ранние следы присутствия на данной территории дорусского саргатского населения [18].

В 2003 г. А.А. Адамов в первом зале Дворца наместника продолжил изучение оружейного погреба XVII в. В результате двухлетних работ выяснено, что пороховой погреб имел достаточно сложную конструкцию:

состоял из глубокого прямоугольного котлована, выкопанного в материке, в который были впущены два сруба – внешний и внутренний [19].

В том же году в Тюремном замке Тобольского кремля проводил исследования А.В. Нескоров. В результате изысканий изучен острожный ров XVII в. и котлован сооружения (погреб или подпол дома) XVIII в. [20].

В 2004 г. под руководством А.А. Адамова в ходе исследований в Кремле найдены фрагменты сооружений – остатки погребов и полуземляночных котлованов, каменных построек [21].

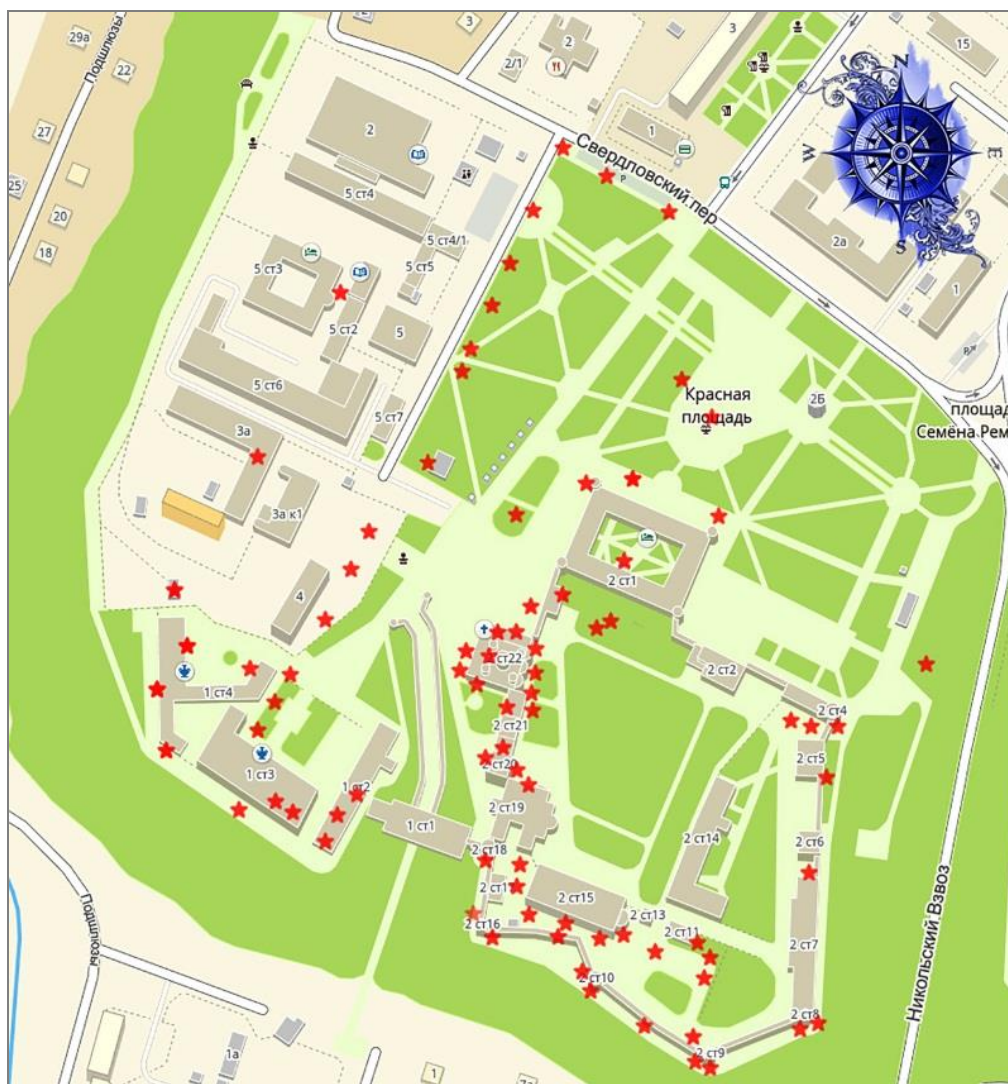

Рис. 1. Обзорная схема археологических исследований на Троицком мысу (Тобольский кремль, Красная площадь) с 1990-х по 2012 гг.

В 2005 г. археологическими раскопками широкими площадями А.А. Адамов изучил внутреннее пространство старейшего каменного храма Сибири – Софийско-Успенского собора [22]. Выявлен достаточно мощный культурный слой, сформировавшийся в конце XVI–XVII вв. Несомненный научный интерес представляет городское кладбище, которое позже было перекрыто объемом Софийско-Успенского собора. Кладбище

датируется XVII в. Помимо большого количества находок, изучены и архитектурные объекты: западные Святые ворота, остатки двух крестильных купален, фундаменты чугунного пола XIX в. [23]. При благоустройстве смотровой площадки Тобольского кремля заложено 12 шурфов общей площадью 52 кв. м. В результате были изучены как фундаменты современных крепостных стен, так и остатки оборонительных сооружений прошлого.

Осенью 2005 г. проводились археологические исследования на месте строительства общежития Тобольской епархии на 400 мест. На данной территории в XVII в. находился воеводский двор. Из 1200 кв. м, которые занимал котлован здания, исследовать удалось только 115. Остальная площадь была уничтожена при строительных работах [13, с. 26].

В 2006 г. под руководством А.А. Адамова производились археологические исследования в здании Судебной губернской управы. Здесь, в траншеях, были выявлены остатки культурного слоя раннего железного века и слой XVIII в. Кроме того, обнаружены остатки казенных и деревянных сооружений, которые можно предварительно датировать первой половиной XVIII в. [13, с. 26].

В этом же году на территории Кремля Е.П. Загваздиным исследовано два участка. Первый – у южной квадратной башни, второй – по линии спрямления южной кремлевской стены. На первом участке площадью 110 кв. м в ходе аварийно-спасательных раскопок изучен культурный слой XVII–XIX вв. Интерес представляют находки построек из кирпича, которые предварительно датируются XVIII–XIX вв. На втором участке – траншее, протяженностью 21,5 м, изучен культурный слой и архитектурные объекты, относящиеся к концу XVII–XVIII вв. [24].

В 2007 г. на территории Тобольского кремля И.В. Балюнов проводил археологический надзор при проведении работ по благоустройству Красной площади. Его итогом стало обнаружение остатков северной крепостной стены начала XVIII в. у Гостиного двора. Тогда же им проводились раскопки у южного фасада Дворца наместника, где выявлены и изучены остатки фундаментов. Получена коллекция предметов материальной культуры [25]. Он изучал культурный слой на участках строительства подстанций и по линии прокладки электрокабеля. В двух раскопах обнаружены деревянные сооружения XVII–XVIII вв. А у северо-восточной башни Гостиного двора выявлено христианское кладбище XVII в. [26].

В 2007 и 2008 гг. с северной стороны Гостиного двора тюменскими археологами изучен культурный слой общей площадью 732 кв. м. На участке раскопками изучена территория городского посада. В раскопе обнаружены 24 разновременных сооружения жилого, хозяйственного и производственного назначения [27].

В 2009 г. во внутреннем пространстве Гостиного двора Е.П. Загваздиным при проведении проектных работ по реставрации памятника изучены утраченные архитектурные объекты XVIII в. Ими оказались исследованные в 1980-х гг. при реставрационных работах фундаменты южного крыльца и отгрузного люка. Там же изучен характер напластований. В центральной части двора мощность непотревоженного слоя составила более двух метров [28].

Последним полевым сезоном стал 2012 г. У Никольского взвоза к северу от северо-восточной круглой башни, на участке под проектируемый пешеходный мост, исследовался культурный слой. В центральной части раскопа площадью 34 кв. м обнаружен фундамент и часть алтарной апсиды каменной Никольской церкви. В границах раскопа выявлен участок православного кладбища середины XVII – начала XVIII вв. [29].

Многолетние исследования на Троицком мысу репрезентативно показали разносторонность городской культуры Тобольска. Несмотря на сложности, полученные материалы не только открыли неизвестные страницы истории города, но и позволили по-новому взглянуть на общеизвестные факты.

Новый этап археологического изучения Тобольского кремля и Красной площади, начавшийся с 2000-х гг., дал много информации об истории формирования облика города. К сожалению, эти работы, следовавшие бок о бок с реставрацией и благоустройством, по окончании последних также сошли на нет. Хочется надеяться, что археологические исследования исторического центра будут продолжены и далее. И не только в виде аварийно-спасательных работ, что в условиях развивающегося города вполне объяснимо, но и как целенаправленные изыскания, призванные решать конкретные задачи, связанные с историей Тобольска.

1. Генеральный план Тобольского городского округа // http://www.admtobolsk.ru/tob_grad/gen_plan (дата обращения: 11.02.2017).
2. Жук А.В. Андрей Федорович Палашенков как церковный археолог. Ляпин-Сосьвинская экспедиция 1939 г. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». Омск, 2016. № 3 (11). С. 116–134.
3. Лейфер А.Э. Жить вместе. Избранные очерки и эссе. Омск: Министерство культуры Омской области, 2013. 384 с.
4. Кочедамов В.И. Тобольск (как рос и строился город). Тюмень: Тюменское книжное издательство, 1963. 156 с.
5. Дубровин Ф.Г. Реставрация Тобольского кремля 1956–1966 гг.// ТИАМЗ. ТМ КП 15849.
6. Заварихин С.П. В древнем центре Сибири. М.: Искусство, 1987. 192 с.
7. Кириллов В.В. Тобольск. М.: Искусство, 1984. 240 с.
8. Загваздин Е.П. Материалы к истории Гостиного Двора Тобольска // Баландинские чтения. Новосибирск, 2014. Т. IX. Ч. 1. С. 61–68.

9. Рабинович М.Г. Археологические раскопки в Москве. КСИИМК. Вып. XXI. М.-Л., 1947. С. 148–158.
10. Тараканова С.А. Раскопки в Псковском кремле// КСИИМК. Вып. XXI. М.-Л., 1947. С. 132–139.
11. Арциховский А.В. Археологическое изучение Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. Том 1. № 55. М., 1956. С. 7–43.
12. Бердников И.М. Сибирский православный некрополь XVIII-XIX веков как археологический источник: по материалам исследований в Иркутске: дис. канд. ист. наук. Иркутск, 2012.
13. Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск: [Б.и.], 2008. 114 с.
14. Хворостова Е.Л. Отчёт об археологических исследованиях у дома декабриста М.А. Фонвизина в г. Тобольске в 1988 году// Архив ВСРПО «Союзреставрация». Москва, 1988.
15. Нескоров А.В. Тобольские изразцы как исторический источник // III Сибирский симпозиум «Культурное наследие народов Западной Сибири: русские старожилы. Тобольск, 2000. С. 400–403.
16. Традиционные ремесла Западной Сибири. Методическое пособие для культурно-образовательных учреждений. Вып. 1. / Сост. А.В. Нескоров Омск, ОмГПУ, 2002.
17. Адамов А.А. Археологические исследования в Тобольском кремле // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2000. С. 450–451.
18. Адамов А.А. Исследование кладбища около Вознесенской церкви в г. Тобольске. // Ежегодник-2002 Тобольского музея-заповедника. Тобольск, 2003. С. 98–106.
19. Данилов П.Г. Пороховой погреб Тобольска XVII века по археологическим и историческим материалам//Вестник Новосибирского государственного университета. Т. 13. Вып. 5. Новосибирск, 2014. С. 209–220.
20. Нескоров А.В. Археология и реставрация (к вопросу о сохранении русского наследия в г. Тобольске)// Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2004. С. 477–481.
21. Адамов А.А. Отчет об археологических исследованиях на территории Тобольского музея-заповедника в 2004 г. // ТИАМЗ. Научный архив. Д. 1689.
22. Адамов А.А. Археологические исследования на объекте «Софийско-Успенский собор с ризницей и котельной» в 2005 г. Тобольск, 2005. // НА ТИАМЗ. № 1735.
23. Балюнов И.В., Данилов П.Г. Археологи открывают тайны Софийского собора //Наследие Тюменской области. Тюмень, 2013. № 1 (3). С. 50–53.
24. Загваздин Е.П. Отчет по результатам археологических исследований, проведенных в г. Тобольске и Тобольском районе. Тобольск, 2006 // ТИАМЗ. Научный архив. Д. 1709.
25. Балюнов И.В. Отчет о проведении археологических исследований на объектах культурного наследия «Софийский Двор и Красная Площадь» в г. Тобольске в 2007 г. // ТИАМЗ. Научный архив. Д. 1745.
26. Балюнов И.В. Отчет о проведении археологических исследований на объекте «Инженерные сети Тобольского Кремля» в 2007 году// ТИАМЗ. Научный архив. Д. 1746.
27. Матвеев А.В., Аношко О.М., Селиверстова Т.В. Основные итоги археологического изучения верхнего посада Тобольска в 2007–2009 годах // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Тюмень, 2011. Вып. 2. С. 6–11.

28. Загваздин Е.П. Материалы к истории Гостиного Двора Тобольска // Баландинские чтения: Новосибирск, 2014. Т. IX. Ч. 1. С. 61–68.

29. Данилов П.Г. Археологические исследования на месте Никольской церкви Тобольского кремля // Тобольск научный – 2013. Тобольск: Тобольская типография филиал ОАО «Тюменский издательский дом», 2013. С. 259–260.

РАЗДЕЛ II

ТОБОЛЬСК СТОЛИЧНЫЙ – ТОБОЛЬСК ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ (XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)

2.1. ТОБОЛЬСКИЕ КУПЦЫ И СИБИРСКАЯ МАНУФАКТУРА*

История возникновения бумажной промышленности в Западной Сибири началась в первой половине XVIII в. Сибирская мануфактура долгое время была действующей. Основана она была тобольскими купцами с использованием посессионного права. Технология производства тогда не отличалась особой сложностью. Сырье, состоящее из льняных и холщовых тряпок, было относительно дешевым. Предполагалось, что при большой скорости оборота капитала предприятие могло давать хорошую прибыль. В губернском городе Тобольске было много административных учреждений, поэтому продукция могла найти хороший сбыт.

Купцы Медведевы появились в Тобольске в начале XVIII в. Варфоломей Иванович Медведев (1666–1747) был прислан из Тулы по указу Петра I как оружейник. По данным 2-й ревизии 1744 г. он учтен с тремя сыновьями, которые впоследствии и стали фабрикантами. В 1744 г. Григорий и Ефим Медведевы получили разрешение Мануфактур-коллегии на строительство фабрики, под которую было отведено 327 десятин земли. Медведевы имели возможность «...купить людей и крестьян до ста человек, також и под пристройку оной фабрики земли столько, сколько под строение оной фабрики принадлежит, а не на пашню велеть отвести, буде есть из порожних мест, а ежели не то, нанять им добровольную ценою и означенных людей вольные работы, кроме надлежащих до той фабрики мастерств, не употреблять под штрафом...» [1, с. 5]. Несмотря на высокие требования к качеству продукции, Медведевы освобождались от

* Работа подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2014-0023 «Динамика социокультурных процессов в Западной Сибири как полиэтническом регионе в XVIII – начале XX вв.»

всяких «поборов», фабрика напрямую подчинялась Мануфактур-коллегии. Дом Медведовых освобождался от пошлин [2, лл. 2, 4].

В 1762 г. тобольская бумажная мануфактура Ивана Медведева имела несколько деревянных зданий, в которых располагалось всё оборудование. В двухэтажном доме на верхнем этаже находились два рола с медными ножами, на нижнем – водяные колёса с передаточными шестернями. Рядом с этим домом размещалась черпальня с двумя деревянными ящиками для хранения бумажной массы и двумя черпальными чанами. Так как крепкие сибирские морозы могли затруднить работу черпальщиков, возле каждого чана была сооружена печь с медными трубами, которые проходили через черпальные чаны. В этом же помещении стояли два пресса с медными винтами и гайками для отжима влажной бумаги. Сушилась бумага в сушильном сарае и в чердачных помещениях, имевшихся над всеми домами, в которых размещалась бумажная мануфактура. Сортировка бумаги и тряпья проводилась в специальных помещениях, над которыми также возвышались чердаки для сушки. В клеильном амбаре имелись два медных котла для варки клея, клеильный чан и пресс с железным винтом и гайками для прессования клееной бумаги.

На другой стороне реки и плотины стояло ещё одно здание с водяным колесом, которое приводило в движение железный рол для промывки тряпья, а также молот, разравнивающий бумагу. Для гноения тряпья служила отдельная изба. Все материалы хранились в десяти кладовых. В документах указывается, что в 1773 г. у тобольских купцов Медведовых, Григория и Ефима, есть фабрика, на которой вырабатывается 1353 стопы бумаги.

Мануфактура делала разную бумагу: писчую, полуалександрийскую, картузную и метила её водяными знаками. Эти знаки состояли из букв СТФКМ – «Сибирская Тобольская Фабрика купцов Медведовых». С такими водяными знаками бумага вырабатывалась в 1745 – 1778 гг. По размерам производства она была предприятием средней руки и занимала среди 19 русских бумажных мануфактур 11 место [3, л. 7].

Пятнадцать лет у Медведовых не было конкурентов. Только в 1761 г. под Туринском была открыта бумажная фабрика Осипа Коновалова.

После смерти Ивана и Евсея Медведовых в 1773 г. предприятие перешло к наследникам – сыновьям. Сыновья Евсея Ефим и Федор в 1778 г. продали свою половину родственнику, тобольскому купцу 1-й гильдии Василию Яковлевичу Корнильеву, прадеду Д.И. Менделеева по линии матери, за 6750 рублей. Возможно, они надеялись на то, что под началом Корнильевых дела на фабрике пойдут успешнее.

Семья купцов и фабрикантов Корнильевых слыла одной из самых известных в Тобольске. Они были талантливыми предпринимателями и меценатами, не только любили и ценили книгу, но и сыграли большую роль в развитии промышленности и культуры Тобольска. Их предок Исаак,

тобольский казак, в начале XVII в. «приискивал землицы», объясачивал инородческое население в верховьях Нижней Тунгуски. Основателем купеческой династии был Яков Григорьевич Корнильев, который, вероятно, вошел в доверие к князю Матвею Гагарину, стал получать на время его отсутствия различные задания по управлению хозяйственными делами в Сибири, а после смерти М.П. Гагарина ему удалось воспользоваться какой-то частью богатства своего покровителя, казненного Петром I за казнокрадство [4, лл. 1, 2].

Состояние Якова Григорьевича послужило основой для процветания сыновей: Михаила, Федора, Алексея и Василия. Все они стали купцами 1-й гильдии, занимались винокурением и продажей вина, хлеботорговлей. Алексей Яковлевич в 1749 г. получил разрешение на устройство одного из первых в Сибири стекольных заводов. Завод передавался по наследству и просуществовал почти сто лет.

С 1778 г. на рынке появилась бумага с водяными знаками Медведевых и Корнильевых – ТФВКГМ (1778 -1793гг.). В этом же году В.Я. Корнильев заключил трехгодичный контракт на продажу писчей бумаги в канцелярию Tobольского наместничества и многочисленные договоры на доставку бумаги в присутственные места уездных городов. В указанный год было поставлено 513 стоп бумаги для уездных присутственных мест и 544 стопы для волостных правлений. В одной стопе насчитывалось 480 листов бумаги. Сохранился контракт на поставку бумаги в 1789 г. с тобольской фабрики в присутственные места уездных городов Тюмени, Туринска, Кургана, Ишима, Тары, Каинска, Енисейска, Томска, Омска, Нарыма, Ачинска Берёзова. 202 волости получили 544 стопы бумаги на сумму 850 рублей [5, лл. 107, 108, 114].

Пожар 1788 г., уничтоживший в Tobольске 1800 домов, церкви, лавки, склады и другие помещения, нанес Корнильевым убытков на 12 000 руб. У них сгорела салотопня, два дома, товары в гостином дворе, долговые бумаги на большую сумму. Купцы вынуждены были временно переселиться на фабрику на Суклемке [6, лл. 107, 108, 114]. Но сравнительно быстро Корнильевым удалось отстроиться заново и даже расширить дело. В январе 1789 г. на базе фабрики открылась первая в Сибири частная типография. Это редкий случай, когда бумажная мануфактура и типография были сосредоточены в руках одной купеческой семьи и действовали как единый комплекс. «Своеобразный комбинат» – так историк Д.И. Копылов назвал предприятие тобольских купцов [7, с. 163].

Типографское дело приравнивалось к видам коммерческой деятельности. Запрещалось печатать учебники, церковную литературу, законы и распоряжения правительства.

Василий Корнильев сумел купить в 1793 г. вторую половину фабрики, став её единственным владельцем. Бумага выходила уже только с его

водяными знаками. На некоторых сортах бумаги просматривались и изображения сибирского герба – пирамида, окруженная знамёнами и воинской арматурой (1775–1795 гг.).

В 1802 г. фабрика была продана тобольскому купцу Алексею Григорьевичу Дьяконову. В этот период 27 работников мануфактуры вырабатывали до 2000 стоп бумаги. При Дьяконове бумага вырабатывалась с водяными знаками, содержащими буквы ФТКАГД. Позднее предприятие перешло к наследникам Дьяконова – вдове, Ульяне Ивановне, и детям: Александру, Алексею и Евгении. Оно занимало десять помещений с шестью ролами для приготовления бумажной массы и тремя черпальными чанами для отлива бумаги. В 1809 г. было произведено 2405 стоп писчей и 109 стоп обёрточной бумаги, из них 1535 стоп были проданы в Тобольской и Пермской губерниях [8, лл.7, 8].

При мануфактуре в 30 жилых домах жили работники, «купленные с фабрикой и рождённые от них». На фабрике активно использовался и труд вольнонаёмных рабочих. В отчёте за 1812 г. указано, что на бумажной мануфактуре Дьяконовых имеется шесть ролов и 24 приписных и вольнонаёмных работников, которые производят 2211 стоп разной бумаги [9, с. 109]. В 1824 г. на мануфактуре произошёл большой пожар, после которого производственные здания были отстроены заново, мануфактура расширилась. Из 58 работников шестеро были куплены с мануфактурой в 1802 г., 20 чел. – в 1748, остальные 32 чел. были вольнонаёмными. Число работников к 1833 г. составляло 82 чел. Таким образом, наёмный труд преобладал.

В 1834 г., после раздела имущества, фабрика перешла к сыну Александру Дьяконову, который продал её купцу 3-й гильдии Михаилу Даниловичу Плотникову. Новый владелец сразу же ухудшил и без того тяжёлое положение рабочих. Они были вынуждены обратиться с жалобой на него. Гражданский губернатор Тобольской губернии сообщил 16 ноября 1861 г. в Департамент мануфактур и внутренней торговли, что претензии обоснованы: крестьяне действительно получают ничтожную подённую плату и лишены тех льгот, которые у них были при прежнем хозяине. Плотников затеял тяжбу с крестьянами, пытаясь доказать, что выплачиваемая им заработанная плата вполне достаточна, они бунтуют, нанося ущерб производству. Он потребовал наказать зачинщиков. Можно предположить, что в условиях осуществления реформы 1861 г. правительственные учреждения боялись поддержать Плотникова. Было сделано только соответствующее внушение и Плотникову и мастеровым. В течение двух лет мастеровые Тобольской мануфактуры превратились из приписных к фабрике крестьян в мещан г. Тобольска или крестьян [10, лл. 3, 5, 6].

Последние упоминания о мануфактуре относятся к 1875 г. Она вырабатывала обёрточную чайную, синюю бумагу и картон. Вся продукция реализовывалась на Ирбитской ярмарке, в Тобольске и Томске.

Дата прекращения деятельности мануфактуры неизвестна, но о её мощности можно судить по следующим цифрам: ею произведено примерно 225 000 стоп бумаги, а при среднем весе одной стопы 8 килограмм, было выработано 1800 тонн бумаги [11, л. 23, 24].

Гибель сибирской мануфактуры совпала с периодом отмирания ручного производства бумаги из тряпья. Оно не выдержало конкуренции с машинным производством. Второй бумажной мануфактурой в Сибири была Туринская, третьей – Ачинская в Енисейской губернии.

1. Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Тип. Епарх. Братства, 1917. Вып. 28.
2. ГБУТО «ГА в г. Тобольске» Ф. 341. Оп 1. Д. 87, 1789.
3. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 341. Оп 1. Д. 76.
4. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 341. Оп. 1. Д. 70.
5. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 329. Оп. 10. Д. 1825.
6. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 329. Оп. 5. Д. 31, 43.
7. Копылов Д.И. Обработывающая промышленность в Западной Сибири в XVIII-первой половине XIX вв. Свердловск: СГПИ, 1973. 264 с.
8. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 329. Оп. 5. Д. 262.
9. Ведомость о мануфактурах в России за 1812 г. СПб.: [Б.и.], 1814. 177 с.
10. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 341. Оп. 1. Д. 73.
11. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 329. Оп. 1. Д. 262.

2.2. ЭВОЛЮЦИЯ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ Г. ТОБОЛЬСКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII–XIX ВВ.*

Сегодня на первый план выходят вопросы, связанные с нововведениями в области функционирования городских органов самоуправления. История их существования в г. Тобольске насчитывает более двух столетий и берет начало в имперском периоде. На том этапе, в отличие от администрации губернии, дума и управа были частью общества, что было закреплено в статусе учреждений. Их члены деятельно участвовали в трансформации структуры городской повседневности, благодаря чему местные выборные учреждения имели большее значение, чем государственные.

Выбранный хронологический отрезок обусловлен важными этапами становления городского самоуправления: реформами Екатерины II,

* Работа подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2014-0024 «Взаимодействие человека, общества и власти в локальных практиках (на примере Западной Сибири XIX – первой половине XX вв.)».

Александра II, Александра III. Территориальные рамки представлены пределами г. Тобольска в границах начала XVIII – XIX вв.

История тобольского городского самоуправления как оформившейся системы начинается с 1785 г. после выхода «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи», более известной как «Жалованная грамота городам». Изданный Екатериной II документ впервые регламентировал правовой статус и положение горожан, их корпоративные формы самоорганизации (цехи, гильдии), создал сословный суд и формы самоуправления (думы, магистраты и ремесленные управы), передал в собственность муниципалитетов городские земли и имущества [1, с. 358–384].

Муниципальное управление, основанное на «Жалованной грамоте», просуществовало в городах Тобольской губернии вплоть до 70-х гг. XIX в. «Грамота...» устанавливала, во-первых, собрание «градского общества», куда входили купцы и мещане «приличного поведения» старше 25 лет. Оно собиралось раз в три года и решало стратегические вопросы благоустройства, охраны порядка, раскладки налогов и повинностей, а в целом – развития городского хозяйства. На нем также избирались должностные лица: голова, бургомистры, ратманы, заседатели думы и магистрата. Функции ведения городского хозяйства и управления выполняли две думы: общая и шестигласная. Общая городская дума избиралась гражданами, проводила выборы в шестигласную, а также занималась вопросами коммунального хозяйства. Она работала на постоянной основе и состояла из городского головы и шести гласных (заседателей). Шестигласная дума представляла собой исполнительный орган для повседневного ведения дел. Магистрат осуществлял судебные функции и принимал участие в общем управлении городом. Все городское общество было поделено на шесть разрядов: настоящих городских обывателей, купцов, цеховых ремесленников, городских гостей, именитых граждан и посадских. Избрание гласных проводилось так же, как и в европейской части России, – открытым голосованием на собрании городского общества [2, с. 872].

На практике роль муниципалитетов была более скромной, чем намечалось в «Жалованной грамоте». В целом, городское самоуправление было подконтрольно губернской администрации, которая использовала его в качестве регулирования податного и хозяйственного механизма.

Оценивая положение жителя города в XVI–XVIII вв. А.О. Немировский отмечал: «Бесправного и безгласного положения нашего городского обывателя не изменили, в сущности, ни реформа Петра Великого, ни даже Городская грамота 1785 г... Вплоть до 1870 г., когда 16 июня было дано городам действительное самоуправление, положение городского управления и служащих в нем не только не подымалось, но в глазах закона и общества даже падало» [3, с. 9–10].

К середине XIX в. законодательство Екатерины II «перестало соответствовать уровню социально-экономического развития городов и их значению в жизни страны, становилось тормозом в организации городского хозяйства» [4, с. 11]. Со второй половины XIX в. в связи с введением Городового положения 1870 г. произошли существенные изменения в организации управления и финансирования городов Сибири, оказавшие значительное влияние на развитие их социокультурного облика.

Важным этапом развития городского самоуправления в России стала реформа 1870 г., которая ввела всесословный избирательный процесс, имущественный (налоговый) ценз, принцип разделения властей (на распорядительную и исполнительную) и декларировала самостоятельность общественного управления в пределах предоставленной законом компетенции [5, с. 14]. Существовавшие с 1785 г. сословные городские думы были заменены всесословными, избираемыми на основе имущественного ценза. Учреждения городского самоуправления были представлены избирательными собраниями, думами и управами. Избирательным правом пользовались мужчины с 25-летнего возраста, русские подданные, обладавшие недвижимым имуществом плательщики налогов: владельцы торгово-промышленных заведений, банков и городской недвижимости [6; 7, с. 824; 8].

При реализации реформы предполагалось непосредственное введение нового положения в губернских и областных городах, среди которых были и сибирские: Иркутск, Красноярск, Тобольск, Омск, Томск. Дума формировалась под председательством городского головы из гласных с полномочиями на четыре года. Она же, в свою очередь, избирала на четыре года постоянно действующий исполнительный орган – городскую управу в составе головы, его товарища (заместителя) и нескольких членов [6; 9]. Городовое положение 1870 г. строго регламентировало деятельность думы, поскольку она «представляла собой все городское общество». В сферу ее компетенции входили дела, касающиеся жизни города, с предоставлением права действовать от имени всего городского сообщества. Именно она проводила выборы на должности головы, членов управы и городского секретаря (секретаря думы) не только из гласных, но вообще из всех, кто имел право на участие в выборах [6; 7, с. 828, 830–834].

На состоявшихся в июле 1872 г. первых выборах в Тобольскую городскую думу лишь 8,15 % жителей из почти 18-тысячного населения города имело право голоса. Из этого числа, в свою очередь, только 10,81 % участвовало в выборах и избрало 72 гласных (по 24 в каждом из трех разрядов, формируемых по принципу состоятельности) [5, с. 15]. В том же году в Тобольске была сформирована первая управа. Неравное представительство разных имущественных групп К.А. Пажитнов считал худшей стороной реформы 1870 г. [10, с. 30].

Городские избирательные собрания создавались исключительно для избрания гласных городской думы. Время их созыва определялось самой Думой через каждые четыре года [6; 7, с. 825-827]. Специально для контроля над городским управлением в каждой губернии создавалось губернское по городским делам присутствие под председательством губернатора.

На исполнительный орган – городскую управу – возлагалось непосредственное управление делами городского хозяйства, решение текущих вопросов, исполнение распоряжений думы. Численный состав управы определялся думой и должен был включать минимум 3 человек: городского голову и 2 гласных, или секретаря. В небольших безстатусных и уездных городах допускалось управы не учреждать, а ее функции полностью передать голове.

Впервые в практике отечественного избирательного права и городского законодательства участвовать в выборных кампаниях могли женщины. Однако эти права были формально-косвенными, гендерный ценз продолжал действовать: сами женщины не могли участвовать в голосовании – по оформленной доверенности вместо них имели право выбирать ближайшие родственники (братья, отцы, супруги и т.д.), а также опекуны или официальные попечители мужского пола, которые удовлетворяли всем необходимым требованиям действующего избирательного законодательства [7, с. 825–828].

Таким образом, в основу системы органов городского общественного управления легли буржуазные принципы: всесословность, имущественный ценз, разделение исполнительной и распорядительной властей, выборность органов самоуправления. Несмотря на ограниченность реформы, она явилась крупным шагом вперед, поскольку заменила прежние сословно-представительные органы управления городом новыми, основанными на буржуазном принципе имущественного ценза. Однако Городовое положение 1870 г. не могло обеспечить успешную деятельность муниципалитетов в полной мере. Значительная часть городских расходов шла на общегосударственные нужды, поэтому думы не могли полностью распоряжаться бюджетными средствами [6]. Вместе с тем, на первый план вышли проблемы, связанные с новшествами в сфере органов городского самоуправления. Дума и управа, в отличие от местной администрации, были частью самого общества. Члены общественных органов приняли деятельное участие в становлении структуры городской повседневности. Это обстоятельство сыграло определяющую роль в тенденции преобладания локальных выборных учреждений управления над государственными органами в генезисе общественного быта.

В Сибири первыми с инициативой о введении Городового положения в сентябре 1870 г. обратились в Акмолинское областное правление омские

домовладельцы, но городская дума здесь появилась лишь в 1873 г. – позднее, чем в Тобольске, Томске и Тюмени [11, с. 30].

С началом контрреформ Александра III подверглось серьезному реформированию и городское самоуправление Тобольска. По Городовому положению 1892 г., действовавшему до 1917 г., непосредственное руководство делами городского хозяйства возлагалось на исполнительный орган городского самоуправления – управу. Введение нового закона существенно изменило избирательную систему: был серьезно повышен имущественный ценз выборщиков. От участия в городском самоуправлении устранялись не только трудящиеся массы города, но и мелкие торговцы, приказчики и пр. Преимущество отдавалось дворянам-домовладельцам и крупной торговой, промышленной и финансовой буржуазии – владельцам недвижимого имущества [12, с. 430–456]. В результате в десятки раз сократилось число избирателей по отношению к общей численности населения. Так, в конце XIX в. правом участия в выборах обладали всего 2567 горожан Тобольской губернии, или 1,4 % от всего городского общества.

В Тюмени, Тобольске и Кургане прочные позиции в выборных органах власти заняли купцы, что объясняется рядом факторов: 1) с течением времени сложилась традиция, по которой и в дореформенных магистратах, ратушах и «шестигласных» думах ведущим было купечество; 2) избирательный закон обеспечивал купцам как основным плательщикам налогов явные преимущества для реализации своего экономического могущества через политическую сферу; 3) купцы в той или иной мере знали друг друга, поскольку регулярно пересекались при ведении предпринимательской деятельности, благодаря чему имели возможность консолидировано выдвигать своих кандидатов в органы власти и управления [5, с. 17–19].

Введение в действие Городового положения 1892 г. привело к значительному расширению прав и полномочий в отношении управления городами не только центральной власти, но и губернаторов. Оно предусматривало ужесточение государственного контроля над деятельностью городского общественного самоуправления [13].

К юрисдикции новых органов после 1892 г. стали относиться вопросы попечения о благоустройстве, обеспечения регулярного снабжения жителей продовольствием, развития торговых заведений, реального решения имущественных проблем, содержания учреждений образования и здравоохранения, устройства культурной жизни, установления связей с другими городами и др.

В небольших городах, после прошения депутатов местной думы и санкционирования Министерства внутренних дел, позволялось создавать два разряда избирателей вместо трех. Многие городские головы Тобольской губернии использовали это право, ходатайствуя у губернатора

за введение двухразрядной системы выборов. Объяснялось это следующим: пользуясь положением, выборщики из 1-го съезда избирали в депутаты самих себя. Это сводило к минимуму вероятность спонтанного попадания в городской парламент «чужого» человека, что, в свою очередь, формировало небольшой круг гласных-единомышленников для отстаивания сугубо личных интересов.

В силу преобладания купечества и мещанства в местных органах самоуправления представители чиновничества часто находились на двух или трех ролях. Тем не менее, на этапе формирования выборных органов сословная неоднородность зачастую выступала как причина противостояния интересов чиновников и купцов или конфликтов внутри купечества. Например, в 1904 г. в ходе выборов в думу Тобольска современники отметили организацию двух группировок по социально-профессиональному признаку, которые боролись за депутатские кресла: государственно-чиновные служащие и торгово-промышленные круги [14, с. 3].

Новое Городовое положение стало существенным отступлением в сфере развития местного самоуправления в России. «Можно сказать, что после реформы 1892 г. у нас вообще не осталось самоуправления в общепринятом смысле слова...» [3, с. 38]. Реализация документа вела к постепенному сращиванию государственных и общественных органов управления [9, с. 416].

В Сибири в силу социально-экономических, географических (протяженность территорий и удаленность их от центра), демографических (невысокая плотность населения) особенностей общественное управление в полном объеме вводилось не во всех городах, а только там, где население составляло более 10 тыс. человек и бюджет – свыше 25 тыс. руб. К 1914 г. лишь в девяти из 24-х городов Западной Сибири (в Томске, Барнауле, Бийске, Новониколаевске, Тобольске, Кургане, Таре, Тюмени и Омске) городское самоуправление действовало в полном варианте [6]. Растущий абсентеизм наблюдался и среди юридических лиц. Далеко не каждое общество или заведение, удовлетворявшее необходимым цензам, выдвигало своего кандидата. Только в крупных городах (Тюмень, Курган и Тобольск) был невысокий процент таких организаций, в то время как в малых поселениях их не было совсем.

После реформы 1892 г. количество членов управ, прежде всего, в самых заметных городах Тобольской губернии также сократилось. Если в Тобольске и Тюмени в 70–80-е гг. выбиралось по семь человек, то к началу XX вв. – уже не более четырех-пяти. В относительно малых и средних городах, таких как Березов и Ялуторовск, число работников управы уменьшилось с четырех-пяти до двух-трех человек. В исполнительном органе в социальном отношении доминировали мещане (порядка 47 %, в среднем). Однако стоит учитывать, что соотношение представителей

сословий в составах одних и тех же управ в разные периоды менялось. Так, если в Тюмени в середине 80-х гг. XIX в. в состав управы входило 3 мещанина и 4 купца, то спустя четверть века (1911 г.) – 1 чиновник, 2 мещанина и 2 лица из иных категорий населения. В управе Тобольска в 1876 г. соотношение мещан и купцов, соответственно, составляло 5:2, в 1910 г. – уже 1:1 и проч. К 1910–1911 гг. официально зафиксированные купцы исчезли из составов курганской, ишимской, березовской управ, а общее количество представителей сословия в семи городах губернии в течение 35 лет (1876–1911) уменьшилось почти в четыре раза – с 15 до 4 чел. Число мещан за тот же период, независимо от значительного сокращения численности управ и появления в них представителей других категорий, почти не изменилось и даже немного увеличилось – 12 против 13 чел. В конце XIX – начале XX вв. составы управ пополнились представителями слоев горожан, ранее не участвовавших в работе исполнительных выборных органов: крестьяне, чиновники, военные и пр. Суммарно они составляли порядка 15% от всего числа членов управ [15, лл. 1, 9; 16, лл. 1–5; 17, лл. 295, 359–360; 18, лл. 215–216; 19, лл. 10–11, 17–17об., 21; 20, лл. 54–55, 57, 149; 21, лл. 11–14, 16–20, 22–25, 33–34, 42–45, 50–54, 68–69; 22, лл. 16–17, 27–36, 38–49, 84 об.–85, 128–133; 23, с. 7].

Таким образом, в процессе трансформации органов самоуправления г. Тобольска во второй половине XVIII – XIX вв. в бессословные органы власти можно выделить 3 основных периода действия нормативно-правовых актов:

- Жалованной грамоты 1785 г. (1780-е гг. – 1870-е гг.);
- Городового положения 1870 г. (1870-е гг. – середина 1890-х гг.);
- Городового положения 1892 г. (середина 1890 – конец 1910-х гг.).

Либеральные по содержанию реформы 1860–1870-х гг. оказали существенное воздействие на генезис всех областей жизнедеятельности, определили вектор для последующего функционирования системы управления городом. Важнейшие преобразования затронули судебную и финансовую системы, народное образование, городское самоуправление, военную сферу, крестьянский и земский вопросы. Для империи по уровню своего значения их можно поставить в один ряд с модернизацией Петра I, реформами Екатерины II, Александра I. Преобразования последней трети XIX в. были рассчитаны на коренные изменения существующего строя, но, в силу ряда причин, они остались незавершенными. Однако произведенные перемены сформировали жизнестойкий комплекс узаконений и правил, ставших на протяжении полувека ориентирами для всех слоев населения.

В течение полутора веков формирование местных выборных учреждений в Тобольске шло в контексте социально-экономического развития города, обуславливавшего сословный состав органов городского общественного представительства. К концу рассматриваемого периода

городские дума и управа стали ареной борьбы, в первую очередь, экономических интересов социальных категорий горожан. С одной стороны, это привело к ослаблению результатов деятельности общественных органов, с другой, способствовало установление отлаженных горизонтальных связей в структуре муниципалитета, компенсировав упущение законодательства.

1. Грамота на права и выгоды городам Российской империи // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание 1. Т. 2. № 16187. СПб., 1830. С. 358-384.
2. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. М.: Олма-Пресс, 2005. 974 с.
3. Немировский А.О. Реформа городского самоуправления. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1911. 172 с.
4. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в. Л.: Наука, 1984. 258 с.
5. Храмцов А.Б. Власть и общество в городах Тобольской губернии конца XIX – начала XX века. Тюмень: РИО ТюмГАСУ, 2010. 316 с.
6. Анкушева К.А., Бочанова Г.А., Дегальцева Е.А., Кириллов А.К., Ноздрин Г.А., Шиловский М.В., Ус Л.Б. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. 351 с.
7. Высочайше утвержденное Городовое положение // ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 45. № 48498. СПб., 1874. С. 821-839.
8. Коновалов И.А. Городское управление и самоуправление в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Городская культура в Сибири: история и современность: сб. науч. тр. Омск, 1997. С. 81-95.
9. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов. М.: Мысль, 1970. 444 с.
10. Пажитнов К.А. Городское и земское самоуправление. Серия: Великие реформы шестидесятых годов в их прошлом и настоящем. Вып. IV. СПб.: Изд. М.И. Семенова, 1913. 114 с.
11. Толочко А.П., Коновалов И.А., Меренкова Е.Ю., Чудаков О.В. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск: Изд. Омского гос. ун-та, 2003. 196 с.
12. Высочайше утвержденное Городовое положение // ПСЗРИ. Собрание 3. Т. 12. № 8708. СПб., 1895. С. 430-456.
13. Алисов Д.А. Городское общественное самоуправление и губернская власть в Западной Сибири: проблемы взаимоотношений (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Местное самоуправление в истории Сибири XIX – XX веков: Сб. мат. регион. науч. конф. Новосибирск, 2004. С. 81-88.
14. Городская хроника // Сибирский листок. 1904. № 36. С. 3.
15. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И-8. Оп. 1. Д. 300.
16. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И-152. Оп. 35. Д. 354.
17. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И-152. Оп. 35. Д. 364.
18. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И-152. Оп. 35. Д. 367.
19. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И-152. Оп. 35. Д. 403.
20. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И-152. Оп. 35. Д. 508.
21. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И-152. Оп. 35. Д. 546.
22. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И-152. Оп. 35. Д. 904.

23. Памятная книжка Тобольской губернии на 1913 г. Тобольск: Губернская типография, 1913. 340 с.

2.3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ «ТОБОЛЬСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» В ПЕРВЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ*

Развитие печатных средств массовой информации (далее – СМИ) в российской провинции начинается с издания официальных газет – «Губернских ведомостей». Именно эта газета стоит у истоков институализации провинциальных СМИ и показывает специфику развития прессы в каждом российском регионе. Несмотря на официальный статус газеты и чёткую регламентацию её содержания, неофициальная часть «Губернских ведомостей» формировалась под сильным влиянием местных факторов. Поэтому многие функции газеты определялись нуждами и потребностями местности. Не стали исключением и «Тобольские губернские ведомости» (далее – ТобГВ). Изучение ТобГВ представляет интерес для специалистов разных исследовательских направлений. В большинстве случаев газета используется в качестве источника, особенно при изучении вопросов региональной истории. Сама газета как факт исторической региональной действительности представлена в исследованиях, начиная с 1990-х гг. В работах Н.Н. Александровой подробно рассмотрен начальный этап развития неофициальной части ТобГВ 1857–61 гг., характеризующий период становления провинциальной печати [1]. К числу аналогичных работ можно отнести исследование Е.Н. Коноваловой, посвящённое истории книгоиздания в Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX в [2]. Отдельные вопросы начального этапа развития ТобГВ: реконструкция авторства и роль редакторов неофициальной части газеты, качество публикаций представлено в отдельных публикациях Ю.Л. Мандрики [3]. Текстологический и литературоведческий анализ неофициальной части ТобГВ посвящены работы Н.Н. Горбачевой, Н.А. Рогачевой [4], Е.В. Костецкой [5].

Функциональные особенности «Губернских ведомостей» рассматривались исследователями, преимущественно, в области просветительства и в связи с развитием краевой литературы, публицистики, журналистики, общественной жизни края. Согласно

* Работа подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2014-0023 «Динамика социокультурных процессов в Западной Сибири как полиэтническом регионе в XVIII – начале XX вв.»

историографическому исследованию В.В. Швецова [6], более-менее чётко выделяется и обосновывается в изучении региональных «Губернских ведомостей» политическая и просветительская функции, хотя одна из важнейших функций газет, исторически обусловившая возникновение данного типа СМИ – экономическая [7]. Информация как важнейший экономический ресурс осмысливалась уже первыми европейскими издателями эпохи Возрождения на этапе зарождения рыночных отношений. Данный аспект анализа текста «Губернских ведомостей» не нашел комплексной разработки, специалисты обращались к экономической функции газет, издававшихся в России в последней четверти XIX в., причём, преимущественно, коммерческим изданиям.

Экономическая функция периодических изданий, выражавшаяся, главным образом, в виде рекламных объявлений, сообщений о хозяйственно-экономических процедурах, финансовых отчётах различных учреждений, сводных данных о фиксируемых ценах и прочих материалах в ТобГВ первого года издания реализовала себя очень скромно. С целью анализа публикаций неофициальной части газеты первого года издания были изучены все номера и извлечены материалы хозяйственно-экономического характера. Из тридцати шести номеров только в пятнадцати размещены рекламные объявления (№№ 10, 14, 16, 17, 23, 26, 28–36), однако коммерческий характер имеют лишь несколько из них. Однако считаем необходимым выделить тот «товар», о котором шла речь в кратких объявлениях, размещаемых в неофициальной части ТобГВ 1857 г.

Большая часть объявлений – это сообщения об издании книг с краткими пояснениями их содержания. В трёх объявлениях помимо характеристики содержания книг включены рекомендации к их приобретению чиновниками различных ведомств, что вызвано, конечно, не коммерческими причинами, а служебной необходимостью соответствовать профессиональным требованиям государственных служащих. Так, в № 16 от 10 августа 1857 г. размещено объявление о выходе следующих изданий «Книга полицейских законов для чинов городской полиции...», «Словарь гражданского права»; открыта подписка на новый «Свод законов» в начале 1858 г. [8, с. 154–155]. В № 17 от 17 августа 1857 г. редакция по просьбе чиновников, заинтересовавшихся трудом Г. Варадинова, разместила информацию о структуре, содержании, стоимости и возможности приобретения пособия, им составленного, – «Делопроизводство или теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегияльному и одноличному письмоводству, и составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самих дел, с приложением к оным образцов и форм». Судя по названию, издание Варадинова вызвало интерес провинциальных чиновников производственной необходимостью в сфере делопроизводства [9, с. 164–165]. В № 28 от 2 ноября 1857 г. размещено объявление, явно рассчитанное

на государственных чиновников, – об издании в МВД «Списков военных генерал-губернаторов, военных и гражданских губернаторов, градоначальников, предводителей дворянства и вице-губернаторов...» с указанием цены и возможности приобретения для присутственных мест [10, с. 275]. Как видно, эти объявления имеют конкретного адресата – ведомственные государственные структуры, что соответствовало статусу самой газеты – официального издания.

О возможности приобретения книг сообщают ещё два объявления. В № 10 от 29 июня 1857 г. указано, что Санкт-Петербургская община сестёр милосердия получила от благотворителей книги духовно-исторического и нравственного содержания – 4 наименования, которые могут быть высланы нуждающимся бесплатно [11]. Это объявление можно характеризовать как рекламу социальную, рассчитанную, скорее, на учебные заведения, общества, учреждения, нежели на обывателя. Да и тематика книг специфична, ориентирует не на лёгкое развлекательное чтение, а серьёзное и вдумчивое. Другое объявление, размещённое в № 23 от 28 сентября 1857 г., извещает о продаже книги «Возшествие на престол Николая I» стоимостью 2 руб. серебром за экземпляр. Деньги, собранные с продажи, как указано в объявлении, пойдут на нужды Императорской Публичной библиотеки, где её и можно приобрести. В объявлении обращается внимание читателей на содержание книги и на предысторию её издания. Это второе издание книги, рассчитанное на широкий круг читателей. Его предвляло первое издание, всего двадцать экземпляров, рассчитанное на узкий круг лиц императорской семьи и её ближайшего окружения, т.к. в книге собраны ранее засекреченные документы о деле декабристов [12, с. 214–215]. Переиздание книги и адресация широкому кругу читателей стали возможны после Высочайшей амнистии 1857 г. бывшим осуждённым и сосланным по делу декабристов. Это объявление также можно отнести к социальной рекламе, т.к. служит целям благотворительности, но, в отличие от предыдущего примера, рассчитано на широкую аудиторию.

Начиная с № 29, в каждом номере неофициальной части ТобГВ [13] размещены объявления о подписке на газету в 1858 г. Такого рода объявления служат саморекламой и вполне естественны для любого издания. Для начального этапа ТобГВ они интересны тем, что излагают предполагаемую программу издания на следующий год, тем самым позиционируя редакторскую политику, ориентированную на просветительство и способствование развития различных отраслей экономики и направлений социокультурного развития всей Сибири.

Объявления о подписке на газеты и журналы следующего года размещены в нескольких номерах. Эти объявления заслуживают внимания, а точнее, те издания, на которые объявлялась подписка, все они были изданиями официальными, за исключением газеты «Золотое руно», вновь

издававшейся, и «Северной пчелы», зарекомендовавшей себя в официальных кругах как благонадёжной и довольно популярной. В № 31 от 23 ноября 1857 г. размещено объявление о подписке на периодические издания Императорского Вольного экономического общества и еженедельную газету «Золотое руно» с программами изданий и условиями подписки [14, с. 524–525]. В № 35 от 21 дек. 1857 г. объявлялось о подписке на газеты «Северная пчела» и «Кавказ» с программами изданий на 1858 г. [15, с. 367]. В № 36 от 28 декабря 1857 г. – объявление о подписке на Записки Императорского Казанского экономического общества на 1858 г. [16, с. 378]. Записки Императорских экономических обществ скорее могли интересовать различные учреждения, а именно Статистический комитет Тобольской губернии, работа которого была активизирована в 1857 г., о чем можно судить по различным публикациям ТобГВ за 1857 г.

Объявление о подписке на «Театральный и музыкальный вестник» в № 33 от 7 декабря 1857 г. предваряется обширными размышлениями о досуге сибиряков. Автор сожалеет о том, что сибиряков часто бранят за некультурный досуг, и оправдывает такое положение дел отсутствием возможности устроить его более достойно: почти нет учителей музыки, профессиональных артистов и т.д. «Театральный и музыкальный вестник» поможет изменить ситуацию в лучшую сторону [17, с. 340–342]. Это рассуждение «снимает» коммерческий характер объявления. Реклама с акцентом на просвещение жителей Сибирского региона соответствует содержанию и тональности неофициальной части ТобГВ за весь 1857 г.

Адресатом следующего объявления являются соответствующие ведомственные структуры города и губернии. В 29 номере ТобГВ от 9 ноября 1857 г. размещено объявление о возможности выписки пожарного и полицейского обмундирования с фабрики из Санкт-Петербурга [18, с. 285]. Характер объявления можно обозначить как социально-утилитарный ввиду обязательности предлагаемого товара для полиции и пожарных команд, регламентируемой государственными ведомствами.

К объявлениям социального характера также можно отнести объявления о принятии учеников на учебно-практический хутор, состоящий при Императорском Московском обществе сельского хозяйства с подробным описанием условий конкурсного отбора и условий обучения – размещено в № 10 от 29 июня 1857 г. [11].

Сообщения, размещённые в № 14 от 27 июля 1857 г., адресованы жителям Тобольска. Первое – извещает об амбулаторном приёме в городской больнице в отдельном кабинете в указанное время, второе – об отпуске лекарств для бедных содержателем вольной аптеки с пятидесятипроцентной скидкой [19, с. 123]. Эти объявления, как и несколько следующих, имеют информативно-практическое значение для горожан и отражают их потребности, спрос и коммерческие предложения.

Таких объявлений обнаружено всего три: о частных уроках в № 34 от 14 декабря 1857 г. [20, с. 358]; о продаже двух мельниц в № 23 от 28 сентября 1857 г. [12, с. 215] – текст этих объявлений заключен в рамочки; о продаже вороной лошади и возка в № 26 от 19 октября 1857 г. [21, с. 243]. Это, пожалуй, единственные, в полном смысле, коммерческие объявления, соответствующие экономической функции газеты.

Анализ информативных сообщений, объединённых жанровой характеристикой объявлений неофициальной части ТобГВ первого года издания, позволяет говорить о социальном характере рекламы, о выраженных утилитарных и даже просветительских особенностях экономической функциональности газеты.

Эти особенности экономической функции прослеживаются и в содержании других жанров неофициальной части ТобГВ.

Большая часть публикаций за 1857 г., как и в последующие годы, была посвящена Сибирскому региону, в том числе описанию и характеристике особенностей развития местной торговли, расходов городского бюджета и общественных средств. Просветительские особенности экономической функции газеты нашли воплощение в очерковых публикациях о состоянии, проблемах и перспективах развития народного хозяйства и его отдельных отраслей в Сибири. Несколько очерков и статей посвящено острой проблеме развития народного хозяйства и всей экономике Сибирского региона – соединении Сибири с центральной Россией транспортными ветками.

Эту тему начинает статья, перепечатанная из «Московских губернских ведомостей» № 59 – «О дорогах в Сибири» автора из Тары. В ней поднимается очень актуальный для сибиряков вопрос о необходимости строительства железной дороги, которая соединила бы центральные и сибирские губернии. Она размещена редакторами в № 9 от 22 июня [22, с. 67–71] и № 10 от 29 июня 1857 г. [11]. Продолжает тему железнодорожного сообщения с Сибирью статья, перепечатанная из тех же «Московских губернских ведомостей» № 84 «Предложение о необходимости екатеринбургской железной дороги» (с авторской подписью «А. Щ.»). Автор сетует на отсутствие проектов и предложений о строительстве железнодорожных путей на Востоке страны, хотя это крайне необходимо для местного населения и развития промышленности. А. Щ. указывает главной причиной высоких цен в Сибири на товары промышленного производства дороговизну их транспортировки. Ссылаясь на экономические выкладки, автор делает вывод о том, что строительство железнодорожной ветки на Урале будет стоить дешевле, т.к. в регионе есть свои ресурсы: железо и древесина. Автором приводятся расчёты доходов и выгоды от наличия такой железнодорожной ветки для развития торговли с Азиатским регионом. Размещена статья в № 16 от 10 августа 1857 г. [8, с. 144–154] и предваряется редакторскими комментариями о причинах

повторного обращения на страницах газеты к теме железнодорожного сообщения с Сибирью, которые заключались в необычайном интересе публики к строительству железных дорог по всей России. Предложение автора, считают редакторы, могло бы весьма оживить развитие торговли в южных регионах Тобольской губернии. Непосредственным продолжением этой публикации вновь стали материалы из «Московских губернских ведомостей» (№ 97), продолжившие цикл статей о сибирских дорогах, размещённая в № 22 от 21 сентября 1857 г., где представлены разные варианты строительства железной дороги между различными населёнными пунктами [23, с. 198–199].

Развитие транспортной инфраструктуры, но только в системе речного сообщения, представлено в ряде статей, поднимающих аналогичную проблематику. В статье «О Сибирском пароходстве Тюменско-Томской водной системы» № 11 от 29 июня 1857 г. дана оценка роли водного сообщения между двумя губерниями в развитии торговли, анализируется опыт Тюменско-Томского пароходства. Публикация составлена «из сведений, доставленных из Тюмени В.Я.С.» [24, с. 81–83]. О необходимости развития обского пароходства для функционирования рыбного промысла и рыбной торговли говорится в статье, размещённой № 17 от 17 августа 1857 г. [9, с. 156–161]. В ней представлена технология добычи и засолки рыбы в Берёзовском округе, описан процесс ценообразования, объёмы продаж рыбы на местных рынках и, конечно, проблема транспортировки рыбы. Автор не указан. Это одна из значительных публикаций первого года издания ТобГВ, посвящённых развитию отдельных хозяйственных отраслей нашего региона. Однако, возвращаясь к транспортной теме, необходимо отметить ещё одну статью из № 18 от 24 августа 1857 г. «О северной дороге». Последовательность изложения материала аналогична структуре предыдущих статей. Обращая внимание на проблему высоких цен на промышленные товары в Сибири, предлагался к обсуждению проект соединения рек Сибири с реками Центральной России. Такой вариант развития водного сообщения в Сибири рассматривался ранее в «Записке об учреждении водного сообщения между Архангельском и устьем Оби» И.И. Апосова, генерал-майора, горного инженера, бывшего томского губернатора. Его проект комментируется в статье, и авторы приходят к выводу о дороговизне проекта и преимуществах строительства железной дороги. В обращении к читателям указано, что редакция ещё не раз поднимет эту тему [25, с. 168–173]. Действительно, подобный проект, только по наладке водосообщения между Печёрой и Обью, необходимый для развития разных отраслей хозяйства, но, главным образом, лесной промышленности, рассматривается в статье М. Смоленского в № 28 от 2 ноября [10, с. 268–274], № 31 от 23 ноября 1857 г. [14, с. 307–310]).

Эти статьи и целый ряд других публикаций, рассказывающих об особенностях отраслевой экономики в Сибири и Tobольской губернии, комплексно характеризуют её развитие во взаимосвязи с экономикой Центральной России и других регионов, акцентируют внимание читателя на ресурсную обусловленность и вынужденную транспортную замкнутость. Например, в статье «Соль» в № 29 от 9 ноября [18, с. 277–282] и № 34 от 14 декабря 1857 г. [20, с. 349–353] (автор А.Д.) называются месторождения соли, её состав, способы получения и качество сибирской соли. В № 26 от 19 октября 1857 г. размещена заметка под названием «Несколько слов о скотопромышленности в Tobольской губернии», где приводится статистика поголовья скота, перерабатываемого и пригоняемого из Киргизской степи [21, с. 241–243]. В № 2 от 4 мая 1857 г. публикуются «Заметки о значении ярмарок и торжков в селениях Tobольской губернии [26, с. 6–8].

Есть среди публикаций о хозяйственном развитии края статьи о сельском хозяйстве, где представлены сведения о специфике произрастающих культур и трав по округам, оценивается их состояние в связи с затоплением больших территорий (№ 18 от 24 августа 1857 г. в разделе «Местные известия» [25, с. 167–168]), предлагаются рекомендации для скотоводов и крестьян о заготовке сена и ивняка во избежание голода домашних животных в (№ 16 от 10 августа [8, с. 141–142], № 22 от 21 сентября 1857 г. [23, с. 197] и др.). Эти заметки носят обзорный характер, но информируя местное население о текущем состоянии дел, дают возможность реальной оценки ситуации по объёмам заготовки различных культур и корма для скота, т.е. носят конкретный практический характер, представляя, по сути, хозяйственную хронику.

Среди прочих заметок о хозяйстве края в № 30 от 16 ноября 1857 г. размещена занимательная статья с рассуждениями о возможных вариантах производства растительных и животных масел в Tobольской губернии, исходя из местных ресурсов – диких животных и рыбы в северных округах, а также возможного культивирования подсолнечника и других растений в южных округах. Причём сделаны ссылки на опыт европейского сельского хозяйства и фермерских хозяйств Америки и Канады. Поводом для подготовки статьи, как отмечает её безымянный автор, стало повышение цен на рыбий жир – основной продукт в пищевом рационе сибиряков [27, с. 301–306], поэтому разъясняется повышение стоимости рыбьего жира за счет совершенствования технологии его изготовления и особенностей путей доставки до потребителя.

Подобного рода публикации не только знакомили читателей с хозяйством края и проблемами его развития, как неоднократно позиционировали редакторы в обращениях к читателям, но и, на наш взгляд, формировали информационную базу для предпринимателей края,

позиционируя коммуникативные и познавательные возможности губернской газеты.

Экономическая функция неофициальной части ТобГВ заявила о себе и в публикациях-отчётах о расходовании государственных и общественных средств на определённые нужды. Показательными в этом плане являются публикации материалов о формировании городского бюджета, его распределении и городском благоустройстве.

Обстоятельные материалы под названием «Годовые росписи о городских доходах и расходах» размещены в № 15 от 3 августа 1857 г. Это отчёт о городских налогах, других доходах и расходах, оформленный в городских росписях по Тобольской губернии [28, с. 124–137]. Представленные данные документов прокомментированы по статьям доходов, налогов с населения и расходов. Причём, большая часть расходов, как показывает отчётная документация по Тобольской губернии, – это средства государственной казны, ввиду отсутствия в регионе реального сектора экономики, приносящего большие прибыли. К тому же типу публикаций относятся разъяснения начальника губернии по налоговым сборам с горожан, опубликованные под названием «О недоимке с оценки недвижимых имуществ» в № 29 от 9 ноября 1857 г. [18, с. 282–285].

Помимо экономической функции такого рода публикации выполняли и функцию диалога власти и общества, где газета являлась основным инструментом позиционирования открытости власти для населения.

С финансовыми отчётами в неофициальной части выступали и различные общественные, преимущественно, благотворительные организации. Это различные комитеты, в том числе государственных структур, – например, Мариинской женской гимназии и Тобольской тюрьмы. Показательной в этом плане является публикация «О действиях Комитета по устройству города Тобольска в течение 1854, 1855 и 1856 гг.», размещённая в № 23 от 28 сентября 1857 г. В обстоятельном отчёте о расходовании средств Комитета на благоустройство города в течение трёх лет прослеживается голос автора, который обосновывает целесообразность расходования средств, сравнивая предыдущее состояние городских дорог и зданий с современным, и, тем самым, предупреждает нападки обывателей на якобы нецелевое использование финансов [12, с. 206–213]. В тексте чувствуется постоянная апелляция к заинтересованному читателю, что создаёт ощущение информированности автора о разных мнениях относительно финансовой деятельности Комитета, что подтверждает участие газеты в социальном диалоге.

Наиболее активно освещалась деятельность и отчётность Женского отделения Попечительного о тюрьмах комитета (№ 28 от 2 ноября 1857 г. [10, с. 275]) и Тобольского Тюремного комитета (№ 9 от 22 июня 1857 г. [22, с. 60–63]). Необходимо отметить, что на страницах неофициальной

части газеты довольно часто размещалась информация о пожертвованиях отдельных лиц, участии в различных благотворительных акциях со стороны церкви, городской общественности, вышеуказанных комитетов в пользу пострадавших от стихийных бедствий, оказавшихся в трудных жизненных ситуациях, необходимости реконструкции или строительства каких-либо сооружений и пр. Тем самым социальная активность населения, благодаря газете, получала публичное признание, способствовала её поощрению и институализации, особенно в части такого деликатного вопроса как использование общественных средств. Именно финансовая отчётность благотворительных обществ и государственных структур говорит о выраженности экономической функции ТобГВ уже в первый год своего существования.

Среди публикаций историко-просветительского характера есть статья, посвящённая роду сибирских купцов Поповых. Она перепечатана из «Экономического указателя» (№ 33), довольно объёмна и размещена в двух номерах ТГВ – № 25 от 12 октября [29, с. 223–234], № 28 от 2 ноября 1857 г. [18, с. 258–268]. В этой публикации интерес представляет, в первую очередь, редакторское вступление. В нем обозначена историческая роль купцов-первопроходцев в развитии почти всех отраслей хозяйства и промышленности в Сибири через налаживание торговых и культурных связей между отдельными регионами огромного сибирского края, подчеркнута их заинтересованность в процветании государства, стремление к просветительству и меценатству. Эта публикация интересна демонстрацией хозяйственных достижений сибирского региона через личностные факторы, где развитие экономики иллюстрируют не цифровые показатели, а человеческие качества и отношение к делу.

В ходе анализа публикаций неофициальной части была выявлена только одна статья экономического содержания «Непродуктивность многописания» (№ 7 от 8 июня 1857 г. [30, с. 46]), перепечатанная также из «Экономического указателя». Она посвящена обоснованию дороговизны для отечественной печати и бумажной промышленности использования буквы «ъ» в конце слов, оканчивающихся на согласный звук. Автором приводятся расчёты, доказывающие возможность экономии 17 % средств, затрачиваемых на бумагу. Из всех публикаций экономического характера это единственная публикация, не имеющая непосредственного отношения к местному краю и его хозяйственно-экономической деятельности, носящая информативный характер.

В результате из общего количества публикаций неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» за первый 1857 г. издания около сорока имеют экономическую содержательность, либо в плане тематического содержания (статьи, очерки), либо в отношении целевых установок сообщений, коммерческого или делового характера, (объявления), либо в информировании населения об использовании

экономических ресурсов, как правило, собранных общественных средств (отчёты). Таким образом, видно, что, в целом, просветительский характер неофициальной части ТобГВ реализовывал себя и в экономическом плане, формируя единое сибирское информационно-экономическое пространство через заявление о себе как серьёзном информационном ресурсе. Позиционируя способность газеты осуществлять информационное взаимодействие между различными социальными институтами и общностями для губернских ведомостей, несмотря на их официальный статус, газета не ограничивалась интересами центральной и даже губернской власти. Напротив, интересы и нужды местного населения определяли функционал неофициальной части губернских ведомостей, в том числе и экономический.

1. Александрова Н.Н. Общественная жизнь Западной Сибири в середине 50-х – начале 60-х гг. XIX в. (по материалам «Тобольских губернских ведомостей»): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.
2. Коновалова Е.Н. Книгоиздание Тобольской губернии (вторая половина XIX – начала XX в.). / по ред. И.В. Васильевой. Тюмень, 2002. 256 с.
3. Мандрика Ю.Л. Тайна «Губернских ведомостей»: к истории первых повременных изданий российской провинции (1857–1917 гг.) // Библиосфера. 2012. № 2; Мандрика Ю.Л. Государственная и частная печать: опыт чернильных войн (На материале «Тобольских губернских ведомостей») // Российская провинциальная частная газета под ред. Л.Е. Кройчика и Ю.Л. Мандрики. Тюмень, 2004. С. 236–250; Мандрика Ю.Л. Первые издания Сибири: генезис провинциальной прессы, её региональная идентичность и стратегия развития // Вестник Воронежского государственного университета. 2005. № 1; Мандрика Ю.Л. Печать в Сибири: региональная идентичность провинциальной прессы // Древнерусское духовное наследие в Сибири: научное издание памятников традиционной русской книжности на востоке России. Новосибирск, 2008. Т. 2.; Мандрика Ю.Л. Неофициальная часть губернских ведомостей как тип провинциального издания (на материале «Тобольских губернских ведомостей») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004.
4. Горбачева Н.Н., Рогачева Н.А. «Таково свойство губернского города...»: губернский город в зеркале «Тобольских губернских ведомостей» 1857-1862 гг. // Филологический дискурс. Вестник филологического факультета ТюмГУ. Вып. 2. Тюмень, 2001. С. 49–56.
5. Костецкая Е.В. Тобольские губернские ведомости в составе сибирского текста русской литературы // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 1. С.168–175.
6. Шевцов В.В. «Губернские ведомости» в советской и постсоветской историографии: основные направления изучения // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 3 (23). С.105–123.
7. Румянцева М.Ф. Источниковедение. Исторические источники XVIII – начала XIX века // URL: [http:// www. historichka.ru](http://www.historichka.ru) (дата обращения: 28.03.2017)
8. Тобольские губернские ведомости (ТобГВ).1857. № 16 С. 154–155.
9. ТобГВ. 1857. №17.
10. ТобГВ 1857. № 28.
11. ТобГВ 1857 г. № 10.
12. ТобГВ 1857. № 23.

13. ТобГВ 1857. № 29–36.
14. ТобГВ 1857. № 31.
15. ТобГВ 1857. № 35.
16. ТобГВ 1857. № 36.
17. ТобГВ 1857. № 33.
18. ТобГВ 1857. № 29.
19. ТобГВ 1857. № 14.
20. ТобГВ 1857. № 34.
21. ТобГВ 1857. № 26.
22. ТобГВ 1857. № 9.
23. ТобГВ 1857. № 22.
24. ТобГВ 1857. № 11.
25. ТобГВ 1857. № 18.
26. ТобГВ 1857. № 2.
27. ТобГВ 1857. № 30.
28. ТобГВ 1857. № 15.
29. ТобГВ 1857. № 25.
30. ТобГВ 1857. № 7.

2.4. «МИРАЖИ СТОЛИЧНОСТИ»: ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ ТОБОЛЬСКА В ПУТЕВЫХ ЗАПISКАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.*

Известно, что весь XIX в. отмечен стабильным ростом интереса русского образованного общества к Сибири. Это было связано со ссылкой декабристов, с изменением статуса региона во внутренней политике и геополитических стратегиях имперской власти, со строительством Транссибирской железной дороги, резким увеличением переселенческого движения в зауральские губернии, многочисленными научными и литературными экспедициями, общественной активностью политических ссыльных и местной интеллигенции, в первую очередь, областников. В литературноцентричном обществе в эпоху модернизации этот интерес проявлялся и в стремлении описать свой опыт путешествий (добровольных или вынужденных) в мемуарах, к которым в самом широком толковании этого понятия исследователи относят и путевые записки. Согласно подсчетам Н.П. Матхановой, из 1150 сибирских мемуаров XIX столетия – 251 текст представлен путевыми записками, еще 256 сочинений соединяют в себе черты дневников и путевых записок, а 63 – путевых записок и воспоминаний. Таким образом, путевые записки и их разновидности

* Работа подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2014-0023 «Динамика социокультурных процессов в Западной Сибири как полиэтническом регионе в XVIII – начале XX вв.»

составляют почти 50% общего числа мемуарных текстов о регионе [1, с. 87]. Популярность путевых записок в XIX в. связана с увеличением количества образованных русских; усилением территориальной мобильности населения; процессами формирования национального и регионального самосознания; увлеченностью читающей и пишущей публики историей и географией, проявившейся в том числе и в создании Русского географического общества (1845), Русского археологического общества (1846), Русского исторического общества (1866) под эгидой императоров; знакомством с европейскими травелогами, воспринимавшимися как жанровые образцы; популярностью «толстых» журналов, являвшихся одним из основных институтов формирования общественного мнения и охотно публиковавших путевые заметки, делая их достоянием широкого круга читателей; индивидуализацией сознания под влиянием модернизационных процессов и поиском форм репрезентации собственного «я» в разных видах творчества, в том числе и литературного.

Путевые заметки о Сибири XIX в. неоднократно становились предметом исследовательской рефлексии историков, литературоведов, специалистов по культурной географии [1–6; и др.]. Не были обойдены вниманием ученых и мемуары о Тобольске, однако чаще всего они привлекались как один из источников изучения прошлого города, различных аспектов социально-экономического развития, общественной и культурной жизни Западной Сибири. В настоящей работе путевым запискам адресуются другие *исследовательские вопросы*: какие достопримечательности города привлекали внимание путешественников, при помощи каких слов-маркеров, метафор они описывали «памятные места», от чего зависела «фокусировка оптики» путешественников и выбор ими объектов описания.

Теоретическую рамку данной работы задали наблюдения К. Линча об особенностях формирования образов городского пространства, их структуре и функциях, условиях «опознаваемости», соотношении «индивидуальных» и «общественных» образов города. Важными представляются выводы Линча о значении групповых образов для адаптации и социальной идентификации как горожан, так и гостей города, о таких обязательных элементах структуры образа города как *пути, границы (или края), районы, узлы, ориентиры*, о фрагментарности, динамичности, многомерности образов, их взаимоналожениях [7]. Наблюдения Линча заставили задуматься о том, какие именно памятники и сюжеты, связанные с городом, его районы, узлы, ориентиры были интересны авторам путевых записок и чем определялся их выбор. В этой связи была взята на вооружение идея А. Лефевра о социальной сконструированности пространства города, а именно о том, как оно интерпретируется, описывается, воспринимается, прочувствуется,

понимается и воображается людьми [8]. В соответствии с этим образ города понимается как его обобщенное описание разными людьми/сообществами, процесс и результат их воображения, знаний, эмоций, воспоминаний о городе. А. Лефевр разделяет «иконические» и повседневные образы города. Иконой А. Лефевр называет объект (событие, базовую метафору), задающий тон и создающий атмосферу города [9, с. 178]. Именно «иконические» образы тиражируются посредством СМИ, художественной и документальной литературы, кинофильмов, рекламы. В сознании же горожан/гостей города существуют свои, повседневные образы города, А. Лефевр еще называет их «банальными». Они связаны с социальным опытом горожан и туристов (как добровольных, так и вынужденных), местами памяти, повседневными практиками проживания в нем. Чтение Лефевра предопределило мой интерес к вопросам о том, какие иконические и повседневные образы отражались в путевых заметках, способствовали ли они формированию национальных и территориальных идентичностей. Кроме того, образы города не столько отражают реальность, сколько производят ее, поэтому важно, какой именно образ Тобольска и его достопримечательностей формировал представления о городе у читателей путевых записок.

Для поиска ответов на возникшие вопросы, наряду с путевыми записками, выявленными в библиографических указателях Н.П. Матхановой и «Истории дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» под редакцией П.А. Зайончковского, были привлечены и их разновидности (пограничные тексты, соединяющие черты путевых записок и дневников, путевых записок и воспоминаний) [1, 10]. Основное внимание привлекли сочинения второй половины XIX в., однако, в отдельных случаях, для выявления динамики представлений о достопримечательностях Тобольска автор обращался и к текстам о первой половине столетия.

Для начала перечислим факторы, которые влияли на восприятие Тобольска путешественниками и, возможно, определяли выбор его иконических образов, отразившихся в путевых записках. В их числе можно упомянуть сословную и профессиональную, этническую принадлежность, уровень образования авторов, мотивов их мемуаротворчества. В связи с тем, что влияние этих характеристик на структуру и содержание сибирских мемуаров, в том числе и путевых записок, уже охарактеризовано Н.П. Матхановой [1, с. 76–85, 106–123], остановимся на одном из ключевых условий – обстоятельствах пребывания в Сибири и, в частности, в Тобольске. На важность этого фактора указывали и сами мемуаристы. К примеру, известный врач, археолог, один из инициаторов создания Томского университета, попечитель Западносибирского учебного округа В.М. Флоринский замечал: «Такая отдаленная поездка в неизвестный для меня край, о котором много раз приходилось читать и слышать самые

разноречивые рассказы, естественно, возбуждала живое любопытство. Лица, возвращавшиеся из Сибири, сообщали о ней свои впечатления, то скорбные и угрюмые, то полные очарования и светлых надежд на будущее этой страны, смотря потому, при каких условиях совершалось добровольное или невольное пребывание в этой, прославившейся ссылкой и золотом, русской окраине. Человек, попавший в Сибирь не по своей воле, или испытывавший в ней много нужды и горя, неизбежно будет окрашивать свои воспоминания темными красками. Более правдивые сведения сообщали добровольные туристы, или служившие там образованные чиновники, но и их описания не всегда верны и беспристрастны. В данном случае много зависит от точки зрения наблюдателя и, отчасти, от его расположения духа. Чтобы лично проверить все мною прежде слышанное и читанное о Сибири, с которою судьба, по-видимому, связывает меня на продолжительный срок, я запасся на дорогу письменными принадлежностями, чтобы занести в тетрадь живые сведения и личные впечатления» [11, с. 109].

Наблюдения Флоринского соотносятся и с мнением других мемуаристов. Многие политические ссыльные второй половины XIX в. упоминают о том, что слабо помнят свое пребывание в Тобольском тюремном замке, словно их сознание старалось предать забвению, стереть из памяти травматичные события. Так, политический ссыльный В.А. Обручев, находившийся там в 1862 г., вспоминал впоследствии: «Обстоятельства моей жизни в Тобольске сохранились в моей памяти чрезвычайно неравномерно. Бесследно исчезло многое, что, казалось бы, нельзя забыть. Свои кандалы под койкой помню, но не помню, как расковывали... Не помню совершенно, как продовольствовался, получал ли казенную еду, и какую именно, или разрешено было покупать свою и кто ее приносил. Не помню, как получал и отправлял письма, которые тогда имели для меня огромное значение, ожидалось страстно и писались в очень возбужденном состоянии. С большим трудом восстановилась в памяти фигура смотрителя, который не принимал со мной начальственного тона и редко к нам показывался [12, с. 566].

Однако при этом многие моменты, не привлекавшие внимания тех, кто жил в городе или долгое время находился там в заключении, нашли свое отражение в мемуарных текстах вынужденных «путешественников». Петрашевец, политический ссыльный Ф.Н. Львов, в частности, отмечал: «Тобольская тюрьма, где сосредоточивались все ссыльно-каторжные и ссыльно-поселенцы, представляла в то время любопытное зрелище. Я бы описал ее в подробности, если бы не знал, что другое перо, более искусное, взялось за этот предмет; притом же впечатления мои от частого повторения их не так глубоки, как могли быть они у человека свежего. Путешественника поражают гораздо сильнее местность и обычаи страны, чем местного жителя, который ко всему этому привык. Но я не могу

пройти молчанием некоторых особенностей этой тюрьмы, этой академии, где получают свое окончательное образование ссыльные» [13, с. 286].

Можно предположить влияние и других обстоятельств на восприятие города и его достопримечательностей: индивидуально-психологических особенностей автора, его состояния здоровья и настроения во время поездки, времени пребывания в городе (и в количественном, и в сезонном измерениях) и др. Генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель отмечал: «Тобольск, в котором я не был с зимы 1861–1862 гг., много выигрывает в летнюю пору. Этот город, расположенный у слияния Тобола с Иртышом, частью на равнине, частью на возвышенностях, представляет чрезвычайно красивую панораму, если смотреть на него от подножия памятника, воздвигнутого завоевателю Сибири Ермаку. Три дня, проведенные мною в Тобольске, прошли в празднествах и обедах. Могу сказать, что оказанный мне жителями любезный прием вполне вознаградил меня за постоянные заботы об их благосостоянии» [14, с. 179].

Многое зависело и от статуса самого города (столица генерал-губернаторства или губернии), его экономического положения на момент пребывания в нем автора путевых очерков. На это обратил внимание еще А.Х. Бенкендорф, посетивший по службе город в самом начале XIX столетия: «Лавочки здесь полны товаром, есть ряд церквей, несколько красивых каменных домов и даже театр. Тобольск несколько скрашивает грустное и тяжкое впечатление, которое оставляет Сибирь. Он имеет вид города зажиточного и оборотистого; в этом городе можно встретить несчастных, которые своим примерным поведением получили свободу и возможность зарабатывать себе на жизнь трудом и сноровкой; губернатор, городничий или исправник надзирают за этими людьми, приговоренными к моральной смерти... Нас уверяли, что это только теперь Тобольск стал так уныл, но во времена императора Павла здесь много развлекались. Этому есть очевидное объяснение: только правление императора Александра заселило Сибирь истинными преступниками, в то время как в предыдущее царствование этот край был наполнен богатыми и знатными людьми, которых сюда сослала прихоть императора Павла и теми, кто хоть и не искал случая быть удаленным от света, но и не считал позором для своей репутации выказывать этим людям открытое сочувствие» [15, с. 67].

Как свидетельствуют привлеченные источники, после переноса столицы Западносибирского генерал-губернаторства в Омск в 1839 г. Тобольск постепенно утрачивает свои признаки столичности и постепенно превращается в город «прошлого величия». Ситуация усугубилась во второй половине XIX в. в связи со смещением торговых путей и постройкой Транссибирской железной дороги, оставившей город в стороне от основной транспортной артерии. Метафоры Тобольска как города, пережившего свое былое величие или прощающего с ним, города,

стареющего после бурной и яркой жизни, встречаются во многих мемуарах.

В своих воспоминаниях дочь чиновника М.Д. Францева пишет: «С удалением главной квартиры, управления генерал-губернатора, войска, чинов штаба в Омск, Тобольск совершенно опустел, сделался скромным губернским городом, и жизнь в нем началась довольно скучная» [16, с. 292]. «Тобольск второй по времени сибирский город, основанный вскоре по завоевании Сибири в 1587 г. С тех пор он прошел все ступени иерархической лестницы: сначала назывался столицей Сибирского царства. Затем, когда Сибирь была разделена на два наместничества, Тобольское и Иркутское, окружным городом, потом был резиденцией генерал-губернаторов Западной Сибири, и наконец теперь, с тех пор как генерал-губернаторство переведено в Омск, стал простым губернским городом Тобольской губернии», – читаем в путевых заметках военного врача И.И. Зарубина [17, с. 641]. Уже упомянутый мною Флоринский называет Тобольск *обиженным, умирающим городом*, метафорически сравнивая его с падающим деревом: «Вспоминая прошлую историю Тобольска, можно было подумать, что он и до сих пор служит столицей Сибирского царства. Но этот *мираж* исчезает, как только вы сходите на берег и ознакомитесь с закулисною стороною *отжившего величия*. То, что казалось красивым и величественным издали, действительно красиво – это храмы божии и старые правительственные постройки, все же остальное, новое, обывательское носит печать мелкого мещанского пошиба. Тобольск видимо падает. Созданный и возвеличенный административной властью, в ней одной он находил источник жизни, но с уничтожением наместничества, а в новейшее время с переводом генерал-губернаторства в Омск, он превратился в будничный захолустный город» [11, с. 117]. Отметим, что схожие описания Тобольска мы встречаем и в исторических очерках по истории города, написанных в интересующую нас эпоху. Так, в брошюре И.Д. Беляева «Краткий очерк 300-летнего существования г. Тобольска» читаем: «О настоящем состоянии города мы не будем говорить, в нем слишком мало отрадного. Тобольск *спел свою лебединую песню*. Этот *маститый старец* теперь может гордиться лишь своей исторической славой, которой не отнимут у него никакие удары судьбы, как бы ни были сильны они» [18, с. 23].

Н.В. Шелгунов, посетивший город в 1862 г., в своих записках называет еще одного виновника «упадка» Тобольска – реку Иртыш: «...Иртышские разливы сильно разорили край и вместе с развитием пароходства имели огромное влияние на упадок Тобольска. В Тобольске нет никаких промыслов и потому заметна большая бедность. Но люди все еще держались немного, пока наводнения не разорили их совершенно» [19, с. 24]. Примечательно, что большая часть авторов, имеющих в нашем распоряжении дорожных записок, прибывала в город именно на пароходе

и образ приближающего или удаляющегося города со стороны Иртыша фигурирует в большинстве травелогов. Типична в этом смысле реплика начальника Главного тюремного управления М.Н. Галкина-Враского, бывшего в Тобольске проездом в 1881 г.: «К вечеру пароход отчалил. За поворотом исчез из вида Тобольск и нам предстали живописные берега Иртыша» [20, с. 149]. Н.В. Шелгунов и В.М. Флоринский при этом замечали, что, подобно большинству русских городов, Тобольск издали гораздо красивее, чем вблизи. Значительная часть авторов путевых записок, оставивших свои впечатления о городе, находилась в нем ровно столько, сколько длилась стоянка парохода, то есть два – три часа и считала, что этого вполне достаточно, чтобы составить свое представление о его достопримечательностях. Сошлемся на показательное в этом смысле мнение журналиста И.С. Левитова, проезжавшего через Тобольск летом 1882 г.: «...ровно в 12 часов дня мы подъехали к Тобольску, где пароход останавливается на два часа. Времени было, следовательно, достаточно, чтобы осмотреть все достопримечательности города, которые заключаются в памятнике Ермаку и сосланном колоколе» [21, с. 19].

Таким образом, большинство путевых записок о городе (за исключением, конечно, текстов политических ссыльных) – результат поверхностного знакомства с ним, ограничивающегося лишь беглым знакомством с его известными по путеводителям и периодическим изданиям достопримечательностями, имевшим статус иконических образов города. Набор этих образов/символов сложился еще в первой половине столетия, и знакомство с включенными в этот символический список достопримечательностями считалось обязательным для туристов, даже несмотря на плохую погоду. В середине века чиновник П.И. Небольсин называет следующие памятные места города: «Тобольская рыбная площадь, на которую я вышел было подышать воздухом, заставила меня своим страшным зловонием искать другого места для прогулки. У памятника Ермаку... нестерпимый жар от палящих лучей солнца, заставил меня бежать оттуда подальше, чтобы найти какую-нибудь отрадную тень. Я пошел было на колокольню, чтоб посмотреть знаменитый угличский колокол, но я так уже был измучен, что лезть на вышину счел за величайшую тягость. Только и видел, что серебряные царские врата, присланные в тобольскую церковь царевною Софьей Алексеевной» [22, с. 38]. Этот же перечень достопримечательностей мы встречаем в текстах Н.В. Шелгунова, М.Л. Михайлова, В.А. Обручева, А.О. Дюгамеля, познакомившихся с Тобольском в начале 1860-х гг., он же фигурирует в дорожных заметках В.М. Флоринского и епископа Никодима (Н.И. Казанцева), побывавших в городе в 1870-е гг., мы находим его и в травелогах И.И. Зарубина, М.Н. Галкина-Враского, И.С. Левитова, А.А. Исаева [23] о 1880–1890-х гг.

В большинстве путевых текстов второй половины XIX столетия

описание памятных мест Тобольска носит эмоционально-нейтральный, констатирующий, а не оценочный характер. Авторы, как правило, мало рефлексируют о смысловом наполнении тех или иных символов города, они просто фиксируют их наличие. В качестве типичного примера «говoreния» о достопримечательностях города позволю себе пространную цитату из дорожных записок И.И. Зарубина: «Пароход наш стоял в Тобольске два часа, и я поспешил осмотреть город и купить что-нибудь на память о нем, тем более, что здесь можно найти великолепные голубые песцовые меха и довольно изящные изделия из бересты и мамонтовой кости. Тобольск выстроен на двух террасах правого берега Иртыша. Внизу расположена худшая часть города, с узкими кривыми улицами и низенькими домами, а все лучшие здания расположены на второй террасе. Здесь улицы вымощены деревом. На гору ведет широкая деревянная лестница для пешеходов, в 900 ступеней, и особый выезд для экипажей, идущий ущельем между двумя холмами. На одном холме разбит маленький садик и в нем стоит высокий обелиск серого мрамора с надписью: «Ермаку, покорителю Сибири». Кругом памятника кучками сложены ядра, а на лучшей улице города, по обеим сторонам поставлено 100 пушек, некогда завоевавших Сибирь. На другом холме, у архиерейского дома, в небольшой часовне находится замечательная историческая вещь, ссыльный колокол со сточенным ухом. Это тот самый колокол, в который некогда, 15 мая 1591 г., ударил в набат угличский священник Федот Огурцов, увидев убийство царевича Дмитрия» [17, с. 641].

Однако встречается и другой вариант отношения к выбору иконических символов Тобольска. Его демонстрирует в своих текстах неоднократно упомянутый мною В.М. Флоринский, желавший критически осмыслить через какие именно образы стремится рассказать о себе город, какие именно сюжеты его прошлого и настоящего актуализируют эти символы. Отмечая красоту места, на котором расположен памятник Ермаку, он считает, что сам обелиск не выражает ни художественного вкуса, ни идеи. Ученый называет его типичным для провинциального кладбища памятником, символизирующим скорбь об исчезнувшем величии города, на котором должно поместить надпись «sic transit Gloria mundi» [11, с. 118]. Не менее критично Флоринский отзывается и об угличском колоколе: «Каждого туриста непременно везут показать эту диковинку. Корнаухий колокол изображают в разных изданиях и на фотографиях, о нем трактуют во всякой книжке, где только говорится о Тобольске. На меня все это производит грустное впечатление. Неужели, в самом деле, в древней столице Сибири нет более симпатичных воспоминаний, как кнут, ссылка, рваная ноздря и виселица. Неужели это должно служить эмблемою сибирского царства и радовать нас, что даже звук первого благовеста в первом сибирском храме раздавался не из

освященного колокола, а из отверженного, наказанного и сосланного на заточение. При таком жалком пессимизме можно действительно подумать, что Сибирь проклятая страна, с первых дней осужденная для ссылки и каторги, что в ней нет ни светлого прошлого, ни отрадного будущего» [11, с. 119–120]. По сути, Флоринский, существенно опережая свое время, размышляет о том, как иконические образы города влияют на его восприятие, его место в ментальных картах современников, то есть поднимает те вопросы, которые будут осмысливаться в урбанистике, культурной географии и исторической имагологии лишь с конца XX в.

Как уже говорилось, и сам выбор, и текстовая репрезентация примечательных мест Тобольска зависели и от социально-профессиональной принадлежности мемуариста, и от обстоятельств пребывания в городе, поэтому наряду с общими для всех путешественников в путевых заметках упоминаются места, важные лишь для представителей отдельных «мы-сообществ». Неудивительно, что первоочередное внимание епископа Никодима привлекали храмы, местночтимые иконы: он подробно описывает кафедральный собор и другие храмы, архиерейский дом, уделяет внимание сохранности икон и др. [24, с. 418]. Политические ссыльные Ф.Н. Львов, М.Л. Михайлов, В.А. Обручев и лица, причастные к ним (Н.В. Шелгунов), подробно описывают Тобольский тюремный замок, давая ему несколько противоречивые оценки, зависящие от времени и обстоятельств пребывания в нем.

Специалистам хорошо известна так называемая «михайловская история», связанная с теплым приемом в Тобольске поэта, сторонника женской эмансипации М.Л. Михайлова, закончившаяся доносом одного из местных чиновников в столицу и отстранением от должностей губернатора А.В. Виноградского и других высших должностных лиц губернии. Вот как сам Михайлов писал о пребывании в Тобольске: «Мне не давали ни скучать, ни чувствовать какое-нибудь лишение. Я был буквально засыпан журналами, книгами, мне присылали со всех сторон всевозможные газеты в самый день получения почты, справлялись о моем деле, и о приказе, и у губернатора, и во врачебной управе, предлагали мне отправлять письма. Каждое утро к чаю являлись превосходные сливки, разное печенье, к обеду жареные рябчики, всякие сласти, сыр, масло, наливки и т. п. Обо мне не забывали ни на один день» [25, с. 565–566]. Возможно, что не без влияния впечатления от встречи своего друга Михайлова с тоболяками приехавший вызволять его из Сибири Н.В. Шелгунов называл местную тюрьму лучшим из острогов [19, с. 25]. Несколько иные впечатления о тобольской тюрьме сложились у Обручева, побывавшего в ней вскоре после Михайлова. «Тобольская администрация... находилась в то время (1862 г.) в довольно неприятном, опасливом настроении. Зимой был провезен через Тобольск Михайлов, литератор, известный тогда всей России беллетрист, поэт,

передовой боец за эмансипацию женщин – тобольское общество отнеслось к нему с сочувствием, под влиянием которого местные власти допустили разные поблажки. В Петербурге это не понравилось; последовал запрос; заговорили о предстоящем расследовании. В этих обстоятельствах мой невольный приезд был в высшей степени досаден. Как быть? Лично я не имел никаких прав на внимание, но некоторый шум вокруг имени был; престиж звания «политического ссыльного», или даже того важнее – «государственного преступника», все еще поддерживался, студенческих избиений Россия еще не знала; охотнорядцы, положившие им почин, еще только нарождались или бегали без штанов; порода людей, натасканных на перегрызание горла, еще не возникала, и молодечеством в подвигах этого рода еще не хвастались в семейном кругу и не очаровывали барышень лучшего общества. Вообще, совсем другое было время и разрешение вопроса представлялось в данных обстоятельствах затруднительным. Рецидив поблажек был, конечно, страшен, но могли не похвалить и за излишнюю суровость... Под влиянием этих противоречивых веяний меня продержали в тобольском остроге до поздней осени, по-сибирски можно даже сказать – до зимы, тогда как гораздо проще было тотчас сбыть с рук и переотправить.

Меня поместили в маленьком одноэтажном флигеле для привилегированных, где было, кажется, всего 6–8 комнаток в одно окно. Спали по двое, на койках первобытного устройства. Флигель выходил на внутренний дворик, где позволялось гулять... Никаких инцидентов, перебранок, расправ, цинических выходок при этом на моем виду не встречалось», – читаем в мемуарах Обручева [14, с. 565–566]. Можно предположить, что уже с середины XIX столетия начинается постепенная мифологизация тобольской тюрьмы, как и всех сибирских тюрем для политических ссыльных и каторжан, в качестве места страдания революционеров, закономерный этап продолжения их героической борьбы за будущее народа.

Итак, в травелогах второй половины XIX в. Тобольск описывался как город с богатой и яркой историей, которая в силу целого ряда социально-политических и экономических причин осталась в прошлом, оставив в память о себе лишь «миражи столичности», в текстах часто использовались метафоры болезни, старости и умирания, но по отношению не столько к самому городу, сколько к утрате им столичного статуса. В числе ключевых иконических образов города, обязательных к осмотру туристами, как правило, назывались памятник Ермаку, угличский колокол и Тобольский кремль. Для людей, оппозиционных власти, знаковым местом являлся Тобольский тюремный замок, в котором пребывали известные борцы с самодержавной властью.

1. Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 551 с.
2. Айзикова И.А. К вопросу о жанровом своеобразии путевых заметок о переселенцах («Переселенцы и новые места. Путевые заметки» В.Л. Дедлова и «В далекие края. Путевые наброски и картины» К.М. Станюковича) // Айзикова И.А., Макарова Е.А. Тема переселения в Сибирь в литературе центра и сибирского региона России 1860–1890-х гг.: проблема диалога. Томск: Изд-во Том. унта, 2009. С. 167–189.
3. Анисимов К.В. Путешествие: к вопросу о жанровой составляющей сибирского текста // Сибирский текст в русской культуре. Томск: Сибирика, 2002. С. 20–30.
4. Жиякова Н.В. Рождение романа: путешествие из Сибири в Петербург (К.М. Станюкович «Не столь отдаленные места») // Сибирский текст в русской культуре. Томск: Сибирика, 2002. С. 44–53.
5. Корандей Ф.С. Преддверие Сибири: образы границы в описаниях путешествий по Сибири (вторая половина XIX в.) // Русский травелог XVIII–XX вв. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2015. С. 166–196.
6. Родигина Н.Н. Репрезентация литературных путешествий в Сибирь в русских общественно-политических журналах второй половины XIX века // Диалог со временем. 2012. № 39. С. 170–182.
7. Линч К. Образ города. М., 1982. URL: <http://www.glazyshev.ru/books/translations/Linch/Linch.htm> (дата обращения: 27.03.2017).
8. Лефевр А. Другие Парижи // Логос. 2008. № 3 (66). С. 141–147.
9. Мокроусова А. Образы города как ресурс анализа социального пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 3. С. 173–181.
10. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях / под общ. ред. П.А. Зайончковского. М.: Книга, 1983. Т. 4. Вып. 1–4.
11. Флоринский В.М. Воспоминания и заметки. 1875–1880 // Русская старина. 1906. № 4. С. 109–156.
12. Дюгамель А.О. Автобиография // Русский архив. 1885. № 10. С. 161–224.
13. Львов Ф.Н. Еще тобольские воспоминания // Петрашевцы в воспоминаниях современников. М., Л.: Госиздат, 1926. С. 284–289.
14. Обручев В.А. Из пережитого // Вестник Европы. 1907. № 6. С. 565–595.
15. Бенкендорф А.Х. Мое путешествие на край ночи и к границам Китая: отрывок из воспоминаний / пер. с фр. М. Сидоровой // Наше наследие. 2004. № 71. С. 60–80.
16. Францева М.Д. Воспоминания // Исторический вестник. 1888. № 5. С. 381–412.
17. Зарубин И.И. Вокруг Азии: путевые заметки // Русский вестник. 1881. № 8. С. 581–646.
18. Беляев И.Д. Краткий очерк 300-летнего существования г. Тобольска. Тобольск, 1887. 24 с.
19. Шелгунов Н.В. Сибирь по большой дороге // Русское слово. 1863. № 2. 2 отд. С. 1–39.
20. Галкин-Враской М.Н. Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881–1882 гг.: из путевого дневника // Русская старина. 1901. № 1. С. 147–196.
21. Левитов И.С. От Москвы до Томска // Русская мысль. 1883. № 7. 2 отд. С. 1–30.
22. Небольсин П.И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб.: Типогр. И. Глазунова, 1850. 248 с.
23. Исаев А.А. От Урала до Томска: Из путевых заметок // Вестник Европы. 1891. № 9. С. 55–86.
24. Никодим [Казанцев Н.И.] Путевые записки: мое путешествие из Красноярска в Москву // Русский архив. 1903. № 3. С. 387–424.
25. Михайлов М.Л. Из дневника. 1862–1863 гг. // Русская старина. 1906. № 9. С. 536–

2.5. МЕДИКО-САНИТАРНЫЕ УСЛОВИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ТОБОЛЯКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.*

Условия жизни населения – один из важнейших показателей, влияющих на ее качество. Понятие включает в себя множество составляющих: природно-климатические особенности места проживания; материальное благосостояние; жилищные условия; уровень обеспеченности медицинскими, образовательными, культурными услугами; возможности для проведения свободного времени, удовлетворения разнообразных жизненных потребностей и проч.

К числу определяющих качество повседневной жизни факторов относятся медико-санитарные условия, в число которых входят личная гигиена, питание, состояние жилища, гигиена труда, отдых, состояние медицинской и санитарной сфер в пункте проживания, количество больниц и врачей, санитарные мероприятия, эпидемиологическое окружение и др.

Медико-санитарные условия оказывают решающее влияние на здоровье, заболеваемость разных групп населения, продолжительность жизни.

Специалисты в области медицины, демографии, социологии единодушны в выводе о зависимости уровня заболеваемости и смертности населения от состояния медицинской и санитарной сфер в местах проживания.

В России государственная медицина и санитарная служба получили развитие лишь после 1918 г., когда был создан Народный комиссариат здравоохранения (Наркомздрав) во главе с выдающимся врачом и ученым Н.А. Семашко. В дореволюционный период заботы о санитарном надзоре и развитии медицины, согласно действовавшему законодательству, в городских и сельских поселениях Российской империи возлагались на органы местного самоуправления, финансовые возможности которых были крайне стеснены, поэтому состояние медицинского обслуживания

* Работа подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2014-0023 «Динамика социокультурных процессов в Западной Сибири как полиэтническом регионе в XVIII – начале XX вв.»

населения и санитарного контроля характеризовалось как слабо удовлетворительное, особенно на окраинах страны.

В демографических исследованиях, посвященных изучению типа воспроизводства, продолжительности жизни, смертности населения Сибири имперского периода приводятся шокирующие современного человека данные. Так, по подсчетам В.А. Зверева, в Западной Сибири на рубеже XIX – XX вв. средняя ожидаемая продолжительность жизни составляла всего 33–35 лет [1, с. 69]. Столь низкий показатель связан с высоким уровнем смертности населения, характерным не только для названного региона, но для всей страны. К примеру, В.П. Шпатлаков отмечает, что в 1860 г. смертность составляла в целом по городам Западной Сибири 51,9 % [2, с. 70], причем в городах Томской губернии она была ниже, чем в городах Тобольской – соответственно 30 и 40,1 % [3, с. 143].

Причины высокой смертности крылись в плохом питании, нарушении требований личной гигиены, слабой организации медицинской помощи населению на местах, недостаточном санитарном контроле и низком уровне санитарной грамотности людей.

Рассмотрим медико-санитарные условия повседневной жизни жителей Тобольска – административного центра Сибири, выполнявшего на протяжении длительного времени функции столицы этого обширного региона, в которую постоянно стекались арестанты и ссыльные, прибывали переселенцы, торговцы, крестьяне близлежащих деревень, что характеризовало город как один из центров принудительной и добровольной миграции населения.

В период с 1858 по 1913 гг. численность жителей Тобольска выросла с 15 894 до 21 958 человек, т.е. в 1,4 раза. За это же время население Омска увеличилось с 18 437 до 133 280 чел. (в 7,2 раза), Томска – с 14 071 до 95 614 (в 6,8 раз), Тюмени – с 10 284 до 42 196 (в 4,1 раза) [3, с. 194]. Таким образом, прирост населения в Тобольске по сравнению с другими крупными городами Западной Сибири был незначительным, чему способствовал ряд причин географического и экономического характера (удаленность от основных транспортных путей, суровость климата, незначительный объем промышленного производства и торговли и т.п.), а также высокий уровень смертности жителей, особенно в младенческом (до 1 года) и детском (от 1 до 5 лет) возрасте.

Причины смерти младенцев и детей имели преимущественно экзогенный характер: плохой уход, неправильное питание, инфекционные (оспа, скарлатина, корь, коклюш, дифтерит) и паразитарные болезни и т.п. Барнаульский исследователь А.Р. Ивонин подсчитал, что дети до 1 года в городах региона в середине XIX в. составляли 50–60 % умерших [4, с. 62]. Не противоречат вышеприведенным данным статистические сведения, представленные медиком Е.Н. Анучиным: в 1860-е гг. в Тобольске дети в

возрасте до 5-ти лет составляли 58,4 % умерших [5, с. 326]. Столь высокие показатели говорят о господстве в XIX в. традиционного типа смертности. Несмотря на наметившуюся в начале следующего столетия тенденцию к сокращению, младенческая смертность в западносибирских городах длительное время оставалась высокой. В Томске, Омске к 1910 г. на 100 родившихся приходилось умерших в возрасте до 1 года свыше 30 чел. [6, с. 18]. Представляется, что в Тобольске младенческая смертность находилась примерно на том же уровне, что и в вышеупомянутых городах.

Низкая продолжительность жизни горожан, высокие показатели ранней смертности во многом были связаны с состоянием развития медицины и санитарного контроля.

В 1890–1900-е гг. в Тобольске существовало 9 больничных учреждений. Большая часть горожан получали медицинскую помощь в губернской больнице общественного призрения и бесплатной лечебнице для приходящих больных, содержащейся на средства благотворительных учреждений города и частные пожертвования. Состоятельные жители пользовались услугами частнопрактикующих врачей. Тобольская губернская больница к 1864 г. вмещала в себя 60 кроватей, к 1901 – 80 [7, л. 11; 8, л. 58]. При ней были устроены дом для «умалишенных» и богадельня, которые к 1901 г. насчитывали, соответственно, 50 и 40 кроватей, также действовало родильное отделение.

В 1895 г. одна койка в губернской больнице общественного призрения и богадельне при ней, куда принимали всех горожан, приходилась на 199 чел. [подсчит. по: 9, лл. 232 об., 416].

В городе имелись больницы при тюремном замке на 60 кроватей, при каторжной тюрьме № 2 на 30 кроватей, а также приемный покой с 4 кроватями для амбулаторных больных. При Тобольском резервном пехотном батальоне функционировал военный лазарет на 53 кровати.

В ряде учебных заведений (духовная семинария, духовные мужское и женское училища, мужская гимназия, Мариинская женская школа) действовали больницы, в которых оказывалась медицинская помощь обучающимся. К 1900 г. в перечисленных образовательных учреждениях насчитывалось 63 кровати [8, л. 58]. Всего медицинские учреждения города располагали 261 кроватью (одна кровать на 82 жителя). В Тюмени, для сравнения, на одну стационарную кровать приходилось 253 человека, Кургане – 156, Таре – 193 [подсчит. по: 10, с. 12, 19].

По степени обеспечения врачебной помощью губернский Тобольск находился в более выигрышном положении, нежели уездные города. В 1901 г. здесь трудились 11 врачей, 12 фельдшеров, 2 лекарских ученика и 7 повивальных бабок [8, л. 61]. Если не учитывать выполнявших функции родовспоможения повивальных бабок, а также лекарских учеников, не имевших документа о соответствующем образовании, то получается, что на одного медицинского работника в городе приходилось

909 чел. [подсчит. по: 8, л. 41, 61об.]. К 1914 г. медицинский персонал больниц города составлял уже 47 человек, не считая 4 фармацевтов. Медицинскую помощь населению оказывали 14 врачей, 23 фельдшера, 5 акушеров и повивальных бабок, 4 зубных врача и дантист. Врачи и фельдшеры обслуживали 23 732 тоболяка (на каждого по 641 горожанину) [подсчит. по: 11, с. 5, 32]. По уровню обеспечения врачебной помощью Тобольск оставил далеко позади себя Тюмень, где численность населения росла высокими темпами, а штат врачей был крайне недостаточен (на одного врача здесь в 1910 г. приходилось 3267 чел.), Тару (11 613 чел. на одного врача) и другие города [12, с. 205].

В начале XX в. в Тобольске действовали две аптеки и аптечный магазин Ф.В. Дементьева, в которых можно было приобрести необходимые медикаменты.

Анализ врачебных отчетов за 1880–1910-е гг. показал, что стационарное лечение проходили чаще всего горожане, страдающие различными инфекционными (сыпным, брюшным, возвратным тифом, гриппом, скарлатиной и проч.), венерическими (сифилис, триппер, гонорея) заболеваниями, болезнями желудка и кишечника, органов дыхания (преимущественно бронхитом, воспалением легких, туберкулезом) [8, лл. 2–26].

Амбулаторно, как правило, лечились люди, имевшие помимо протекавших в легкой форме вышеперечисленных болезней кожные заболевания, неврологические расстройства, различные ушибы и вывихи, глазные и ушные болезни.

Высокий процент горожан, страдающих болезнями органов дыхания, ревматизмом медики напрямую связывали с неблагоприятными суровыми климатическими условиями Тобольска, с присущими им резкими колебаниями температур, сыростью и сильными ветрами. Причину значительного развития болезней кожи и глаз объясняли несоблюдением элементарных правил гигиены, редким посещением бани, плохой стиркой (прополаскиванием) нательного белья, отсутствием привычки мыть руки. В развитии болезней желудочно-кишечного тракта среди тоболяков первостепенную роль, по мнению городского врача С.Ф. Дунаева, играли неудовлетворительные условия санитарного состояния города в целом, «недостаточность питания и вообще плохой уход за собой» [8, л. 51].

Большая часть жителей города относилась к бедному классу и не могла позволить себе услуги частнопрактикующих врачей. За медицинской помощью бедные слои населения обращались в бесплатную лечебницу для проходящих больных, учрежденную в 1863 г. За десять лет (с 1870 по 1880 гг.) ее посетило 18 377 чел. Причем самое большое число повторных посещений было сделано больными, страдающими сифилисом, хроническими язвами и сыпями, нарывами, воспалением глаз, т.е. теми

болезнями, которые возникают в основном из-за неудовлетворительных санитарно-гигиенических условий повседневной жизни [13, с. 1, 2].

Лекарства для особо бедных горожан, нуждающихся в медикаментозной помощи, выдавались бесплатно по рецепту врача из вольной аптеки за счет лечебницы. Управляющий в 1880-е гг. лечебницей М. Петржкевич жаловался на «бедный» запас медикаментов для оказания помощи больным, а также на несоответствие санитарным нормам помещения, занимаемого вверенным ему учреждением. Лечебница располагалась в доме г. Раленбека в полуподвальном помещении и состояла из одной перегородженной на две части мрачной комнаты с низким потолком. В ней было постоянно сыро и душно [13, с. 6].

Гораздо более комфортными условиями для пребывания отличалась городская больница общественного призрения. Она помещалась в собственном трехэтажном каменном доме, построенном на краю города. Больница находилась в нагорной части города и включала в себя мужское и женское отделения. Больные размещались по палатам в зависимости от поставленного диагноза. Так, существовали отдельные палаты для пациентов с болезнями внутренних органов, «наружными» болезнями (глазными, ушными, кожными и т.п.), «сифилитическими» и «неизлечимыми».

В больнице действовали своя кухня, пекарня, квасоварня, прачечная. В отдельном флигеле располагались мужская и женская бани [7, л. 102–104об.]. С 1894 г. при больнице функционировало отделение Общества Красного Креста, сестры милосердия выполняли обязанности младшего медицинского персонала.

В периоды вспышек эпидемий холеры (в 1872, 1892, 1894, 1910), сыпного тифа (1891, 1911), скарлатины (1894) и др. острозаразных инфекций на средства города открывались временные инфекционные отделения при существующих больницах, также в 1910-е гг. на р. Иртыше был выстроен специальный барак для холерных больных, а чуть далее – барак для снятия с пароходов больных переселенцев [14, с. 82].

Рост переселенческого движения в Сибирь оказал свое негативное влияние на заболеваемость населения региона. В Тобольске во время эпидемии холеры 1894 г. прибывающих больных переселенцев было так много, что местные власти не поскупились средствами на открытие временной больницы для мигрантов, разместившейся в здании бывших старых военных казарм. По окончании эпидемии больница для переселенцев была закрыта. Во время бушевавшей в городе эпидемии скарлатины город выделил деньги на открытие временного инфекционного отделения при местной больнице, куда помещались заразные больные. С прекращением эпидемии в 1895 г. больница прекратила свою работу.

Несмотря на малочисленность врачебного персонала в Тобольске следует признать, что в сравнении с другими городами губернии уровень

медицинского обслуживания населения здесь был выше, а сама медицинская помощь более доступна.

Большую роль в распространении инфекционных заболеваний среди жителей города играли ссыльные и арестанты, проходящие через Тобольск в течение всего года по этапу или на прибывающие на постоянное место заключения.

Распространение холеры, чумы, различных форм тифа и других инфекций заставляло городскую власть уделять вопросам народного здравоохранения и контроля над санитарным порядком более серьезное внимание. В 1879, 1890, 1904, 1911 и другие годы в «Губернских ведомостях» публиковались «Обязательные постановления для местных жителей», в которых излагались требования по соблюдению правил санитарной безопасности в городе. Так, «постановления» предписывали устраивать колодцы «как можно дальше» от помойных ям и очищать их «время от времени»; не сваливать навоз и другие нечистоты вдоль улицы, в реки, овраги; содержать дворы в чистоте, убирать помой в особые ямы; вычищать ретирадные места по мере накопления в них нечистот; очищать летом мостовые от накапливающегося на них навоза; не мочить в реках и речках выше и в пределах города кожи, лен, коноплю, не полоскать крашенные изделия, не мыть белье с тех плотов, откуда берется вода для питья [15, с. 1–3].

Однако предписания по поддержанию санитарного порядка, адресованные жителям города, игнорировались. Тобольки практиковали выбрасывание на городские улицы бытовых отходов, навоза, нарушали постановления о запрете сваливания нечистот в овраги и реки, несвоевременно чистили канавы вдоль дорог, что приводило к появлению в них стоячей и гнилой воды. Обыденной практикой для населения был выгон домашнего скота для пастьбы прямо за ворота своих домов. Экскременты домашних животных в сочетании с большим количеством не высохших гниющих луж на дорогах порождали отвратительный запах, витавший в городе в летнее время. Постоянного внимания и финансовых затрат требовала деревянная мостовая. После проливных дождей под ней скапливалась вода и разного рода нечистоты, которые в жаркие летние дни «извергали тяжелые и вредные миазмы» [16]. В отдаленных от городского центра улочках царил непролазная грязь, от которой, по замечанию самих жителей, «лошади вязнут и приходится их вытаскивать» [17, л. 184–184 об.]. Повседневным явлением для Тобольска были стаи бродячих собак, растаскивающих кучи мусора в поисках пищи.

В антисанитарном состоянии находились не только дворы и улицы Тобольска, но и общественные заведения, а также жилища горожан.

Предметом заботы городской управы и местной полиции были торговые лавки, питейные заведения и публичные дома Тобольска. Торговцы мясом и рыбой должны были содержать полки, скамьи, емкости

в чистоте, а продавцы кваса обязывались обеспечивать чистоту бочонков, в которых находился напиток [15, с. 3]. В обязательных санитарных постановлениях городской думы, изданных в 1904 г., было сказано: «Лица нетрезвые, больные, с кожными болезнями, не допускаются к работе в хлебопекарных, кондитерских и пряничных мастерских... о всяком заболевании должен быть поставлен в известность городской врач» [17, л. 152]. Однако по свидетельству городского санитарного врача В.Н. Кулигина, в числе рабочих колбасного отделения Шукста и рыбных торговцев имелись лица с признаками сифилиса и других венерических заболеваний [17, л. 152 об.].

Немало нареканий со стороны горожан вызывало качество продуктов питания, предлагавшихся местными торговцами. На базаре доверчивый покупатель мог приобрести затхлую, малопросоленную рыбу, несвежее мясо, некачественную муку с живущими в ней жучками, плохоочищенную заплесневелую крупу и т.п.

Не соблюдались санитарные требования на тобольских фабриках и заводах. В черте города в 1890-х гг. функционировало 8 заводов (3 кожевенных, винокурный, 2 салотопенных, мыловаренный, свечной) и 11 скорняжных заведений по выделке оленьих шкур. Большинство из них при осмотре городским врачом и полицейскими найдено содержащимися «крайне грязно». Владелец кожевенного завода Г. Ершов в 1894 г. был оштрафован за чрезмерную на предприятии грязь на 10 рублей [9, л. 203 об.]. Во всех обследованных промышленных предприятиях отсутствовали дезинфицирующие средства, проветривание осуществлялось только посредством открытия окон и дверей.

Большие нарекания вызывало санитарное состояние общественных бань. В 1895 г. комиссия, обследовавшая банное хозяйство Тобольска, пришла к выводу, что бани занимают «несоответствующее местоположение выше города с загрязнением через то спуском из них нечистот в почву» [9, л. 149–150]. Предназначенные для поддержания личной гигиены, бани порой сами становились источником заразы. Банные помещения плохо убирались, в них не всегда имелись дезинфицирующие средства, тазы и ковши чистились плохо, лавки для мытья были наполовину сгнившими, повсюду царил плесень и сырость. В таких условиях рядовой посетитель легко мог «подцепить» кожное, грибковое, венерическое заболевания, педикулез и проч.

Рассадниками заразы были питейные и публичные заведения Тобольска. Во многих из них царили грязь и зловоние. Пища в трактирах была «несъедобной». К 1889 г. в городе действовало 8 притонов, в которых трудились 28 девиц [18, с. 115]. Потребители услуг «жриц любви» нередко в качестве расплаты за телесные удовольствия получали венерические заболевания. По данным на 1896 г., в домах терпимости Тобольска 19,4 % проституток были больны сифилисом. Среди одиночек уровень

заболеваемости в городе составлял 20 % [19, с. 41]. Мужчинам, «одержимым любострастною болезнью», предписывалось сообщать городской полиции, от кого они заразились.

Тобольск во второй половине XIX – начале XX вв. был одним из лидеров среди городов Западной Сибири по числу «сифилитиков» на душу населения. В 1900 г. из 1746 случаев заболевания сифилисом, выявленных в городах Тобольской губернии, 456 (свыше 26 %) приходилось на губернский центр [10, с. 22]. При этом в большинстве случаев больные страдали не первичной, а вторичной или даже третичной формами заболевания.

В антисанитарных условиях содержались не только общественные заведения, но и жилища многих горожан. Бедность большей части населения Тобольска сказывалась на состоянии их жилищ. В отчете городского врача за 1895 г. так описывались условия жизни городской бедноты: «Помещаются в низких, тесных, грязных и ветхих домах, со стоячей гнилой водой под полом, а равно и около их (*домов – А.Т.*)» [9, л. 148]. Такие дома были небольших размеров, часто строились без фундамента, из некачественного леса, поэтому в них гулял сквозняк, а зимой было холодно. Постоянная сырость, спертость воздуха, теснота оказывали неблагоприятное воздействие на здоровье обитателей жилищ. В них нередко можно было встретить эктопаразитов – тараканов, клопов, двухвосток и проч. Отсутствовали гигиенические условия для сна – кровати имели далеко не все горожане. Постельное белье было редкостью. Во дворах у многих горожан отсутствовали отхожие места и специально устроенные помойные ямы.

В силу недостатка материальных средств беднейшие слои населения не могли позволить себе даже оплату услуг водовоза, поэтому снабжали себя водой из Иртыша сами либо пользовались водой плохого качества из близлежащих к их домам речушек – Курдюмки, Абрамки, Тырковки и др.

Более состоятельные горожане (в основном, купцы и местные чиновники), проживающие вдоль центральных улиц города (Благовещенской, Богоявленской, Михаило-Архангельской), а также в верхней нагорной части, обеспечивали себя водой, пользуясь услугами водовозов. Городской водопровод был построен лишь в 1902 г.

Важно отметить, что жилища состоятельной части тоболяков были гораздо просторнее по площади, чем избы бедных горожан, с высокими потолками и большим количеством окон. Таким образом, санитарное состояние жилых домов зависело от финансовых возможностей их владельцев.

Ассенизация нечистот в Тобольске в рассматриваемый период осуществлялась силами арестантов исправительного отделения тюремного замка и крестьян, живущих в близлежащих деревнях и в свободное время подрабатывающих в городе. Ассенизационный обоз, занимавшийся

вывозом нечистот, появился в Тобольске лишь в 1900-е гг. До этого времени услуги по удалению нечистот предлагали золотари. Стоимость их работы в 1893 г. составляла 30 коп. с короба [20].

Местное население практиковало скопление возле своих домов больших куч навоза, строительного и иного мусора, помоев. Особенно неприглядно выглядели улицы и переулки города весной, когда с таянием снега «в некоторых из злочных мест вместе с навозом обнаруживались даже трупы подошедших собак, кошек и т.п.» [21].

Санитарное состояние города несколько улучшилось после приглашения на службу в 1908 г. санитарного врача для наблюдения за промышленными, торговыми, питейными, публичными заведениями, а также состоянием дворов горожан [22, с. 60].

Особую актуальность приобрела работа местных властей и медицинских работников во время эпидемий холеры, скарлатины, тифа, дизентерии и др. Именно эпидемии и высокая смертность населения как их результат заставили городские власти уделять вопросам здравоохранения более пристальное внимание. В целях борьбы с инфекциями тобольская дума в тесном сотрудничестве с врачебным персоналом проводила массовую санитарно-просветительскую работу среди горожан, организуя публичные лекции, публикуя на страницах местных газет, в специальных брошюрах и листовках памятки о мерах по профилактике и лечению холеры, тифа и других инфекционных заболеваний, о значении соблюдения гигиены тела и жилища в этом деле. Совместными усилиями власти и населения была организована работа по удалению нечистот в городе, очистке колодцев, выгребных ям, отхожих мест. Так, после вспышки холеры в 1892 г., унесшей жизни многих сотен тоболяков, горожане, имея свежие воспоминания о постигшей их эпидемии и смерти близких, более осознанно подходили к проблемам очистки дворов, содержанию в чистоте жилища. В 1895 г. городской врач после проведенного осмотра жилых дворов населения констатировал: «По осмотру у многих жителей дворы, помойные ямы и отхожие места по сравнению с предыдущими годами, оказались содержащимися удовлетворительно. Большая часть жителей, наученные горьким опытом холерного 1892 г., с большим сознанием относились к выполнению требований санитарно-гигиенических правил по устранению необходимых санитарных недостатков» [9, л. 256].

Тем не менее, по прошествии нескольких лет после холерной эпидемии, потрясшей даже самых бесстрашных жителей Тобольска, санитарная обстановка в городе снова ухудшилась, поскольку санитарно-гигиеническая культура тоболяков продолжала оставаться на низком уровне, а предпринимаемые местной властью и медицинскими работниками меры по ее повышению не носили систематического характера.

Таким образом, медико-санитарные условия повседневной жизни тоболяков во второй половине XIX – начале XX вв. характеризовались как неудовлетворительные. В городе существовала масса нерешенных проблем в медицинской сфере, организации санитарного контроля. Характерной чертой повседневной жизни населения Тобольска этого времени были часто повторяющиеся эпидемии, высокий процент заболеваемости венерическими, кожными, глазными болезнями, возникавшими вследствие окружающей людей антисанитарии, легкомысленного отношения к своему здоровью, отсутствия необходимых знаний по его поддержанию. Несоблюдение элементарных правил гигиены, скудность питания, плохие жилищные условия, пренебрежение санитарными требованиями, частые эпидемии – все это негативно влияло на продолжительность и условия жизни горожан. Понадобились десятилетия непрерывной работы центральной и местной власти, самой общественности по развитию медицинской инфраструктуры, санитарному просвещению, чтобы улучшить ситуацию в здравоохранении и внести позитивные изменения в повседневную жизнь тоболяков.

1. Зверев В.А. Воспроизводство населения (конец XIX – начало XX вв.) // Население Западной Сибири в XX веке. / отв. ред.: Н.Я. Гущин, В.А. Исупов. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 1997. С. 67–88.
2. Динамика численности и структура городского населения Западной Сибири в дореформенный период (1795–1860 гг.) // Проблемы исторической демографии СССР. Вып. 2. Томск, 1982. С. 61–71.
3. Скубневский В.А. Города Западной Сибири во второй пол XIX – начале XX вв. Часть I. Население. Экономика. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2003. 360 с.
4. Западносибирский город последней четверти XVIII–60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования). Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та, 2000.
5. Анучин Е. Средняя жизнь и долговечность в г. Тобольске // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год. Тобольск: Губ. прав., 1864. С. 299–320.
6. Гончаров Ю.М. Брачность, рождаемость и смертность в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVII – начала XX вв. Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та, 2003. С. 3–23.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1297. Оп. 239. Д. 58.
8. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И352. Оп. 1. Д. 771.
9. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И352. Оп. 1. Д. 518.
10. Обзор Тобольской губернии за 1900 г. Тобольск: Губ. тип., 1901. 81 с.
11. Обзор Тобольской губернии за 1914 г. Тобольск: Тип. губ. управ., 1916. 62 с.
12. Литягина А.В. Медико-санитарные условия повседневной жизни горожан Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // История и краеведение Западной Сибири: проблемы и перспективы изучения: Сб. мат-в V Регион. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. И.В. Курышева, А.А. Любимова. Ишим: Изд-во Ишим. гос. пед. ин-та, 2014. С. 203–209.
13. Отчет по Тобольской лечебнице для приходящих бедных больных за время с 1 января 1870 по 1 января 1880 г. Тобольск: Тип. Тоб. губ. прав., 1881. 17 с.
14. Труды первого губернского съезда сельских врачей Тобольской губернии (20 января – 4 февраля 1911 гг.). Тобольск: Губ. тип., 1913. 159 с.

15. Обязательные постановления Тобольской городской управы для местных жителей г. Тобольска. Тобольск: Тип. Тоб. губ. прав., 1890. 12 с.
16. ТобГВ. 1861. 23 декабря.
17. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 8. Оп. 1. Д. 338.
18. Быкова А.Г. «Древнейшая профессия» в истории сибирских городов (конец XIX – начало XX вв.) // Городская культура Сибири: история и современность: сб. науч. тр. / отв. ред. Д.А. Алисов. Омск, 1997. С. 113–125.
19. Штюмер К.Л. Проституция в городах // Труды Высочайше разрешенного съезда по обсуждению мер против сифилиса в России. В 2 т. СПб.: Тип. МВД, 1897. Т. 2. С. 39–47.
20. ТобГВ. 1893. 3 марта.
21. ТобГВ. 1893. 31 марта.
22. Памятная книжка Тобольской губернии на 1910 г. Тобольск: губ. тип., 1910. 272 с.

2.6. ТЮРЬМА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ТОБОЛЬСКА)*

Тюрьмы являются специфическим элементом инфраструктуры города. Они вместе с храмами, дворцами, парками, небоскребами формируют городскую среду. В них, как зеркале, отражается и состояние государства, и политические процессы, и уровень национальной культуры. История тюрем и их насельников – это национальная история. Автор данных строк неоднократно обращался к данной теме [4–8].

Являясь элементом репрессивной государственной машины, тюрьмы естественны и незаменимы – дискуссия по этому поводу длится столетиями. Но их естественность – и в сером обличье фасадов зданий, и скромном декоре архитектурных форм. Незаменимость и востребованность как средство устрашения и символ мощи государства – в пространственном решении. Тюрьма как социальный институт и составная часть пространства динамична, что находит отражение в ее форме и содержании, месте в планировке города.

Рассмотрим особенности местонахождения тюрем в городском пространстве на примере губернского города Тобольска, что позволит акцентировать внимание на вышеназванные проблемы, но, главное, развеять миф, широко транслируемый в настоящее время: в городе N (в нашем случае – Тобольске) была одна тюрьма, один тюремный замок, один острог...

Возникновение и развитие мест для изоляции преступников, политических противников и проч. формировалось одновременно с самим

* Работа подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2014-0023 «Динамика социокультурных процессов в Западной Сибири как полиэтническом регионе в XVIII – начале XX вв.».

государством. В российском законодательстве тюрьма как самостоятельный вид наказания впервые зафиксирована в Судебнике Ивана IV и закреплена в Уложении 1649 г. Основание Тобольска приходится как раз на этот промежуток времени. Поэтому можно смело предположить, что принимая «государевых преступников» с конца XVI в., тобольские воеводы побеспокоились о наличии мест для их содержания.

Первое указание на место нахождения тюрем в г. Тобольске находим на картах С.У. Ремезова. На плане города в «Чертежной книге» (конец XVII в.) обозначены: «в городе», рядом с боярскими палатами, «земляная тюрьма», «за городом» – «тюремный двор» [13].

Описывая городское пространство 1740-х гг., Г.Ф. Миллер отметил, что в Тобольске имелось несколько тюрем: «Прочия казенные строения находятся следующие, яко: Губернаторский двор, который стоит подле крепости, и можно часть его видеть с Иртыша, а другую из нижнего города. Посольский двор, в котором прежде живали вице-губернаторы; а как за несколько лет перед сим определено оным в Тобольске не быть, то помянутый двор проезжим через Тобольск чужестранным послам для постою отводится. Острог, а в нем тюрьма и застенки. Другая тюрьма без острогу...» [Цит. по: 1, с. 3].

К тому же не следует забывать о существовании монастырских тюрем. Слабое знание истории тобольских монастырей рубежа XVII – XVIII вв. не позволяет дополнить список мест изоляции преступников того времени.

По губернской реформе 1775 г. для организации общественно-полезных работ учреждались работные дома – исправительные учреждения, в которых содержались лица низших сословий, совершившие незначительные проступки. Указом от 16 апреля 1871 г. предписывалось завести во всех губернских городах рабочие дома для преступников, обвиненных в краже, грабеже и мошенничестве, причем особо подчеркивалось, что «в губернском городе Тобольске таковой рабочий дом, паче других мест, необходимо нужен, не только для осуждаемых к зарабатыванию исков, но и для присылаемых из всех Российских провинций на вечную работу в Сибирь» [цит по: 2, с. 67]. Открытие заведения предполагалось за казенный счет.

Именно на этот период приходится строительство первого каменного тюремного замка. Исследователи отмечают, что большинство губернских тюрем, построенных или спроектированных в последнюю треть XVIII в., размещались на самой окраине города или даже за пределами городского вала, часто на берегу реки [3; 9]. Эти постройки занимали прямоугольный или квадратный участок, который в деревянных постройках ограждался высоким и глухим тыном из брёвен – «палисадником», а в каменных – кирпичной, чаще всего неоштукатуренной, стеной. Единственные ворота вели во двор, где располагались одно или несколько тюремных строений.

Комплекс деревянных тюремных зданий называли острогом, а каменных – тюремным замком, хотя строгого разделения этих понятий на тот период не существовало.

На высоком берегу некогда судоходной речки Курдюмки, на месте деревянного острога, в 1785 г. было начато строительство первого каменного тюремного замка. Составление проекта постройки и сметы на сооружение было поручено генерал-губернатору Е.П. Кашкину. Проект соответствовал духу времени: планировалось построить новые темницы, отдельные здания для мастерских и хозяйственных нужд, устроить церковь и госпиталь. По смете, сумма затрат на строительство составила 11 600 руб. К этому времени под началом губернатора Д.И. Чичерина было выстроено одно каменное здание для содержания преступников, расходы составили 2500 руб. Частичную компенсацию затрат планировалось возместить за счет средств, полученных от арестантского труда: изготовления кирпича, изразцов, заготовки леса и проч. [2, с. 67].

На сегодняшний день на территории этого тюремного замка, неоднократно перестроенного и территориально перекроенного, находится действующая тюрьма. Сохранились два похожих друг на друга двухэтажных здания, архитектура которых отвечает другим типам городских построек XVIII в., к примеру, зданию магистрата в подгорной части города, на Базарной площади. Фасад зданий лишен признаков тюремного здания. Высокие симметричные окна, частью ложные, узкий коридор, анфиладное расположение окон. Все помещения имеют сводчатые перекрытия.

«Новый» тюремный замок обосновался на высоком берегу Иртыша. Само появление тюремного замка в центре города, на Красной площади, на месте первого острога – явление типичное для любого губернского центра. Место для строительства было выбрано не случайно. С самого основания городу предназначалась особая миссия в государстве – стать административным центром, поэтому острог был возведен рядом с воеводским и посольским дворами на месте разрушенной Троицкой церкви. А когда острог пришел в ветхость, встал вопрос о строительстве новой тюрьмы.

Считают, что толчком к строительству нового тюремного замка послужил приезд в Тобольск Цесаревича Александра (будущего Александра II) 1 июня 1937 г. Уже 30 апреля 1938 г. Главным Управлением Западной Сибири было разрешено строительство в Тобольске «каменного замка на 250 подсудимых и 500 арестантов». Доработка высочайше утвержденного проекта губернского тюремного замка была поручена архитектору Вейгелю.

По масштабам строительства это была самая крупная постройка XIX века. На возведение данного комплекса отводилось четыре года – с 1841 по 1845 гг. Объявления о публичных торгах на производство

строительных работ были даны во все губернские газеты, но широкого отклика они не получили. То ли отдаленность подрядчиков от Тобольска, то ли объект строительства не пользовался среди торгово-ремесленного люда популярностью, но, так или иначе, строительство затянулось на десятилетия. В 1849 г. при приемке комиссия нашла нужным внести изменения в фасад тюремной больницы. Эти и другие перестройки затянули открытие тюремного замка до 1855 г.

Как у всех «долгостроев», фактические затраты на строительство во много раз перекрывали смету: вместо планируемых 15 459 руб. 15,5 коп. серебром – 130 тысяч. Почти в 10 раз!

Торжественное освящение Тюремного замка состоялось 25 ноября 1855 г. Современник (можно предположить, что именно перу П.П. Ершова, автора знаменитого «Конька-горбунка» и редактору неофициальной части ведомостей, принадлежит сей очерк) оставил на страницах «Тобольских губернских ведомостей» зарисовку его внутреннего устройства: «Пройдя ворота, в стенах которых находится гауптвахта, а над аркою помещение для смотрителя, выход в первый двор и здесь перед вами предстанет изящный госпитальный корпус итальянской архитектуры. Он выстроен в три этажа и заключает в себя десять палат, из которых нижние предназначены для кухни и других служб, а средний и верхний этаж собственно для больницы, аптеки, помещение фельдшеров и больничной прислуги. По обеим сторонам госпитального здания, в продолжение северной и южной стен, идут одноэтажные корпуса, состоящие каждый из четырех огромных помещений, предназначенных для пересыльных. К этим корпусам примыкают камеры, в количестве шестнадцать, для следственных арестантов и различных служб. Во внутреннем дворе расположено двухэтажное готическое здание, в котором двадцать палат, двадцать восемь камер, в которых размещаются осужденные. Мрачный вид этого здания оживляется видом креста, вечного символа примирения. Здесь располагается небольшая, но очень красивая церковь с хорами, поддерживаемая рядом колонн ионического характера...» [14].

Таким образом, центр города преобразился: здания в романском и готическом стилях вплелись в хоровод архитектурных жемчужин Тобольского кремля, придав некоторый диссонанс своими суровыми очертаниями.

Город торжественно отмечал это событие: в губернаторском доме состоялся званый обед. Звучали здравицы в честь Императора, генерал-губернатора, архиепископа, архитектора, строителей... Губернское начальство видело в открытии нового тюремного замка знак особой значимости города и губернии в жизни Российского государства и рассчитывало на позитивные перемены в прохождении своей службы. Трудно сказать, способствовал ли этот факт тобольскому чиновничеству в

продвижении по служебной лестнице, но то, что сам город и жизнь в нем резко изменилась, – это несомненно.

Расширение тюремного замка, открытие новых учреждений тюремного ведомства продолжалось и в последующие годы. 30 января 1866 г. было открыто сиропитательное заведение для детей ссыльных и заключенных, которые следовали со своими родителями по этапам и разделяли с ними все тяготы тюремной жизни [15].

Рис. 1. «Старый» (под № 15) и «новый» (№ 13, на Соборной площади) тюремные замки на карте г. Тобольска 1860 г.

В 1871 г. на Красной площади, на территории тюремного замка, было открыто военно-каторжное отделение на 600 арестантов. Для этого потребовался ремонт старых корпусов и постройка новых. К моменту открытия помещения отделения составляли: «а) одноэтажный каменный корпус; б) часть двухэтажного корпуса для подсудимых гражданской тюрьмы; в) одноэтажный каменный флигель для одиночного заключения арестантов; г) одноэтажный каменный флигель для столярной, токарных и других мастерских; д) деревянный флигель с комнатами для приема заказов, для дежурного офицера и помещения для кадровых; е) деревянное одноэтажное строение для кухни, кладовой для хлеба и помещение фельдфебеля; ж) пекарня и 5 карцеров, два карцера темные и три светлых; з) баня, которой пользуются арестанты Тобольского отделения и гражданской тюрем.

Вне ограды построены кузница со слесарной и помещение для одного караульного унтер-офицера. Все перечисленные здания, кроме последнего, окруженные частоколом высотой в 8 ½ аршинов» [17].

К концу 1870-х гг. в Тобольске уже было три каторжные тюрьмы: две на территории нового тюремного замка, третья – между городским валом и деревней Завальной.

Рис. 2. Тобольская каторжная тюрьма № 2. Фото начала 1900-х гг.

Наличие значительного числа мест заключения наносило особый отпечаток на жизнь города. Во-первых, увеличение их количества привело к росту числа заключенных, содержание которых легло нелегким бременем на государственную и губернскую казну. Если на 1 января 1871 г. в военно-каторжном отделении находилось 276 арестантов, через год – 325 человек, то через 20 лет число заключенных всех типов мест заключения выросло в несколько раз. Так, в апреле 1895 г. в губернской тюрьме (тюремном замке) содержалось 487 арестантов, в каторжной тюрьме № 1 – 357, № 2 – 350, исправительно-арестантском отделении – 297, ссыльно-призреваемых в богадельне – 29, сиропитательном заведении – 30 человек [16].

Практически ежедневно можно было наблюдать следующую картину: два раза в день «в холод или грязь процессия в 60-70 арестантов в халатах, кандалах, с бритыми головами, идет, гремя цепями» через весь город в тюремный замок на утреннее и вечернее богослужение.

Заключенные каторжный тюрем и отделений должны были привлекаться, согласно циркулярам тюремного ведомства, к тяжелым крепостным и хозяйственным работам. Впоследствии – строительство железных дорог, трактов, каналов и дамб стало местом применения каторжного труда. Особенностью тобольских каторжных тюрем было

именно отсутствие таких объектов. Поэтому труд заключенных использовался в разнообразных мастерских, в сельском хозяйстве, на рыбных промыслах. Производимые изделия шли на нужды заключенных, частично – на продажу местному населению. Знаменитый тоболяк Дмитрий Иванович Менделеев в 1899 г. во время визита в Тобольск посетил тюремный замок. Свои впечатления он вынес на страницы книги «Уральская промышленность в 1899 году»: «Из камер перешли в мастерские, я не видел им конца. Тут в горне накаливают железную полосу и нам приходится пробираться мимо дюжего молотобойца, там сверлят, точат, опиливают аршинными подпилками прокованные части. Далее идет в столярную, сапожную и ряд других мастерских; везде кучи работающих каторжников. Конечно, присмотр есть, но его явно немного... В других местах поостереглись бы снабдить арестантов всякими видами всевозможных инструментов, начиная с напильников и ножей до тяжелых молотов». Дмитрий Иванович был поражен устройством суконной мастерской, руководимой бывшим ткачом из Лодзи, попробовал черный хлеб, «которому позавидовали бы многие в Петербурге, в московских деревнях и даже южно-русских захолустьях, потому что так испечь не легко» [11, с. 578].

В годы революционных потрясений тюрьмы, с одной стороны, стали очагом социальной опасности, с другой, – катализатором политизации общества и ее проявлений. Известно, что в XIX в. в тобольских каторжных тюрьмах, и не только, число заключенных по политическим мотивам было невелико, основу составляли заключенные по уголовным статьям. Поэтому октябрьский манифест 1905 г. об амнистии политзаключенных распространялся лишь на 8 арестантов тобольских каторжных тюрем: четверо подлежали освобождению, а остальным сокращался срок каторжных работ наполовину. Это послужило началом к бунту. 22 октября арестанты отказались покинуть тюрьму без своих товарищей. Из камер доносились революционные песни. Заключенные начали самостоятельно освобождаться от кандалов. Чтобы усмирить взбунтовавшихся, в тюрьму прибыл губернатор. Требования узников по улучшению питания и быта были частично удовлетворены. Но затишье было недолгим. 14 декабря в тюрьме начались опять волнения – так политзаключенные отметили 80-летие восстания декабристов. В тюрьму из города передавали революционную литературу, газеты, письма. В руках заключенных оказались десятки единиц холодного и огнестрельного оружия. 14 января 1906 г. в каторжной тюрьме № 1 вспыхнул пожар. Город находился как на пороховой бочке. Раскованные каторжники представляли реальную угрозу для мирного населения. Вице-губернатор А.Д. Тройницкий вызвал из Тюмени две роты солдат. В камерах были произведены обыски. Изымались в первую очередь оружие, книги, письма. Начались порки. К концу января в тюрьмах наведен был относительный «порядок».

Новым потрясением для городских властей и обывателей стали террористические акты в отношении тюремных чиновников: 23 августа 1906 г. произошло покушение на смотрителя каторжной тюрьмы № 1 М.В. Иконникова; 26 июля 1907 г. был убит смотритель каторжной тюрьмы А.Г. Богоявленский; 14 января 1908 г. – старший надзиратель каторжной тюрьмы П.М. Григорьев...

В апреле 1908 г. над бунтарями состоялся военный суд. . Репрессии были избраны единственной мерой поддержания порядка в тюремном замке. 13 подсудимых было приговорено к смертной казни через повешение. Казнь состоялась в «страстную неделю». Рядом в Софийско-Успенском соборе шла торжественная служба. Звон колоколов заглушал удары топоров – рубили виселицы.

Казнь политических заключенных потрясла не только жителей города. В российских и зарубежных газетах это событие вызвало общественный резонанс. Жалобы заключенных шли в разные инстанции. Депутат Государственной Думы Н.Л. Скалозубов составил подробный отчет председателю Совета министров П.А. Столыпину о положении и порядках в Тобольской каторжной тюрьме: «Тяжелым кошмаром над жителями города Тобольска тяготеет каторжная тюрьма, находящаяся в центре города... Разумное регулирование тюремного каторжного режима – мера крайне настоятельная не только в интересах справедливости и милосердия к несчастным каторжанам, но и в интересах городского населения, имеющего право требовать, чтобы его человеческие чувства не возмущались зверским поведением администрации каторги...» [7, с. 95].

Несмотря на все принятые меры, ситуация в тюрьме не изменилась. 20 апреля 1909 г. административно-ссыльным Н. Шишмаревым был убит смотритель каторжной тюрьмы И.С. Могилев.

Горький опыт губернской власти в годы первой революции пригодился в феврале 1917 г. 25 февраля тобольский губернатор Н.А. Ордовский-Танаевский собрал общее собрание губернского правления, где информировал собравшихся о революционных событиях в Петрограде. На следующий день в 7 часов утра в тюрьмах были собраны представители камер. «К политическим зашел сам, – писал впоследствии Николай Александрович, – т.е. всякое соприкосновение с другими не допускалось, только в храмах во время богослужений. Кратко сообщил положение дел и обещал сообщать через начальников тюрем все новости. Высказал уверенность, что заключенные не осложняют дела. Они дали свое *каторжное* и *арестантское* слово» [12, с. 571].

Старая эпоха уступала место новой. Идеализация будущего рисовала радужные картины тюремного быта. Это особенно прослеживается в документах первых лет советской власти. Циркуляр губернского тюремного инспектора от 13 марта 1917 г. предписывал: «Предлагаю разъяснить надзирателям, что грубость по отношению к заключенным

впредь не может быть терпима... Отношение к заключенным должно быть проникнуто гуманностью и сердечностью, рядом со спокойным требованием исполнения тюремных правил...» [7, с. 96]. Амнистия, репрессии, бунт, репрессии – старая эпоха передавала пенитенциарное наследство новой...

В 1920-1930-е гг. на территории «нового» тюремного замка функционировал Тобольский изолятор специального назначения – печально известный в современной историографии политизолятор. В 1937 г. оба замка стали вместительным безвинно репрессированных граждан: на их территории функционировали тюрьма НКВД общих мест заключения и тюрьма Главного управления государственной безопасности № 5, знаменитая «пятерка» [8, с. 28-31].

Во второй половине XX в. местом новой дислокации около десятка пенитенциарных учреждений стала южная окраина города, когда-то любимое место отдыха и проведения массовых мероприятий, – Панин бугор. В центре города находилась известная, в определенных кругах, спецтюрьма – «тобольская крытая».

Повествование было бы не полным, если бы мы не обратили на еще одну сторону этого феномена. Власти и горожане испытывали дискомфорт, а в отдельные периоды – страдали от пребывания на территории губернского города пенитенциарных заведений. Но, с другой стороны, активно участвовали в общественных организациях по улучшению быта заключенных.

Интерес к «запретному плоду» – тюремной жизни – наблюдаем на протяжении столетия, который выразился в идее создания музея тюрьмы. В 70-е гг. XIX в. витала идея создать музей истории ссылки, где основными экспонатами должны были стать личные вещи декабристов, отбывавших ссылку в Тобольске и губернии... Радетелем такого музея был ссыльный, общественный деятель Л.Е. Луговский. Спустя три десятилетия, в 1908 г. тюремный замок посетил композитор и этнограф В.К. Гартевельд. Он был удивлен тем, что по инициативе администрации формировалась коллекция будущего музея тюрьмы.

Смена власти не повлияла на проекты музеефикации пенитенциарных объектов. 13 октября 1934 г. на заседании комиссии по истории тюрьмы, каторги и ссылки Всесоюзного общества политкаторжан рассматривался вопрос о необходимости изучения тобольской каторги и тюрьмы, вошедшей значимой страницей в историю каторги и ссылки дореволюционной России [7, с. 94-96].

Открытие музея в тюремном замке в Кремле в конце XX в. не поставило точку над «і»: частично удовлетворив запросы общества, экспозиции стали источником мифотворчества, где миф первый – «в Тобольске есть тюремный замок». Один. И точка. Но важно и другое –

хотим мы того или нет, но тюремная субкультура является частью городской культуры, требует научного осмысления.

1. Бакай Н. Тобольск во второй четверти XVIII века. Тобольск // ТобГВ. 1894. № 3.
2. Бортникова О.Н. Екатерина Великая и тобольский тюремный острог // Словцовские чтения – 98 : Материалы к научно-практической конференции. Тюмень, 1998. С. 67–68.
3. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. В 4-х тт. Т. I (1762 – 1825). М., 1951. 327 с.
4. Загороднюк Н.И. Тобольская тюрьма в системе ГУЛага в (1920-е гг.) // Научно-практ. конф. «Словцовские чтения» (тез. докл.). Сб. 2. Тюмень, 1993. С. 45–48.
5. Загороднюк Н.И. К истории Тобольского тюремного замка // Тобольский архив: прошлое и настоящее Тюменского края: Мат-лы науч. конф. Тобольск, 1994. С. 50–52.
6. Прибыльский Ю.П., Загороднюк Н.И. Политические заключенные и ссыльные в Тобольске (1920-е – 1930-е гг.) // Политические партии, организации и движения в условиях кризиса, конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия: сборник материалов междунар. научно-практ. конф. Ч. 2. Омск, 2000. С. 85–92.
7. Загороднюк Н.И. Тюремный замок // Родина (Москва). 2004. Спец. вып. С. 92–96.
8. Загороднюк Н.И. Репрессированное слово : Очерки истории репрессивной политики Советского государства в отношении интеллигенции в Тюменском крае. Тобольск : ТГСПА, 2013. 147 с.
9. Ковалев К.С. Зарождение русской тюрьмы и ее развитие в XVIII веке // Вестник Екатеринбургского института. 2013. № 4 (24). С. 106–109.
10. Копытов Ю.Г. Тюрьма как социальный институт // Пробелы в Российском законодательстве. 2009. № 1. С. 63–64.
11. Менделеев Д.И. Уральская железная промышленность в 1899 году // Менделеев Д.И. Соч. Т. 12. Л. М.: изд-во Академии наук СССР, 1949. 1104 с.
12. Ордовский-Танаевский Н.А. Воспоминания (Жизнеописание мое). Каракас; М.-СПб., 1993. 594 с.
13. Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири [электр. ресурс]. URL: http://vk.com/doc39331986_123074282?hash=be3945166a92b22df7&dl=949a06e79a31b4fe71 (дата обращения: 12. 11. 2014 г.).
14. ТобГВ. 1857. 22 июня.
15. ТобГВ. 1866. 1 февр.
16. ТобГВ. 1895. 29 апреля.
17. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И-684. Оп. 1. Д. 1-2.

РАЗДЕЛ III НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ТОБОЛЬСКА XX В.

3.1. ТОБОЛЬСКИЕ ДЕПУТАТЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ I–IV СОЗЫВОВ (ПО ДОКУМЕНТАМ ГБУТО «ГА В Г. ТОБОЛЬСКЕ»)

В 1906 г. состоялись выборы в I Государственную думу Российской империи. Всего в империи было 4 созыва Думы, в I и II Думе Tobольской губернии отводилось 4 депутатских места, в III и IV – три.

Избранными в члены I Государственной думы оказались А.Д. Нестеров, С.И. Колокольников, А.И. Ушаков и Т.В. Алексеев.

В листе выборщика Tobольской губернии *Андрея Дмитриевича Нестерова*, выявленном в фонде Tobольской губернской и уездных по выборам в Государственную думу комиссий, указано, что на момент избрания депутатом ему было 30 лет, по происхождению крестьянин, степень образования – грамотный (не окончил курса сельского училища), постоянно проживал в дер. Антипиной Богандинской волости Тюменского уезда, избран Тюменским съездом уполномоченных от волостей [20, л. 44]. В переписном листе Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. значится, что он является старшим сыном в семье земледельца и хозяина мелочной лавки Дмитрия Евдокимовича Нестерова, на момент переписи будущему депутату 27 лет [17, л. 46 об.]. В документах по выборам в Госдуму упоминается, что Андрей Нестеров хоть и имеет надельную землю в своей деревне и обрабатывает ее, но в последнее время проживает в Тюмени и ведет торговлю рогожами и другими кустарными производствами, ни в чем предосудительном замечен не был, принадлежит к партии умеренных [20, лл. 48–48 об.].

Кандидатура купца *Степана Ивановича Колокольникова* была выдвинута от избирателей г. Тюмени. В списке лиц, избранных 15 и 16 мая 1906 г. в члены Государственной думы от Tobольской губернии, значится, что личному почетному гражданину Степану Колокольникову 38 лет, он

окончил Московскую академию практических наук и занимается торговлей [21, л. 26].

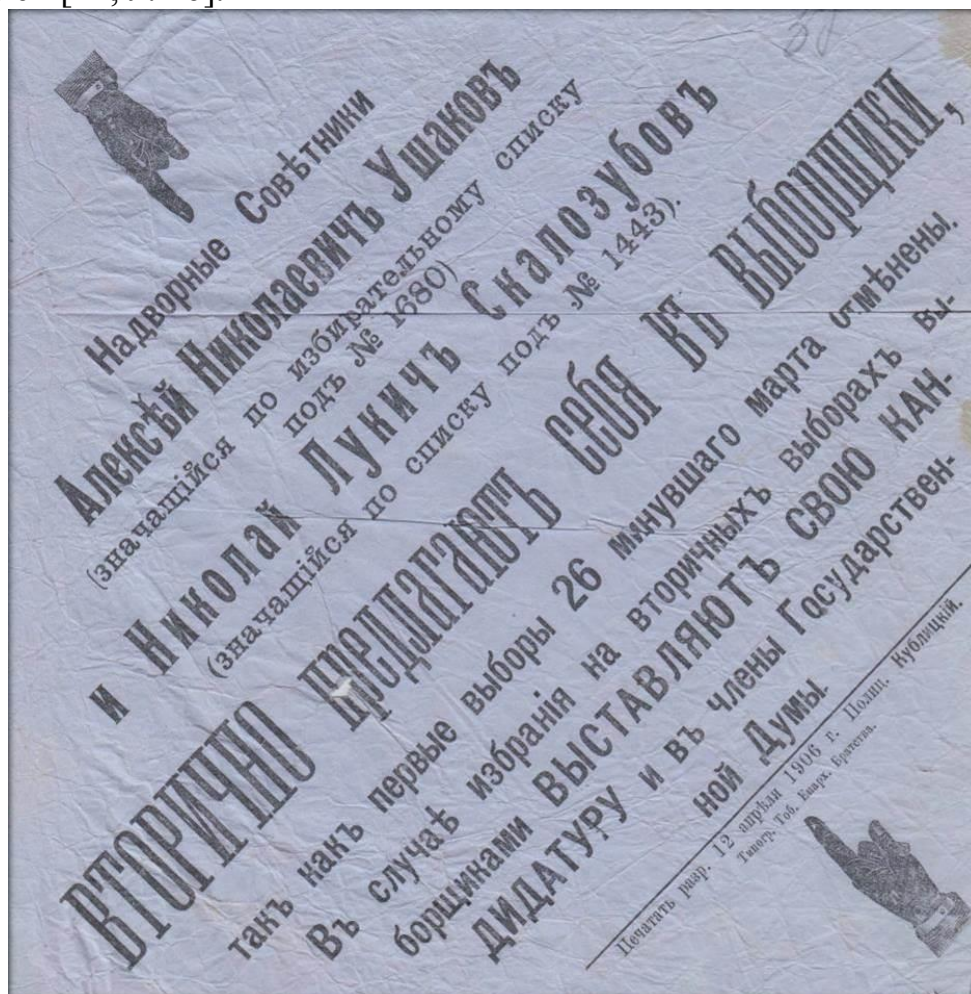

Рис. 12. Объявление о вторичном выдвижении кандидатур
А.Н. Ушакова и Н.Л. Скалозубова в члены Госдумы. 1906 г.
[Ф. И150. Оп. 1. Д. 2. Л. 37]

В фонде Тобольского губернского правления сохранился наградной список Степана Колокольникова и его жены Марии Николаевны за благотворительную и общепользную деятельность по Тобольской губернии за 1915 г. Этот документ отражает заслуги Колокольникова до избрания его депутатом и после роспуска Думы: «обширное здание женской гимназии своей постройкой в значительной степени обязано гг. Колокольниковым, израсходовавшим на это до 50 000 руб. и положившим не мало своих личных трудов; с 1905 г. Колокольниковым содержится на свои средства начальное училище с 180 учащимися, которые обучаются бесплатно, а бедные получают даже одежду; Колокольниковым же открыто в Тюмени коммерческое 8-классное училище, в значительной доле расходы по содержанию которого, а также его оборудование на свой счет» [9, лл. 19 об.–20]. Проект народной школы

в г. Тюмени, построенной на средства Колокольниковова, хранится в фонде Тобольского строительного отделения [13, л. 8].

Выборщиком, имя которого пожелали увидеть в списке депутатов наибольшее количество голосовавших, стал *Алексей Николаевич Ушаков*. О нем в списке лиц, избранных в Государственную думу, имеется следующая информация: 42 года, бывший старший чиновник по составлению отводных записей в Тобольской губернии, уволенный от должности по случаю причисления к Департаменту государственных земельных имуществ, окончил математический факультет Санкт-Петербургского университета, постоянно проживает в Сургуте [21, л. 26].

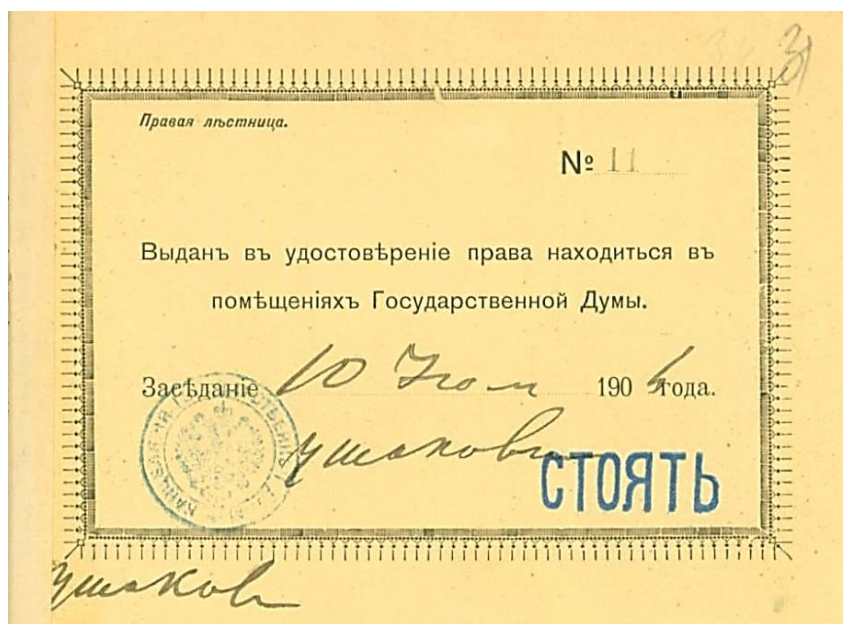

Рис. 2. Пропускной билет А.Н. Ушакова в помещения Государственной думы. 1906 г.
[Ф. И150. Оп. 1. Д. 2. Л. 31]

В декабре 1905 г. Ушаков стал одним из инициаторов вольного съезда крестьян Тобольского уезда, за что был арестован и выслан в г. Сургут. Тюремное заключение окружило его большим ореолом популярности, об этом он писал своей жене Клавдии Михайловне: «По Тобольскому уезду нас крестьяне встречали очень симпатично, как людей, которые терпят такую участь за то, что хотели крестьянам пользы», «моя тужурка, и так сказать, личная известность производили впечатление самое лучшее» [5, л. 21]. Из-за ареста и ссылки Ушакова хотели исключить из списков выборщиков. Но, в конце концов, все препятствия были преодолены, и тобольский депутат был возвращен из ссылки и отправлен в Петербург.

Дума I созыва провела всего 1 сессию за 72 дня своего существования. О том, какой опыт вынесли сибирские депутаты за столько короткое время работы, рассуждал Ушаков в своей заметке «Что предпримут сибирские депутаты». Он писал, что Дума работала над созданием нового строя, но ее решения не были поддержаны избирателями, не собирались митинги для

придания им общенародного характера. Поэтому он предлагал будущим депутатам «работать над развитием сознания граждан» [4, л. 33 об.].

А.Н. Ушаков и С.И. Колокольников были в числе депутатов, подписавших выборгское воззвание, за что их осудили на 3 месяца тюрьмы и лишили избирательных прав. О дальнейшей судьбе Ушакова известно, что в 1916 г. он проживал в г. Вятке [12, л. 203]. С.И. Колокольников после октябрьского переворота эмигрировал в г. Париж. Крестьянин А.Д. Нестеров вернулся к привычному для него укладу жизни.

*Рис. 3. Группа депутатов II Государственной думы от Сибири и Степного края.
Стоят: Ф.И. Байдаков (1-й слева), Н.Л. Скалозубов (в центре),
В.В. Колокольников (1-й справа). Сидит: Т.В. Алексеев (1-й справа)*

В Государственной думе II созыва представителями от Тобольской губернии стали Т.В. Алексеев, Ф.И. Байдаков, В.В. Колокольников и Н.Л. Скалозубов.

Трофим Васильевич Алексеев на выборах во II Думу был единственным, у кого уже имелся опыт депутатства, и весьма гордился этим. Была попытка опротестовать его выборы в первой стадии, но благодаря настойчивости крестьян он снова был выбран депутатом. В списке лиц, избранных Тобольским губернским собранием 12 февраля 1907 г., написано, что ему 36 лет, крестьянин, грамотный, занимается земледелием [23, л. 35 об.]. Уроженец д. Называевской Тюкалинского уезда, получил домашнее образование, во время военной службы обучался в содержательном классе Сибирского флотского экипажа и получил звание

подшкипера. После увольнения из армии служил сельским писарем, был доверенным по торговле молочными продуктами, какое-то время занимался маслоделием. До избрания в I Думу он состоял волостным старшиной в родной деревне и попечителем воскресной школы.

Особый интерес представляет переписка депутатов с избирателями. В фондах архива сохранилось письмо некого Мещерякова из с. Викуловского Тарского уезда, адресованное депутату Алексееву. В нем отражено отношение местного населения к новому органу власти. Автор писал, что население в силу своей неграмотности отнеслось к I Думе несознательно, а сейчас стремится к знаниям, «каждый вечер грамотный и неграмотный валит в народную библиотеку и с жадностью набрасывается на газеты» для того, чтоб быть в курсе событий, «народ чуть ли не молится за Думу, окружил ее ореолом святости, и тем, кто попытается разогнать новую Думу, не поздоровится» [3, л. 9].

Еще один депутат из крестьян – *Филипп Иванович Байдаков* – был родом из д. Щучьей Созоновской волости Тюменского уезда. В документах переписи населения 1897 г. указано, что ему 31 год, образование он получил в местном приходском училище, является земледельцем, хозяином мелочной лавки и ветряной мельницы [18, л. 35 об.]. Известно, что он ходатайствовал об открытии в деревне Щучьей народной школы в 1905 г.

Во время работы в Думе Байдаков не прерывал связи со своими земляками, об этом свидетельствует прошение крестьян деревни Филиновой Созоновской волости Тюменского уезда, в котором они просят депутата «войти с ходатайством пред начальством Государственной думы» об уравнивании их землею с крестьянами соседней деревни, а также о выделении им лесной дачи [3, л. 20].

После возвращения из Петербурга он продолжил заниматься вопросами благоустройства жизни крестьян. В 1911 г. Байдаков обратился к своим односельчанам с предложением построить на участке общественной земли, находящейся в его владении, мукомольную мельницу с нефтяным двигателем. Сельский сход, найдя устройство такого сооружения «весьма полезным и давно желательным», поддержал его в этом решении. Тобольское губернское строительное отделение утвердило проект мельницы [14, л. 12], и 1 сентября 1911 г. она была пущена в ход.

Чиновнику *Владимиру Васильевичу Колокольникову* на момент избрания депутатом было 36 лет. Он родился в г. Верном, учился в Петербургском лесном институте, работал в должности лесного ревизора в г. Таре. В фонде Тобольского губернского управления имеются 2 дела о состоявшем под негласным надзором полиции В. Колокольникова. В первый раз под надзором полиции он состоял в 1890 г.: будучи студентом, за участие в беспорядках был исключен из института, затем восстановлен. В 1906 г. Колокольников стал инициатором открытия филиала Общества

вспомоществования учащим и учившим в г. Таре и состоял в нем председателем. На одном из заседаний общества разъяснялось значение Манифеста 17 октября 1905 г., за что будущий депутат попал второй раз под негласное наблюдение полиции [6, л. 26].

*Рис. 4. Депутаты II Государственной думы от Тобольской губернии.
Слева направо: Т.В. Алексеев, В.В. Колокольников, Н.Л. Скалозубов, Ф.И. Байдаков*

В личном фонде В.В. Колокольникова хранятся документы, связанные с деятельностью Государственной думы II созыва – списки депутатов, запросы о рассмотрении законопроектов, журналы заседаний и доклады комиссий, постановления о привлечении отдельных членов Думы к уголовной ответственности и т.д. Сохранился устав думской группы сибирских прогрессивных депутатов, организованной по инициативе Колокольникова для разработки сибирских вопросов, подготовки и рассмотрения законопроектов, касающихся Сибири и степных областей, и для установления связи с населением [2, л. 74]. Ключевыми проблемами, волновавшими членов группы, были вопросы о водворении в Сибирь переселенцев, о введении земского самоуправления, суда присяжных, о развитии жизни на северных и восточных окраинах Сибири. Но, к сожалению, эти и другие вопросы так и остались открытыми из-за роспуска Думы.

Бывший губернский агроном *Николай Лукич Скалозубов* получил большинство голосов на выборах и во II, и в III Думу. Он родился в г. Костроме в 1861 г., окончил Петровскую земледельческую академию. Скалозубов являлся инициатором и деятелем в различных сельскохозяйственных мероприятиях, публицистом по экономическим вопросам, в 1900 г. открыл сельскохозяйственную школу в д. Соколовке, в

1906 г. был арестован и отправлен в ссылку в г. Березов за организацию вольного крестьянского съезда.

После выборов в III Думу тобольский губернатор выслал в Министерство внутренних дел сведения о партийности, взглядах и степени авторитетности каждого депутата. О Скалозубове он доложил следующее: «Во время выборов он никакого усилия в агитации в свою пользу или в пользу других не проявлял: все выборщики, по приезду в гор. Тобольск, сами направлялись к нему, т.к. мнение о нем, как об усердном работнике по важнейшим вопросам Сибири, сильно укоренилось среди населения губернии; несмотря на тяготение его в сторону оппозиции, он не изменяет принципам порядочности» [22, л. 47 об.].

Депутатами в Государственную думу III созыва были избраны Н.Л. Скалозубов, К.И. Молодцов и В.И. Дзюбинский.

В личном фонде Скалозубова хранится большое количество наказов и писем от избирателей. Разнообразны документы, отражающие деятельность Сибирской группы депутатов, среди которых – общий устав рыболовства, материалы по подготовке и черновые записи законопроекта об учреждении порто-франко в устьях Оби и Енисея, заявление о введении в сибирских губерниях земского самоуправления и др.

Особое место в архивном наследии Скалозубова занимают документы, связанные с его деятельностью по облегчению участи политических ссыльных. В 1909 г. он выступил в защиту приговоренного к повешению М.В. Фрунзе, обвиняемого в покушении на убийство шуйского урядника. Смертная казнь была заменена 10 годами каторжных работ. Сохранилось письмо от рабочих г. Шуи, в котором они выражают Скалозубову благодарность за помощь в деле Фрунзе [1, л. 557]. Принимал участие тобольский депутат и в судьбе будущего математика, создателя четырехзначных математических таблиц В.М. Брадиса, высланного в 1909 г. в северные районы Тобольской губернии за участие в тайных собраниях. Брадис неоднократно писал прошения о возможности ему в Тобольске завершить среднее образование, но разрешение было получено только через год благодаря стараниям депутата Скалозубова [7, л. 47].

О *Констанине Ивановиче Молодцове* в списке лиц, избранных Тобольским губернским избирательным собранием 25 октября 1907 г., указано: 34 года, крестьянин, окончил сельское училище, занимается земледелием [22, л. 40]. Родился он в с. Уктузском Ишимского уезда [16, л. 135 об.], работал 8 лет в должности сельского писаря, затем был волостным писарем и состоял распорядителем сельского банка. Незадолго до избрания депутатом Молодцов был назначен заведующим 19-м военноконским участком Ишимского уезда [10, л. 44 об.]. О нем губернатор отозвался так: «Как более развитой крестьянин он пользуется некоторым значением среди крестьян своей волости и соседних, но какого-либо вредного влияния на них с его стороны не замечалось; на его взглядах, как

и на большинство сознательных крестьян Тобольской губернии, неблагоприятно отразилось сокращение работ по землеустройству старожильческого населения и беспорядочное массовое переселение крестьян из Европейской России» [22, л. 45 об.–46]. Как и другие депутаты, во время работы в Думе он поддерживал связи со своими избирателями. В личном фонде Н.Л. Скалозубова выявлено письмо Молодцову от крестьян Ишимского уезда, которые пишут о вооруженной преступной банде татар и киргизов, занимающихся кражей быков и лошадей, и просят депутата помочь в поимке разбойников [1, л. 136].

Владимиру Ивановичу Дзюбинскому на момент избрания депутатом Государственной думы III созыва было 47 лет. Он являлся уроженцем г. Каменец-Подольска, учился в духовной семинарии и на медицинском факультете Киевского университета. В 1882 г. за хранение запрещенной литературы был арестован и выслан на три года в г. Семипалатинск, после окончания срока ссылки остался в Сибири, служил помощником акцизного надзирателя. В сведениях о депутатах, высланных губернатором в Министерство внутренних дел, о Дзюбинском имеется следующая информация: «Строго беспартийный прогрессист и таким намерен остаться в Государственной думе, ставя себе задачей стремление к удовлетворению первостепенных нужд сибирского населения, главным образом введения земских учреждений; его общественная деятельность отразилась в том, что он состоял членом Западно-Сибирского отдела географического общества, членом Омского попечительства о начальном образовании и почетным членом Петропавловской городской общественной библиотеки; имущественного обеспечения у него нет и в настоящее время живет газетным трудом» [22, л. 48–48 об.]. В бытность депутатом Госдумы Дзюбинский приобрел в г. Таре недвижимое имение, оцененное в 110 руб. 15 коп. [19, л. 4] и построил в г. Ишиме небольшой дом на арендованной у города земле [24, л. 50 об.].

В Думе он состоял в партии трудовиков, принимал активное участие в обсуждении самых разных вопросов, входил в состав многих комиссий. В 1912 г. Дзюбинский был избран депутатом в Государственную думу IV созыва, стал председателем трудовой группы. В 1917 г. он сотрудничал с Временным правительством.

Представителями от Тобольской губернии в IV Государственной думе, кроме В.И. Дзюбинского, стали М.С. Рысев и А.С. Суханов.

Из телеграммы туринаского исправника следует, что *Рысев Михаил Степанович* родился в 1881 г., состоял в должности городского старосты, служил волостным старшиной, принимал участие в устройстве артельного маслодельного завода, в организации общества потребителей, «пользуется уважением крестьян, настойчивый, энергичный, имущественно обеспечен, занимается торговлей» [11, л. 68].

Еще до избрания Рысева депутатом им был построен дом для общественных собраний [15, л. 2], в котором имелись прихожая «со стеклянной дверью в виде венецианского окна», просторная гостиная, гардеробная, зрительный зал вместимостью до 150 человек со сценой и уборной для артистов, бильярдная, терраса для музыкантов и буфетная комната». Рысев являлся владельцем небольшого кожевенного завода в г. Туринске, вырабатывающего до 500 кож в год. В сентябре 1916 г. в докладной записке на имя Тобольского губернатора указывал на серьезные проблемы в кожевенном производстве – приемочной комиссией незаконно устанавливались произвольные цены на кожу, что существенно подрывало Туринскую кожевенную промышленность и грозило закрытием заводов [25, л. 27].

Алексей Степанович Суханов был выходцем из мещан г. Сургута, родился в 1865 г., обучался в тобольской гимназии, был вольнослушателем Томского университета. Суханов известен как создатель первой публичной библиотеки и первого книжного магазина в г. Тобольске. В течение нескольких лет Суханов был редактором и издателем газеты «Сибирский листок», чем приобрел немалую популярность.

После избрания его в Думу тобольский полицмейстер рапортовал губернатору о Суханове: «Постоянно проживает в г. Тобольске, занимается книжной торговлей более 25 лет, в настоящее время состоит гласным городской Думы, в 1905 г. являлся устроителем митингов и противоправительственных манифестаций, некоторое время находился в ссылке в Сургутском уезде» [24, л. 48].

В 1916 г. А.С. Суханов обратился в Тобольскую городскую думу с предложением принять от него в дар публичную библиотеку и передать в пользование Тобольского общества внешкольного образования. Дума постановила предложение Суханова принять и выразить ему «глубокую благодарность за щедрое пожертвование на пользу просвещения населения города» [8, л. 36].

После революции 1917 г. он был избран членом Учредительного собрания по Тобольской губернии. Дальнейшая его судьба неизвестна. В списке Тобольской жилищной комиссии о муниципализированных в городе домах и хозяйственных постройках, «владельцы коих бежали с белыми бандами» (1919 г.), значатся принадлежавшие ранее Алексею Суханову три деревянных дома на углу улиц Свободы и Декабристов. В графе «основания муниципализации и время ее» записано: «Исполнительный декрет местного исполкома и конфискован как беженца» [26, л. 4 об.–5].

Депутаты от Тобольской губернии достойно представляли интересы своих избирателей в Думе. Именно они вынуждали царское правительство учитывать интересы Сибири в своих законодательных инициативах. Даже те из них, кто не говорил громких речей с высоких трибун, служили на

благо своей малой Родины, старались помочь каждому, кто обращался к ним за помощью. Бескорыстное служение тобольских депутатов обществу заслуживает того, чтобы наши современники чтили их память и брали с них пример. В связи с этим особую ценность приобретают архивные документы, благодаря которым имеется возможность окунуться в эпоху становления российского парламентаризма и познакомиться с жизнью и деятельностью людей, вошедших в историю края как народные избранники в первом представительном законодательном органе России.

1. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И147. Оп. 1. Д. 55.
2. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И149. Оп. 1. Д. 8.
3. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И149. Оп. 1. Д. 9.
4. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И150. Оп. 1. Д. 2.
5. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И150. Оп. 1. Д. 7.
6. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И152. Оп. 20. Д. 508.
7. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И152. Оп. 23. Д. 110.
8. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И152. Оп. 35. Д. 1354.
9. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И152. Оп. 36. Д. 564.
10. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И152. Оп. 38. Д. 123.
11. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И152. Оп. 55. Д. 2.
12. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И156. Оп. 13. Д. 138.
13. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И353. Оп. 1. Д. 793.
14. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И353. Оп. 1. Д. 853.
15. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И353. Оп. 1. Д. 918.
16. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И417. Оп. 2. Д. 1245.
17. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И417. Оп. 2. Д. 3341.
18. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И417. Оп. 2. Д. 3453.
19. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И438. Оп. 1. Д. 120.
20. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И463. Оп. 1. Д. 190.
21. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И463. Оп. 1. Д. 4.
22. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И463. Оп. 1. Д. 7.
23. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И463. Оп. 1. Д. 8.
24. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И463. Оп. 1. Д. 16.
25. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И498. Оп. 1. Д. 32.
25. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. Р208. Оп. 1. Д. 261.

3.2. ТОБОЛЬСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПРИХОДСКОЕ СРЕТЕНСКОЕ БРАТСТВО В НАЧАЛЕ XX В.

В истории Русской Православной церкви Синодального периода много недостаточно изученных проблем, которые остаются созвучными нашему времени и побуждают к всестороннему исследованию церковной проблематики. К их числу следует отнести такую важную тему как влияние православных общественно-религиозных организации на духовно-

нравственное состояние русского общества второй пол. XIX – начала XX вв.

Под общественно-религиозными организациями подразумеваются самоуправляющиеся объединения духовенства и мирян, созданные с целью укрепления и распространения православия, имеющие свои уставы, определенную структуру, официально утвержденные государственной и (или) церковной властью [1].

Все православные общественно-религиозные организации второй половины XIX – начала XX вв. можно разделить на три группы. Первая и самая многочисленная – приходские попечительства. Их отличительная особенность – ограниченные территориальные рамки, строго очерченный круг решаемых задач. Основной их целью должна была стать помощь в материальном обеспечении духовенства и удовлетворении приходских нужд [2].

Вторая группа – братства. В отличие от попечительств они не были ограничены территориально. Члены братств могли быть из разных приходов и даже из других епархий. Они были более свободны в выборе решаемых задач. Здесь многое определялось спецификой региона, в котором братство создавалось, интересами инициаторов организации братства.

Третья группа – это возникшие наряду с попечительствами и братствами различные благотворительные, просветительские, миссионерские православные общества. Они не попадали под действие законодательных актов о братствах и попечительствах. И обычно каждое из них сосредотачивалось на решении какой-либо одной проблемы, стоящей перед церковью [1].

В Тобольской епархии самым крупным и известным являлось Братство св. вмч. Дмитрия Солунского (1890–1919 гг.). Кроме того, одним из таких объединений, включавшим представителей различных сословий, созданном для успешного решения культурно-просветительских и миссионерских задач, являлся тобольский отдел Императорского Православного Палестинского общества, образованный в 1897 г. Позитивное значение имела деятельность миссионерского братства св. Гурия (Обдорск, 1904–1919 гг.) [3, 5, 4].

В начале XX в. для решения проблем, связанных с благоустройством, ремонтом храмов создавались и, как правило, непродолжительное время существовали небольшие приходские братства: при городской градо-Тобольской Петропавловской церкви, при Тобольской Богородице-Рождественской церкви, при градо-Березовской Богородице-Рождественской церкви и др. [6].

В Тобольске одной из таких общественно-религиозных организаций, деятельность которой может служить примером плодотворной и

разносторонней работы, направленной на укрепление православной веры, являлось приходское Сретенское братство.

История Сретенской (Пятницкой) церкви берет начало в 60-х гг. XVIII в. Она была воздвигнута по инициативе митрополита Павла II (Конюсевича) в подгорной части Тобольска на Пятницкой улице (ныне улица Мира). В храме находилась почитавшаяся жителями города икона святого великомученика и целителя Пантелеймона. Возникновение братства связано с бедственным положением, в котором оказался Сретенский приход к началу XX века. В XIX в. в духовной консистории трижды поднимался вопрос о закрытии прихода по причине его бедности. Учреждение братства должно было снять с повестки дня этот вопрос: «Пока существует Братство, будет самостоятельно существовать и Сретенский приход» [8, л. 31].

Мысль об открытии братства возникла у настоятеля Сретенской церкви священника А.И. Юрьевского. Преподаватель епархиального женского училища Александр Иванович Юрьевский являлся одним из наиболее деятельных и активных представителей тобольской церковной интеллигенции. Большую часть своего свободного времени он посвящал общественному служению. Юрьевский курировал историко-краеведческую работу Братства св. вмч. Дмитрия Солунского и Тобольского церковного древлехранилища. Он был автором ряда исследований, посвященных редким памятникам церковной письменности, листов и брошюр религиозно-нравственного содержания. В частности, А.И. Юрьевский написал «Новый святорусский Патерик», где привел около 560 жизнеописаний русских подвижников XVIII–XIX вв. Книга выпускалась частями в виде небольших брошюр по 30–40 страниц, которых всего предполагалось издать около ста пятидесяти. А.И. Юрьевский входил в руководящий состав отдела Православного Палестинского общества, выполняя обязанности казначея. За активную работу в 1902 г. он был избран пожизненным членом этого общества. В 1906–1907 г. А.И. Юрьевский стал председателем совета Братства св. вмч. Дмитрия Солунского, в 1912 г. – совета Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Тобольской духовной семинарии [1, с. 88]. Также он известен тем, что занимался по поручению тобольского епархиального архиерея расследованием дела о принадлежности Г.Е. Распутина к секте хлыстов.

А.И. Юрьевский разработал проект устава [7, с. 80–86], который активно обсуждался членами причта. Затем священник вошел к его преосвященству с рапортом следующего содержания: «Представляя при сем проект устава приходского братства Сретенской церкви города Тобольска за подписью 15 лиц... прошу разрешить открытие братства» [8, л. 19 об]. Уже 22 ноября 1905 г. учредители получили из духовной консистории отзыв, где архипастырь в целом согласился с проектом

устава. Возражение вызвало лишь положение, в котором отмечалось, что «Братство имеет печать исключительно со своим наименованием и пользуется бесплатной пересылкой по почте своих корреспонденций». Преосвященный Антоний предложил исключить этот пункт, т. к. для его осуществления «необходимо особое разрешение высшей власти, испрашиваемое через г. Обер-прокурора Св. Синода» [8, л. 19 об.].

Открытие братства состоялось 1 января 1906 г. в Тобольской Сретенской церкви. После торжественного молебна, пения перед иконой святого Великомученика и целителя Пантелеймона, выбранного покровителем братства, А.И. Юрьевским было произнесено краткое слово, познакомившее присутствовавших с идеями и задачами братства. Видя цель своего существования в «проведении в жизнь прихода и окрестного православного населения строго-церковных начал личного спасения и святой любви к ближним», члены братства определяли его как «христианско-просветительское учреждение» [8, л. 33]. Задачами братства являлись проповедь трезвой христианской жизни, «просвещение населения о спасительности воздержания, посещения храма и святых мест», духовное просвещение своих ближних, «забота о благолепии Сретенского храма», благотворительная деятельность по отношению к бедным прихожанам [8, л. 23 об. – 28].

Согласно уставу братства, для того чтобы стать его членом, требовалось подать заявление на имя совета братства или председателя, после чего «лобзая крест и евангелие новый братчик произносит обет строго соблюдать все приносимые им на себя обязанности...» [8, л. 33 об.]. Братчик обязывался вести жизнь истинного христианина: не пить, не курить, не сквернословить, соблюдать установленные церковью посты, регулярно исповедоваться, причащаться и т. п. Таким образом, главным условием членства было следование определенному образу жизни, отвечавшему целям общества. В Приходском братстве при Сретенской церкви не предусматривались членские взносы. Только личным трудом и добровольными пожертвованиями можно было содействовать решению его задач [7, с. 81].

Следует отметить, что А.И. Юрьевским задачи религиозно-нравственного просвещения решались несколько иначе, чем это практиковалось другими общественно-религиозными организациями и большинством священников в то время. Не чтением публичных проповедей, продажей литературы, сбором пожертвований на различные церковные нужды можно достичь наибольших успехов в укреплении православной веры. Главное внимание следует обращать на личный пример лучших прихожан, которых предполагалось сплотить вокруг Сретенского братства. Члены братства должны показывать не на словах, а на деле пример истинной христианской жизни, в которой не было бы места злоупотреблению алкоголем, сквернословию, безнравственному

поведению и т. п. Это явилось бы или образцом для подражания для окружающих, или же, по крайней мере, вызывало бы уважение с их стороны, показывало, что жизнь по христианским заповедям вполне возможна. Частые собрания членов братства должны были поддерживать «огонь» веры, который мог бы погаснуть от столкновения с суровой окружающей действительностью, сплачивать единомышленников, оказывать моральную поддержку колеблющимся и сомневающимся.

В день открытия на квартире председателя (А.И. Юрьевского) состоялось первое общее собрание, на котором было выражено пожелание «чтобы собрания членов братства носили не казенный, официальный характер, а характер живой, непринужденной искренней беседы близких людей» [8, л. 20 об.]. Собрания были закрытыми. Всего в Сретенском братстве за 4 года (с 1 января 1906 г. по 1 января 1910 г.) состоялось 144 собрания, т. е. в среднем они проводились раз в десять дней [8, л. 23 об.]. Собрания проходили преимущественно на квартире А.И. Юрьевского, а также на квартирах других членов братства – М.Н. Густылевой, А.П. Шишкиной, М.К. Коровиной и др.

Обычно вниманию присутствующих предлагалось чтение какого-либо сочинения нравственно-назидательного или церковно-исторического содержания. Например, были прочитаны такие произведения как «История христианской церкви» Бахметьевой, «Нравственное богословие по сочинениям архиепископа Иннокентия», «Чем жива наша русская православная душа» епископа Никона, ряд житий святых, биографий выдающихся церковных деятелей, наиболее известные и интересные проповеди и поучения и мн. др. После следовал живой обмен мнениями по поводу услышанного. Помимо этого присутствующие обсуждали различные события из жизни прихода, города, губернии или всей страны в целом. В частности, проходили дискуссии на политические темы: «О нравственном облике местных социалистов и конституционалистов», «О значении открытия в Тобольске отдела Союза русского народа». Кроме того, поднимались вопросы, касающиеся повседневной жизни братчиков: как следует исполнять посты, почему нужно воздерживаться от курения, можно ли посещать театральные представления, можно ли принимать денежные пожертвования от посторонних лиц, что следует сделать полезного для посещающих Сретенскую церковь богомольцев и др. Тем членам братства, которые проживали в сельской местности и не могли регулярно посещать собрания, к праздникам рассылались поздравительные письма с приложением духовно-назидательных книг.

Всего по состоянию на начало 1910 г. в Сретенское братство входил 41 чел., 19 мужчин и 22 женщины. Из них 13 чел. принадлежали к крестьянскому сословию (7 мужчин и 6 женщин), 9 чел. – мещанскому (2 мужчин и 7 женщин), 11 чел. – духовному (10 мужчин и 1 женщина), 8 чел. – происходили из семей чиновников (все женщины). Братчики очень

придирчиво относились к приему новых членов. Иногда им приходилось отказывать даже лицам, «настойчиво и со слезами просившихся в него» [8, л. 22–22 об.].

Важнейшим направлением деятельности братства являлась забота о «благолепии» храмов. Пренебрежение к храму воспринималось как явный признак нетвердости человека в православии. В Сретенском приходском братстве, по словам А.И. Юрьевского, «одни из них [членов братства] заботились о ее [церкви] благолепии своими денежными средствами, другие своим личным трудом, своими собственными руками, иные старались привлечь внимание к своей приходской церкви состоятельных жертвователей и благотворителей». По свидетельству председателя братства, даже люди интеллигентного труда не гнушались самой тяжелой и грязной работы в храме [8, л. 25–25 об.]. Усилиями братчиков нижний этаж Сретенской церкви был заново выкрашен в голубой цвет, иконостас – в белый. Написано несколько новых икон – св. царицы Елены, преп. Серафима Саровского, Знамения Божией Матери и др. На некоторые иконы изготовлены серебряные золоченые ризы, приобретены двухярусное паникадило, облачения священнослужителей, напрестольные аналои, ковры, и т.д. В 1907 г. благодаря братству был произведен капитальный ремонт дома церковного причта. В следующем 1908 г. на прилегающей территории было осушено болото и разбит сад, в 1909 г. – построен флигель для проведения собраний братства.

Поднять авторитет храма, увеличить число его прихожан, а, следовательно, и денежных поступлений могло и приобретение святых мощей. По решению общего собрания Сретенское братство просило Волынского архипастыря Антония (Храповицкого) «даровать Братству, как видимый знак благоволения, частицу святых мощей». Вскоре Антоний передал в Тобольск частицу мощей св. равноапостольной царицы Елены и «великую христианскую святыню» – часть ризы Божьей Матери. 21 августа 1906 г. эти святыни появились в Сретенской церкви [8, л. 26–26 об.].

В последующие годы в пользу храма, благодаря усилиям членов Сретенского братства, поступил небольшой образок Серафима Саровского, написанный на части того камня, на котором этот старец совершал свой молитвенный подвиг.

Игумен Абалакского монастыря Антонин, совершивший путешествие в Иерусалим в 1906 г., по просьбе членов приходского Братства при Тобольской Сретенской (Пятницкой) церкви 15 февраля 1907 г. передал часть святынь – привезенную им частицу Животворящего древа, камни от гроба Господня и Голгофы, часть погребального саккоса святителя Феодосия, Черниговского Чудотворца в Сретенскую церковь «на благословение Братству» [8, л. 27].

Приобретенные святыни стали привлекать богомольцев не только Сретенского прихода, но и других населенных пунктов епархии. Храм посещали, прежде всего, верующие, совершавшие паломничество в Абалакский монастырь. По мнению его настоятеля, «Сретенская церковь сделалась как бы новым религиозно-паломническим пунктом» [8, л. 26 об.]. Каждому богомольцу, приходящему в Сретенскую церковь из сельской местности, бесплатно выдавалось несколько листов духовного содержания, картинки, образки, крестики.

Благотворительная деятельность братства осуществлялась в нескольких направлениях. Во-первых, братчики оказывали помощь в урегулировании семейных конфликтов. По мнению А.И. Юрьевского, несколько женщин, покинутых мужьями, даже было спасено от самоубийства благодаря вмешательству членов братства. Во-вторых, «иные из братчиков, побуждаемые христианскою любовью, уделяли свое время посещению больных, уходу за ними, пользованию их медицинскими средствами. Некоторые, наиболее самоотверженные... даже давали у себя в квартирах приют бедным больным, ухаживая за ними и снабжая их пищей и лекарствами». На елеосвящение больных по постановлению собрания братства от 2 января 1908 г. было выделено 15 руб. в год. В-третьих, для сбора добровольных пожертвований по постановлению совета от 27 июля 1907 г. была учреждена братская кружка. Собранные средства шли на помощь неимущим. Размеры субсидий колебались от 5 до 35 руб. «смотря по нужде, а также и по средствам самого Братства» [8, л. 27 об., 28 об.].

В целом, рассмотренный материал позволяет заключить, что, несмотря на ограниченные средства и возможности, деятельность приходского Сретенского братства являет собой пример успешной работы по укреплению православной веры среди населения г.Тобольска и Тобольской епархии. Это была добровольная самоуправляющаяся организация, обладающая разнообразными функциями – просветительскими, благотворительными и собственно религиозными. Хотя большинство православных церковных братств XIX – начала XX вв. оставались организациями преимущественно клерикального характера, приходское Сретенское братство в этом отношении было исключением. Светские лица составляли в нем большинство. Однако намерение руководства Сретенского братства расширить масштабы деятельности не встретило сочувствия. Растущая активность братчиков, по-видимому, вызывала опасение епархиального начальства, которое боялось любых проявлений народной религиозности, не вписывающихся в официальные каноны.

1. Цысь О.П. Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2008. 277 с.
2. Положение о приходских попечительствах при православных церквях // Справочная книга по Тобольской епархии на 1908 год. Тобольск, 1908. С. 27–32.
3. Устав Тобольского епархиального братства св. Великомученика Дмитрия Солунского // Тобольские епархиальные ведомости (ТЕВ). 1897. № 6. Отдел офиц. С. 82–93.
4. Устав Обдорского миссионерского братства во имя Святителя Гурия, Архиепископа Казанского и Свияжского Чудотворца // ТЕВ. 1904. № 22. Отдел офиц. С. 351–356.
5. Цысь В.В., Цысь О.П. Отделы Императорского Православного Палестинского общества в Западной Сибири в конце XIX начале XX вв.: основные направления, содержание и результаты деятельности. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. 247 с.
6. Протоколы общего годовичного собрания членов приходского братства градо-Тобольской Петропавловской церкви 16 июля 1906 года // ТЕВ. 1906. Отдел неофиц. № 18–19. С. 163.
7. Устав братства при Сретенской церкви г. Тобольска // Справочная книга по Тобольской епархии на 1908 год. Тобольск, 1908. С. 80–86.
8. ГБУТО «ГА в г. Тобольске» Ф. И-156. Оп. 18. Д. 657.

3.3. ЗАРОЖДЕНИЕ ТОБОЛЬСКОГО ОБЪ-ИРТЫШСКОГО СОЮЗА КООПЕРАТИВОВ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС*

Вопросы кооперативного движения в городе Тобольске, история его зарождения в современных социально-экономических условиях вызывают безусловный интерес среди ученых, историков, экономистов, практических деятелей кооперации. Накопленный кооперативными организациями в отдельных регионах исторический опыт является уникальным. На наш взгляд, развитие кооперации на современном этапе исторического развития должно происходить с учетом ее лучших традиций, просчетов и ошибок, допущенных ранее.

Затронутая проблема частично получила освещение в работах В.В. Аксарина [1–4], Л.В. Алексеевой [5–6], А.Б. Баклановой [7], Ю.П. Прибыльского [8–10], В.В. Цысь [11–13].

Л.В. Алексеева, уделяя внимание экономическому развитию Обь-Иртышского Севера в 1917–1941 гг. и трансформации хозяйственного уклада, анализирует вопросы снабжения, торгово-сбытовые и заготовительные операции государственных, частных и кооперативных организаций. Ю.П. Прибыльский раскрывает жизнь и деятельность И.Ф. Ного – создателя одного из первых северных национальных

* Работа подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2014-0023 «Динамика социокультурных процессов в Западной Сибири как полиэтническом регионе в XVIII – начале XX вв.».

кооперативов, входящих в состав Обь-Иртышского союза, подчеркивает роль Тобольска в развитии рыбного хозяйства и кооперативного движения на Севере Западной Сибири.

Исследуя документальные источники фонда 209 – Тобольского Обь-Иртышского союза кооперативов (Северосоюза), хранящиеся в Государственном архиве г. Тобольска, обратимся к историческому опыту, накопленному упомянутым союзом.

Представленные архивные материалы содержат документы, рассказывающие об истории создания и деятельности в регионе потребительской кооперации. Среди рассмотренных документов протоколы заседаний общих собраний потребительских обществ; текущая переписка; планы и отчеты; статистические сведения Северосоюза. Для указанных материалов с одной стороны, была свойственна идеологизация, с другой, в силу отсутствия постоянной связи с низовой сетью, канцелярских принадлежностей «свобода творчества» в оформлении документов от кооперативов с мест, так как они составлялись малограмотными или низкоквалифицированными работниками. Самые ранние сохранившиеся источники по истории создания Северосоюза датируются 1917 г., большинство из них – рукописи чернилами на газетной или писчей бумаге. Все они изобилуют ошибками, опечатками, разнящимися статистическими данными и требуют критического подхода к оценке происходивших событий. Особый интерес для нас представлял устав Тобольского Северосоюза, регламентировавший его основные цели, задачи, функции и структуру. В целом, изучение корпуса источников показало, что документы потребительской кооперации Обь-Иртышского союза освещали экономические, производственные, заготовительные, торгово-сбытовые и социальные стороны.

Обратимся к ретроспективе потребительской кооперации через анализ исторического опыта возникновения в г. Тобольске Обь-Иртышского союза кооперативов.

С ростом числа потребительских обществ на Севере Западной Сибири возникла необходимость координации их действий – особенно в организации снабжения северного населения потребительскими товарами, орудиями производства, предоставлением ссуд на льготных условиях. С этой целью, по некоторым данным, 1 октября 1917 г. при участии городского потребительского общества «Самосознание» и Товарищества Северного района в городе создается первое союзное кооперативное объединение – Тобольский Обь-Иртышский союз кооперативов (Тобсеверосоюз или Северосоюз).

Среди исследователей нет однозначного мнения по вопросу о времени возникновения Обь-Иртышского союза кооперативов. А.Б. Бакланова и В.В. Цысь, точку зрения которых разделяет автор, считают датой основания союза 1 октября 1917 г., Л.В. Алексеева – июнь 1918 г.,

В.Ф. Ретунский – 1918 г. [5; 7; 19]. Это вызвано тем, что официального правового документа об организации Тобсеверосоюза в документальных материалах архивного фонда не сохранилось, но имеется листок стеклографического изготовления, где в графе «год открытия союза» записана дата – 1 октября 1917 г. [14, с. 1]. В защиту своей точки зрения отметим, что, нами был найден документ, косвенно говорящий о времени создания союза. На заседании съезда уполномоченных Обь-Иртышского союза кооперативов, проходившего в Тобольске в июне 1918 г., в своем докладе член правления Н.А. Лосев, говоря об общем положении дел союза, отмечал: «Наша союзная организация была создана в октябре 1917 г.» [15, с. 9].

Рис. 1. Контора Тобольского Обь-Иртышского союза кооперативов. 1918 г.

Первое организационное заседание Северосоюза состоялось 29 августа 1917 г. На нем избрали правление, утвердили устав союза и распределили функции его членов. Председателем правления стал Александр Николаевич Чеботарев, товарищем председателя (заместителем) – Тимофей Иванович Миронов. Он же был избран заведующим торговым отделом союза. Финансово-кредитный отдел возглавил Генрих Генрихович Шиллеров, инструкторский отдел – Николай Анатольевич Лосев, которого впоследствии заменил Александр Алексеевич Благоволин. Заведующим хозяйством и складами стал Иван Елисеевич Лосев. Был избран и секретариат союза [16, л. 1]. В Сургуте и Самарово Северосоюз разместил свои районные конторы, координирующие работу сельских потребительских обществ [12, с. 121]. Так была организована руководящая структура союза кооперативов, которая за время его существования претерпевала многократные изменения.

3 февраля 1918 г., после заслушивания на публичном судебном заседании Тобольского окружного суда, устав Обь-Иртышского союза был утвержден и внесен в реестр кооперативных товариществ и их союзов [17, с. 10]. Союз имел свою печать, изображавшую рукопожатие. Контора союза размещалась на улице Свободы.

Основная цель союза, отмечалось в уставе, состояла в «содействии распространению начал добросовестности и порядка в обмене и производстве предметов потребления и домашнего обихода, способствованию установлению постоянных взаимоотношений между потребительскими обществами Тобольского, Сургутского, Березовского и другими тяготеющими к ним уездами» [11, с. 1]. Главной функцией союза являлась посредническая деятельность по заготовке и сбыту сырья, снабжение населения товарами и орудиями производства. Северосоюз имел право собирать и обнародовать через печать сведения о деятельности потребительских обществ, выпускать периодические издания, оказывать поддержку в организации кооперативов, организовывать кассы взаимопомощи, проводить лекции, курсы, выставки, касающиеся основных задач кооперации, содействовать потребобществам посредством справок, советов, инструкций и юридической помощи, проводить в целях планомерной и правильной деятельности периодические ревизии союзных обществ [17, с. 2].

Согласно уставу, членами союза могли быть потребительские общества, товарищества, артели, учреждения малого кредита. Общество, желающее вступить в союз, предоставляло его правлению письменное заявление с приложенным к нему заполненным типовым уставом, копию постановления общего собрания с решением о вступлении в союз и последние отчетные данные о своей деятельности. Вступительная плата для общества определялась в 50 руб. с внесением одного пая на члена по 1 рублю [17, с. 4].

В июне 1918 г. для более четкой организации союза вся территория его деятельности была разбита на 7 районов: 1) Южно-Иртышский с местонахождением в с. Дубровном; 2) Тобольский с центром в Тобольске; 3) Средне-Иртышский в с. Демьянском; 4) Обь-Иртышский в с. Самарово; 5) Березовский; 6) Сургутский; 7) Обдорский [15, с. 36, 42]. На севере располагалось 4 района: Обь-Иртышский объединял 12 потребительских обществ, Березовский – 11, Сургутский – 9. Седьмой район был выделен особо как национальный остяко-самоедский (хантейско-ненецкий) пункт с местонахождением инструктора в Обдорске. В него входил Хэнский кооператив, а также местный национальный кооператив [15, с. 42].

Уставом определялись права и обязанности членов союза: подчиняться всем постановлениям собрания уполномоченных, уплачивать ежегодно в кассу союза обязательные взносы на содержание ревизора-инструктора, предъявлять правлению союза и уполномоченным от него

лицам расходные книги, документацию общества, созывать чрезвычайные общие собрания для обсуждения предложений союза. Его члены могли вносить письменные заявления о деятельности правления и прочих органов союза и требовать их рассмотрения [17, с. 4].

Статья 22 оговаривала финансовое положение кооперативного объединения. Средства союза складывались из основного, паевого, запасного и особого (специального) капиталов.

Управление делами союза велось собранием уполномоченных и правлением. Причем члены правления Северосоюза участвовали в собрании, но не имели решающего голоса [17, с. 4].

В компетенцию собрания уполномоченных входило рассмотрение и утверждение плана деятельности, смет, доходов и расходов, отчетов правления, избрание членов правления и ревизионной комиссии, решение вопросов о приобретении недвижимости, рассмотрение жалоб на правление и ревизионную комиссию, исключение из союза [17, с. 5].

Из перечисленного видно, что члены правления не могли повлиять на решение собрания уполномоченных. Собрание, в свою очередь, было независимым экспертом при рассмотрении жалоб на правление, ревизионную комиссию и играло главенствующую роль при избрании руководящего состава союза.

Основным руководящим органом Северосоюза являлось правление из трех членов и пяти кандидатов. Оно избиралось на три года. По уставу в его функции входили покупка, продажа и хранение товаров, прием и выдача денег, ценных бумаг, имущества, заключение различных договоров, защита интересов союза в административных и судебных организациях, ведение счетоводства и делопроизводства [17, с. 6].

Таким образом, правление осуществляло оперативное руководство и координацию хозяйственной деятельности союза.

Для наблюдения за работой органов управления союза, проверки отчетности и ревизии дел статьей 56 предусматривалось ежегодное избрание собранием уполномоченных ревизионной комиссии. Она состояла из трех членов и трех кандидатов [17, с. 6].

Вышесказанное позволяет заключить, что перечисленные функции: принятие решений по делам союза, контролирование выполнения устава, постановлений, непосредственная их реализация, рассмотрение жалоб и отчетов – выполняли разные органы управления союза, тем самым уставом реализовывались основополагающие кооперативные начала самостоятельности, самоуправления и независимости.

Анализ данных о численности выборных работников и служащих в кооперации показал, что количественный состав обеих категорий был невелик. Цифры, полученные на основе имеющихся локальных данных, свидетельствуют о том, что к июню 1918 г. в состав служащих Северосоюза входило 63 человека. Выборных работников и служащих в

Тобольской конторе союза числилось 29 чел., из них 8 чел. состояло при конторе, 14 чел. при товарном складе, 2 торговых агента и 5 чел. при бухгалтерии [15, с.11, 24]. Заработная плата была различной: жалование члена правления в среднем составляло 600 руб., бухгалтера – 350 руб., торгового агента – 350 руб., инструктора – 500 руб. в месяц [15, с. 47; 16, л. 2].

Финансовое состояние союза при первоначальном капитале в 2 700 руб. наличностью и 99 000 руб. товарами возросло, и через три месяца работы товарооборот достиг 245 000 руб. Постепенно улучшая финансовое состояние, союз к середине 1918 г. увеличил общий оборот до 5 млн. руб., причем рост капитала продолжался и в последующие годы [11, с. 72]. Финансовую поддержку Северосоюзу оказывало Тобольское общество «Самосознание», предоставившее товара на 142 000 руб., общества «Центросибирь» и союз сибирских кооперативных союзов «Закупсбыт», благодаря чему Северосоюзу удалось отправить на закупку пушнины 20 000 руб. в Ларьякское общество потребителей и командировать представителя на Север для закупки пушнины. Всего по губернии к середине 1918 г. союзу удалось объединить 56 кооперативных обществ с паевым капиталом 25 474 руб. [6, с. 10].

Наиболее значимым партнером Северосоюза являлся Закупсбыт, образованный в 1916 г. и объединивший за год работы 25 потребительских союзов Сибири [6, с. 60].

Правление Закупсбыта видело в Северосоюзе выгодного торгового партнера, потому что через него проходила ценная пушнина и рыба. В октябре 1918 г. Закупсбыт в телеграмме в Тобольск информировал союз о том, что им была установлена связь с заграничными рынками для сбыта пушнины, поэтому «передавать пушнину частным фирмам на коммиссионных началах для вывоза ее за границу не в интересах кооперации» [18, л. 79]. Тобсеверосоюз все прочнее укреплял товарообмен с северным населением. Это способствовало расширению его материальной базы. Для переработки рыбы в пос. Пуйко построили консервную фабрику, на оборудование которой выделили 500 000 руб., для обслуживания низового края приобрели транспортные суда в Тюмени и Тобольске. Чтобы удовлетворить нужды Тобольской конторы и консервной фабрики, союз приобрел столярную мастерскую [15, с. 11].

Руководство и координация всей кооперативной работой на местах возлагалась на районных инструкторов. Помимо закупки и реализации товаров в их обязанности входила пропаганда кооперации, сбор статистических сведений, анализ экономической ситуации в крае, проведение культурно-просветительных мероприятий [11, с. 73]. Два раза в месяц инструктор отчитывался о результатах обследований подведомственных кооперативов и сообщал о своих перемещениях по вверенному району [13, с. 113]. Инструкторами союза были М.П. Замятин,

Г.Н. Котовщиков, П.И. Лопарев, Н.М. Моллер, Ф.П. Муценек, Г.Я. Назаров и А.К. Нечаев. Инструкторский состав Северосоюза отличался большой работоспособностью, выносливостью, организаторскими качествами, знанием местных условий, языка и обычаев коренного населения Севера Западной Сибири.

Вышеизложенное позволяет заключить, что несмотря на сложную политическую и экономическую обстановку в крае, в 1917–1918 гг. был осуществлен добровольный переход кооперативных обществ Севера Западной Сибири к их объединению в составе губернского Обь-Иртышского союза кооперативов. Пример организационного периода создания союза был типичен для большинства российских кооперативных объединений и состоял из ряда юридических и социально-правовых процедур, однако, в отличие от общероссийской практики, зарождение союза пришлось на более поздний период. В силу географической удаленности от центра, особых природно-климатических условий, социально-этнической специфики низовой кооперативной сети система кооперирования приобретала самобытные черты. С одной стороны, союз позволил северным кооперативам продолжить и расширить свою заготовительную и сбытовую деятельность, с другой, ему приходилось сталкиваться с массой организационных, социальных, экономических, финансовых вопросов. Немаловажна роль и города Тобольска, ставшего центром кооперирования северных районов. Здесь размещались основные конторы и склады кооперативных и государственных заготовительных организаций, именно сюда стекалась вся собранная отчетная документация и продукция, полученная в результате товарообмена и продовольственных заготовок. Транзитные пути позволяли городу поддерживать связь как с северной периферией, так и с центральными регионами.

1. Аксарин В.В. К истории потребительской кооперации в Среднем Приобье // Словцовские чтения-2003: Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень: Тюм ГУ, 2003. С. 60–62.
2. Аксарин В.В. К вопросу о роли «Неторгового отдела» Северосоюза в культурно-просветительной работе // Симоновские краеведческие чтения: Материалы краеведческой конференции. Тобольск, 2004. С. 66–70.
3. Аксарин В.В. Северосоюз в западносибирской и уральской периодике // Менделеевские чтения–2004: Материалы XXXV региональной научно-практической конференции. Тобольск: ТГПИ, 2004. С. 78–80.
4. Аксарин В.В. Вовлечение инородцев Севера в потребительскую кооперацию // Угры. Культурное наследие народов Западной Сибири: Материалы IV Сибирского симпозиума. Тобольск, 2003. С. 176–181.
5. Алексеева Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917–1941 гг.: трансформация хозяйственного уклада. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии, 2003. 385 с.
6. Алексеева В.К. Кооперативное движение в Сибири (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1993. 119 с.

7. Бакланова А.Б. Первые шаги кооперативного строительства на Обском Севере (1920–1928 гг.) // КПСС и некоторые социальные проблемы сельского хозяйства. Свердловск, 1975. С. 133–144.
8. Прибыльский Ю.П. Сибиряки. Тюмень: Вектор Бук, 2000. 336 с.
9. Прибыльский Ю.П. Жизнь и деятельность И.Ф. Ного // Самодийцы. Культурное наследие народов Западной Сибири: Материалы Всероссийского Сибирского симпозиума. Тобольск, 2001. С. 155–157.
10. Прибыльский Ю.П. Роль Тобольска в развитии рыбного хозяйства и кооперативного движения на Севере Западной Сибири в 1920-е гг. // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию ТГИАМЗ. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1975. С. 200–208.
11. Цысь В.В. П.И. Лопарев – организатор кооперативного движения на Тюменском Севере в годы Гражданской войны // Западная Сибирь: история и современность. Краев. записки. Вып.4. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2001. С. 72–83.
12. Цысь В.В. Сургутская потребительская кооперация в период Западно-Сибирского крестьянского восстания // Подорожник. Вып. 4. Тюмень: Мандр и К^а, 2004. С.121–127.
13. Цысь В.В. Север Западной Сибири в период Гражданской войны (1917–1921 гг.). Нижневартовск, 2005. 243 с.
14. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 209. Комментарий к фонду.
15. Протоколы заседаний съезда уполномоченных Обь-Иртышского союза кооперативов в г. Тобольске (17–19 июня 1918 г.). Тобольск: Издание Обь-Иртышского союза кооперативов, 1918. 53 с.
16. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 209. Оп. 1. Д. 3.
17. ТИАМЗ. ТМ КП 16844/644. Устав Обь-Иртышского союза потребительских кооперативов Тобольской губернии. Тобольск, 1918. 20 с.
18. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 209. Оп. 1. Д. 237.
19. Ретунский В.Ф. Коллективизация промыслово-оленьеводческих хозяйств на Крайнем Севере в Западной Сибири (1920–1930 гг.) // КПСС и некоторые социальные проблемы сельского хозяйства. Свердловск, 1975. С. 74–92.

3.4. ТОБОЛЬСК НЭПОВСКИЙ, ТОБОЛЬСК ТЕАТРАЛЬНЫЙ*

Период новой экономической политики (НЭП) является значимым в истории России XX в., т.к. в условиях формирования нового, Советского, государства происходили качественные изменения в функционировании всех сфер общества, в том числе и сфере культуры. Это был период «проб и ошибок», движения к новому и возвращения к старому. Именно в этот период появилось понятие «культурная революция» (В.И. Ленин, 1923 г.). Определяя ее необходимым условием построения социализма, глава Советского государства видел ее как коренное преобразование духовной жизни общества, перестройку общественного сознания на основе

* Работа подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2014-0023 «Динамика социокультурных процессов в Западной Сибири как полиэтническом регионе в XVIII – начале XX вв.».

марксистско-ленинской идеологии, создание качественно нового исторического типа культуры.

По мнению исследователей, самые разительные перемены в первое послереволюционное десятилетие произошли именно с русским театром.

Все театры, и императорские, и частные, были национализированы. Изменились принципы управления ими. Если до революции разные социальные группы выбирали продюсеров в соответствии со своими интересами и потребностями, то после гражданской войны начинает формироваться советский режиссерский театр, в котором в одном лице воплощались организатор коллектива, постановщик, идеолог-воспитатель.

Поставленные перед театром новые задачи, политизация духовной жизни породила новые формы сценического искусства. Театр вышел за рамки сцены – на улицы и площади городов выплеснулись массовые театрализованные праздники. По всей стране появляются новые коллективы – Театры Революции, Красные, Октябрьские театры, Театры рабочей молодежи (далее – ТРАМы). Активизировалась клубная самодеятельность.

Для столичных театров первая половина 1920-х гг. была периодом творческих поисков и экспериментов. Для провинции, в частности, для Сибири, этот процесс затянулся до начала 1930-х гг.

В бывших губернских центрах Западной и Восточной Сибири в начале 1920-х гг. продолжали функционировать старые и открывались новые театры. В Омске в 1920 г. был организован Сибирский государственный театр с оперной и драматическими труппами, в 1921 г. – губернский показательный театр, в функции которого входила массовая работа со зрителем и руководство рабочими клубами.

В Томске в 1920 г. драматическая студия И.Г. Калабухова (1918–1919 гг.) была преобразована в Театр совдепа, вскоре объединенный с Театром студийных постановок А.Д. Попова. Спустя два года был открыт Большой городской театр, с 1923 г. – Театр драмы и комедии имени А.В. Луначарского. В Иркутске к маю 1920 г. функционировали городской драматический театр, опера, Военный театр, Театр эвакопункта, Театр революционной сатиры (Теревсат), первая сибирская государственная драматическая школа, работало около 30 клубных сценических площадок. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в ряде городов Сибири появились ТРАМы.

Театральные традиции Тобольска, складывающиеся на протяжении столетий, были прерваны гражданской войной. В конце октября 1919 г. в Тобольске была установлена Советская власть, а спустя два месяца уже функционировал профессиональный союз – работников театрального искусства. На 1 февраля 1920 г. в городе были созданы театральная, хоровая, музыкальная секции, которые объединили силы, «имеющие отношение к театру, с целью опросить всех работников искусства не

только с профессиональной [стороны], но и для открытия широкого пути к политической работе» [1, л. 4].

Обращает внимание тот факт, что в Тобольске появляются клубы с новым содержанием: уже в 1920 г. в городе функционировали Пролетарский дом и Красноармейский клуб.

Первое упоминание о них приходится на январь 1920 г. 21 января в помещении Пролетарского Дома был устроен «митинг и концерт-дивертисмент интернационального характера». Концерт был составлен из номеров, подготовленных общественными организациями. Выступления на митинге звучали на четырех языках – русском, немецком, мадьярском и татарском. Докладчиками были председатель ревкома Петров, от мусульманской секции – Наурузов, от немецкой секции – Вирт и Сейзен, мадьярской – Ченгари. Организаторы отмечали, что, к сожалению, отсутствовали представители польского, еврейского, латышского и турецкого обществ.

Концерт был представлен силами артистов Пролетарского дома и иностранной секции коммунистов. Звучали «вокал актера Вольского, оркестр и русский хор, зажигательный гопак в исполнении Александрова и Тихоновой, изящная французская декламация „La grillion” в исполнении Гроо, веселые частушки...» Но больше всего публику потрясло выступление татарского хора: «Особенно отрадно было видеть и слышать женский татарский хор на сцене театра, – писала местная газета. – Это говорит за то, что прошли, наконец, те дикие времена теремов, когда мусульманка закрывала свою шею тряпкой. Теперь мы ее видим на сцене и от всего сердца приветствуем и благодарим за этот шаг и доставленное всем им удовольствие» [2, л. 5].

18 февраля 1920 г. был дан еще один концерт силами коллективов Пролетарского Дома и Красноармейского Клуба [2, л. 28].

21 октября того же года, в день годовщины освобождения Тобольска от Колчака, в Пролетарском доме и Красноармейском клубе состоялись митинги. После митинга в Пролетарском доме был поставлен «революционно-драматический этюд» П.К. Бессалько «Каменщик, или Башня коммуны», а в Красноармейском клубе, при переполненном театре – отмечает газета, – прошла революционная пьеса «Пролетарий» [1, л. 5].

Через год-другой митинги, предваряющие театральное действо, уступили место лекциям и беседам.

К середине 1920-х гг. в городе расширилась сеть зрелищных учреждений. Только рабочих клубов было пять: рабочий клуб Профинтерна (ул. Свободы, 1), Дом работников просвещения (ул. Семакова, 23), Комсомольский клуб (военный городок), татаро-башкирский клуб имени Ленина (ул. Большая Пиляцкая) и клуб Тобольского изолятора специального назначения (Красная пл.), в совокупности залы которых могли принять одновременно 1350 зрителей.

Конкуренцию им составляли лишь кинотеатр «Художественный» (205 мест) и городской театр (600 мест) по Большой Ленинской [3, лл. 4 об., 26, 40].

Городской театр находился на улице Большой Ленинской, 31. Здание, похожее на сказочный теремок (Народная аудитория), было построено в 1899 г. 8 сентября оно распахнуло двери для своих первых зрителей. В труппу входили как профессиональные актеры, так и любители из городской интеллигенции. В начале XX в. в репертуаре были пьесы А.Н. Островского, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, В. Шекспира и др. После революции 1917 г. театру вернули название, данное декабристами еще в 1840 г., – «Народный дом».

В начале 1920-х гг. театры переживали трудные времена. Особенно тяжело сказался переход в 1921 г. значительной части учреждений культуры на самоокупаемость. Тобольский театр был временно закрыт. После некоторого перерыва он продолжил свою работу.

О первых актерах советского театра практически ничего не известно. Заведующим театра был Леонтий Моисеевич Бухер, художественный руководитель – Марк Семенович Киселевский.

В 1922-1925 гг. на сцене тобольского театра играли А.Я. Бердин, С.В. Бердина, Е.А. Валинская, Т.Г. Волкова, Е.К. Врублевская, В.А. Всеволожская, М.А. Дементьев, А.И. Знаменская, Г.Н. Киреев, А.М. Колычев, Т.И. Корешкова, Н.И. Кротов, О.С. Лескина, Л.Н. Лидарская, А.Н. Макаров, Б.И. Макучинская, И. Малеева, Г.П. Морозов, М.Н. Морозова, Н.К. Никольский, Н.С. Писарев, Б. Радов, И.В. Ротгольц, Р.А. Ротгольц, Е.В. Сергиев, Г.И. Стоянова, М.А. Сурдес, Ф.Ф. Шевлюгин, А.И. Эрблер-Киселевская, И.В. Южанский и другие.

Имя актрисы Евгении Врублевской вошло в историю советского театра. Из ее творческой биографии известно, что она – выпускница Московского филармонического училища. Можно предположить, что сибирский период ее творчества связан лишь с послереволюционным десятилетием. В 1930–1950-е гг. она служила в Грозненском русском, Ставропольском краевом драматическом театрах; с 1939 г. – актриса театра Черноморского флота. После войны (1947–1955 г.) работала в Луганском русском драматическом театре. Последние годы провела в Ленинградском доме ветеранов сцены.

В начале 1920-х гг. коллектив театра работал, преодолевая трудности, связанные с недостаточным финансированием, переводом на самоокупаемость, отсутствием квалифицированных кадров, цензурными препонами и проч. В 1922 г. прибавилась еще одна проблема – ввиду плохого состояния и ветхости потолков в здании кинотеатра «Модерн» киносеансы были переведены в здание городского театра. Для городских властей это было выгодно – киносеансы давали стабильные доходы, но для театральных репетиций условия ухудшились. К тому же требовалось

переоборудование сцены. После окончания ремонта гортеатр открылся 7 января 1923 г. Мечты о постановке классических произведений пришлось отложить на неопределенное время. Силами музыкального кружка ставились «легкие» произведения – оперы и оперетты. Выгодно было и актерам – 30 % от продажи билетов шло на заработную плату, выгодно и городу – остальные средства шли на освещение, отопление театра, текущий ремонт, декорации и проч.

В январе 1923 г. в городе было поставлено 5 спектаклей и 17 киносеансов [4, л. 2], в мае – дано 18 киносеансов и 3 оперы (2 раза «Демон» и один раз «Аскольдова могила»), 4 спектакля-вечера и «устроено три заседания по случаю революционных праздников» [4, л. 6]; в июле того же года было дано 23 киносеанса, в августе – 16 сеансов [4, л. 15]. В целом, за период с 1 июня 1923 г. по 1 июля 1924 г. было поставлено 162 спектакля с 34 253 посетителями, 160 киносеансов с 12 000 посетителями [4, л. 27].

В итоге, в 1926 г., по окончании зимнего сезона, труппа городского театра была ликвидирована, театр закрыт до осени.

Вся театральная работа была перенесена в летний городской сад. Горожане получили возможность познакомиться с выступлениями гастролирующих артистов и трупп. И хотя город постоянного оркестра не имел, во время устраиваемых гуляний собирались музыканты-любители. В саду устраивались народные гуляния с играми, танцами, а также спортивные выступления, ставшие популярными в городе.

Новый состав труппы Тобольского театра и по профессиональному, и социальному, и политическому составу был неоднородным. Директором театра был назначен Иван Иванович Иванов, режиссером – Георгий Васильевич Аристов.

И.И. Иванов по профессии был квалифицированным рабочим-металлистом, окончил железнодорожное училище, а по убеждениям – левый эсер. В 1915 г. был выслан в Сибирь. С апреля 1917 г. по февраль 1919 г. был членом Президиума Петроградского совета, уполномоченным союза металлистов на Путиловском заводе. В Тобольске отбывал срок наказания как административно-ссылный. Думается, что должность эту получил за свои организаторские способности.

Г.В. Аристов – выпускник театрального училища – имел за плечами опыт режиссера военного театра в армии Колчака, а затем в Красной Армии – инструктора по театральной работе. До Тобольска работал в театрах Иркутска, Новосибирска.

Специальное (театральное или музыкальное) образование имели актеры Николай Михайлович Катук (драматическая студия), Аркадий Иванович Угрюмов (музыкальный техникум), Лидия Михайловна Жуковская (Ленинградская консерватория), Татьяна Васильевна Дмитриевская-Снежинская (драматические курсы в Иркутске), Марк

Семенович Киселевский (драматическая студия в Вене), Галина Иосифовна Стоянова (Киевская консерватория), остальные актеры – практики [5, л. 6–26, 108, 139].

Наиболее колоритной фигурой был актер Митрофан Михайлович Нечаев. Из потомственных почетных граждан, выпускник университета, он окончил частные драматические курсы артиста бывшего императорского театра С.П. Ольгина в Москве в 1912 г. В театральной среде больше известен под псевдонимом Сандро-Новиков. В 1930-е гг. он работал в Краснодарском театре драмы. В 1939 г. театр получил разрешение на постановку пьесы о вожде революции («Человек с ружьём» Н. Погодина). Роль Ленина исполнял М. Сандро-Новиков [6, с. 49].

Во второй половине 1920-х гг. в репертуары не только городского театра, но и клубных коллективов были включены постановки пьес «Мятеж» и «Чапаев» Фурманова, «Любовь Яровая» И. Тренева, Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69». В 1926 г. были поставлены пьесы Н.Р. Эрדмана «Мандат», И.Н. Лернера «Брат наркома» [7].

Пьеса Эрдмана «Мандат» сначала ставилась любительскими коллективами. 7 декабря 1926 г. эта пьеса шла на сцене театра Тобольского политизолятора. На сцене клуба имени Профинтерна она выдержала три постановки. Правда, она была поставлена в сокращенном варианте, учитывая возможности клубной сцены и самих артистов. Наградой за хорошую игру были не только бурные аплодисменты, но и положительная рецензия местного критика: «Клубный драмкружок прекрасно справился со своей задачей – дать живую, интересную постановку. Игра была недурна, без тона надоевшего профессионализма, игра подлинным рабочим „нутром“... не хватало школы, режиссерской палки, но этого и не требовалось. Важно, чтобы пьеса «дошла» до зрителя, а она дошла. Неплохо было вынести «Мандат» на сцену гортеатра» [8].

В 1928 г. тоболяки увидели пьесы «Штиль» и «Шторм» В.Н. Биль-Белоцерковского. Аншлаги не было – пьеса пропагандистского характера «Штиль» не вызвала интереса у зрителя. «Пьеса Биль-Белоцерковского «Штиль» собрала в наш гортеатр очень мало публики, – констатировала газета. – В кассе театра был полнейший „штиль“... Пьеса была подернута холодком, неестественным спокойствием игры. От этого положительные коммунисты – Красильников и матрос – вышли чужими, живущими в жизни „так себе“, „по циркуляру“... Только глубокое содержание пьесы, сильные и нужные современному зрителю слова „вывезли“ пьесу» [9].

В том же году была поставлена пьеса Б. Лавренева «Разлом». По этому поводу местная пресса писала: «Это праздник рабочего зрителя. Спектакль свежий, молодой, бодрый» [1, л. 1–3].

В угоду зрителю и для роста кассовых сборов в репертуаре были и другие формы сценического искусства. Например, в ноябре того же года

коллективом артистов были поставлены миниатюры «Акробатка на престоле», «Хамка» и концерт [10].

В 1926–1929 гг. шли оперетты «Сильва», «Перикола», «Баядера», «Жрица огня» и даже опера А. Рубинштейна «Демон», в которой цензура увидела «мистическую библейщину». Тем не менее, работа артистов получила высокую оценку местных критиков: «Творческий коллектив бережно отнесся к гениальному произведению великого русского композитора, который удачно раскрыл замечательные художественные образы этой оперы» [1, л. 3].

Пьесы А.Н. Островского были знакомы тобольскому зрителю задолго до этих событий. Но в начале 1928 г. для поклонников творчества русского драматурга был сделан поистине «королевский подарок»: два вечера на сцене ставили «Лес» Островского. В первый вечер – «в обычном толковании дореволюционного театра», во второй постановка была сделана в духе новой эпохи, по Мейерхольду. «Вторая постановка показывала новое внешнее и внутреннее толкование пьесы. Спектакль должен разоблачить и подчеркнуть социальный смысл комедии. Зритель должен негодовать. Все лишнее, все привычное, а потому успокаивающее, убрано со сцены». Декорации второй постановки потеряли свою красоту, уютность и органичность с бытом героев. Они были заменены символами; идущей вверх дорогой – «путь и в помещичье болото и из него»; «гигантскими шагами» – качелями, «символом движения» [11].

Сохранив театральные традиции, проводились бенефисы: в 1926 г. артист Туганов отметил 20-летие пребывания на сцене [12].

Особого внимания заслуживает деятельность театрального кружка Тобольского изолятора специального назначения. ГУЛАГовский театр – отдельная и малоизученная страница российского театра. Организация творческих кружков стала неотъемлемой частью культурно-просветительной работы тюрем и лагерей. Создание в них драмкружков из числа заключенных, бывших актеров и музыкантов, повсеместно поощрялось.

Театральный кружок в Тобольском политизоляторе, созданный в 1923 г., один из первых тюремных в России. Первый спектакль состоялся 7 ноября, в день 6-летия Октябрьской революции. Силами сотрудников и заключенных был поставлен спектакль, который предварили выступления ораторов о значении Октябрьской революции. Под помещение театра была переоборудована церковь Александра Невского. Позднее в отчете заведующий культурно-воспитательной частью записал: «...Часть заключенных, растрогалась в возгласах о свободе, плакала, обижаясь на свое заключение» [13, л. 238].

Бесконтрольность со стороны администрации, занимавшей позицию «чем бы дитя не тешилось, лишь бы не кричало», а тем более окружных управления по делам литературы и издательств (окрлита) и отдела

народного образования (окроно), с одной стороны, непрофессиональный состав театральной труппы и ее руководителя, с другой, приводили к тому, что на сцене можно было увидеть, мягко говоря, произведения сомнительного качества. В марте 1924 г. по этому поводу в адрес начальника политизолятора Тобольским окружным отделом политпросвета было направлено гневное письмо, в котором констатировалось, что в театре изолятора всегда ставится недопустимая «халтура». В репертуаре – пьесы устарелые, а то и запрещенные, а также имелись факты постановки пьес, авторами которых были заключенные. С эстрады звучали частушки, романсы, и те, и другие были под прицелом идеологических работников. Попытки искоренить нарушения не имели успеха [2, л. 19–19 об.].

На самом деле у театра политизолятора было значительно больше проблем, чем у любого другого. Это проблемы платности сеансов, взаимоотношения с ссыльными, благотворительности, изоляции заключенных и проч.

К маю 1925 г. здесь работали театрально-драматический и музыкально-хоровой кружки [14]. Помещение клуба было оборудовано в отдельном, справа от главного входа в тюремный замок, одноэтажном здании.

Должность руководителя клуба в 1926 г. занимал Федор Яковлевич Мельников, заместитель начальника тюрьмы по учебно-воспитательной части. Он же и руководил театром. В составе труппы была единственная профессиональная актриса – Ольга Николаевна Рандич, выпускница школы-студии В. Комиссаржевской (1919 г.), остальные: А.Ф. Лихачев, В.А. Кочева, Б.М. Архангельский, Е.В. Русских, М.П. Уфимцев (помощник режиссера) – уголовные и политические заключенные, осужденные на разные сроки наказания [3, л. 53–60]. То, что через год сменился руководитель театра и актерский состав, говорит о серьезных претензиях к последним.

В 1926 г. была создана культкомиссия, одним из решений которой было проведение совместных спектаклей сотрудников, надзора и заключенных. Одно из нарушений – отсутствие мероприятий для заключенных по несколько недель. В 1927 г. был установлен минимум мероприятий на месяц: 4 спектакля для заключенных, 2 концерта и 4 спектакля «для вольной публики воспитательного характера» [3, л. 53].

В 1927 г. заведующим театром был назначен Михаил Александрович Лях, без образования, но член партии с 1918 г., режиссером – Степан Михайлович Михайлов (Томская драматическая студия). Для постановки спектаклей привлекались сотрудники изолятора, отбывающие наказание: делопроизводитель П.П. Баев, бухгалтер А.Н. Уртминцев, библиотекарь С.Г. Козлов, С.Г. Малышев, переписчик В.Д. Шибанов, столяр

И.В. Ульянов, прачки Е. Плавновская, М.В. Богданова, Ф.С. Бодарь, М.К. Косыченко и другие [3, л. 84].

Репертуар театра изолятора отражал все жанровое разнообразие театральной культуры того времени. Из классики ставили А.Н. Островского, М. Горького. Пьесы, посвященные революционному прошлому и советскому настоящему, также исполнялись для публики: «Сокровища» («Углубление революции») Киреева-Гатчинского, «Мандат» Эрдмана, «Обновленцы» Уральца и др. Популярными были вечер миниатюр, вечер-журнал, концерты.

Театр изолятора привлекал горожан не столько репертуаром, скорее всего, «танцами до утра», т.е. до 3–4 часов ночи. И публику не пугали цены от 35 коп. до 1 руб.

К концу 1920-х гг. жанровое разнообразие театральной культуры претерпело изменения. Принцип советской культуры – социалистический реализм – постепенно внедрялся в жизнь провинциального театра.

Выявленные документы позволяют утверждать, что г. Тобольск значительно уступал сибирским административным центрам и по количеству, и по разновидностям театральных учреждений. В городе собственно было только одно учреждение – городской театр, остальные – клубы, имеющие театральные кружки.

Репертуар городского театра формировался под влиянием государственной политики в области театрального искусства. Формирование театральной культуры Сибири и Тобольска проходило под влиянием политических и экономических процессов. В результате театральная интеллигенция обрела черты маргинальности, утратив напрочь свою элитарность. Театры приобрели не свойственную до сих пор функцию – политическое просвещение населения. Большое внимание в этом вопросе уделялось самодеятельным, передвижным, агитационным, а затем молодежным и пролеткультовским театрам.

В Тобольске процесс становления новых театральных традиций проходил медленнее, с некоторым отставанием, чем в центре. Поэтому не удивительно, что тобольский ТРАМ образовался только в 1934 г.

Репертуар театральных коллективов, в зависимости от ведомственной принадлежности учреждения, формировался государственными органами, местными административными отделами, партийными организациями, предприятиями. Корректировка репертуара театров проходила под влиянием различных факторов: отсутствием репертуарных сборников, низкой квалификации режиссеров, цензурных запретов и окрлотовских корректировок, отсутствием профессиональных актеров.

Спорным является тезис о том, что использование театра в качестве средства политического воспитания населения привело к тому, что театральные вкусы зрительской аудитории оказались сильно

политизированы. Театральное действо было одним из многих средств, формирующих убеждения зрителя.

Для 1920-х гг. посещение театра не стало нормой проведения досуга для большинства населения, но можно утверждать, что сформировались зрительские коллективы как у городского театра, так и некоторых клубов. Государственная политика по развитию самодеятельных театров привела к появлению театральной интеллигенции, основная часть которой представляла собой малоквалифицированных работников.

Надо признать, что театральная жизнь сибирских городов на протяжении 1920-х гг. не отличалась новизной и оригинальностью по сравнению с Москвой и Петроградом. Но, тем не менее, г. Тобольск вошел в историю театра наличием одного из первых театров советской пенитенциарной системы.

1. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 402. Оп. 3. Д. 24.
2. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 402. Оп. 3. Д. 23.
3. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 676. Оп. 2. Д. 8.
4. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 676. Оп. 1. Д. 299.
5. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. Р-676. Оп. 2. Д. 15.
6. Серогодский Н.А. Культурное развитие Кубани в предвоенные годы // Ресурсы региона: культурно-историческое развитие в контексте науки и образования : сб. мат-лов Всерос. научн.-практ. конф. / под ред. М.Ю. Беляевой, Н.А. Серогодского. Славянск-на-Кубани, 2014. С. 48-51.
7. Северянин (Тобольск). 1926. 12 декабря.
8. Северянин (Тобольск). 1928. 11 янв.
9. Северянин. 1928. 24 янв.
10. Северянин. 1926. 17 ноябр.
11. Северянин. 1928. 2 март.
12. Северянин. 1926. 5 февр.
13. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 168. Оп. 1. Д. 45.
14. Распопова Е.В. Особенности театра ГУЛАГа в 1930-1950-е гг. // Менделеевские чтения – 2010 : мат-лы XXXXI региональной научно-практической конференции молодых ученых и студентов. Тобольск, 2010. С. 26–27.

РАЗДЕЛ IV ИСТОРИЯ ТОБОЛЬСКА В ЛИЦАХ

4.1. СВЯТИТЕЛЬ ИОАНН, МИТРОПОЛИТ ТОБОЛЬСКИЙ И СИБИРСКИЙ, В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ*

В народной памяти жителей Сибири особое место занимает Иоанн (Максимович), митрополит Тобольский, официальная канонизация которого состоялась в 1916 г. В отечественной историографии за ним закрепилось имя «последний царский святой» [1].

В целом, при подготовке к общецерковному прославлению была составлена подробная биография, в которой достаточно хорошо рассмотрены все периоды жизни и деятельности подвижника, за исключением сведений о его детстве и отрочестве.

Известно, что будущий митрополит Иоанн родился в Малороссии, г. Нежине, в 1651 г. В 60-70-х гг. XVII в. он обучался в Киево-Могилянской коллегии, по окончании которой был оставлен преподавателем латинского языка. В 1675 г. принял монашеский постриг, вскоре архиепископом Черниговским и Новгород-Северским Лазарем (Барановичем) был посвящен в диаконы и назначен экономом Киево-Печерской лавры [2, с. 3].

Интересным фактом в биографии святителя стало соединение в служении духовных и государственных интересов. Максимович в юные годы приобщился к дипломатической деятельности. Так, в 1677 г. Иоанн был направлен к государю Федору Алексеевичу в Москву в составе делегации просить о защите Киева от турецких войск. Итогом поездки стал тот факт, что Брянский Свенский монастырь был отдан Киево-Печерской лавре [3, с. 4].

В 1685–1690 гг. иеромонах Иоанн был проповедником в Киево-Печерской лавре. С 1690–1695 г. он настоятель Брянского Свенского монастыря. В этом же году после кончины владыки Феодосия (Углицкого) при содействии гетмана Мазепы был посвящен в черниговского архиепископа.

* Работа подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2014-0024 «Взаимодействие человека, общества и власти в локальных практиках (на примере Западной Сибири XIX – первой половине XX вв.)».

Исследователи подчеркивают «особое качество личности Иоанна — умение находить компромисс с властью и в то же время сохранять высокие требования к собственной духовной деятельности»[4, с. 188].

Рис. 1. Икона святителя Иоанна митрополита Тобольского

В 1701 г. архиепископ Иоанн устроил в Чернигове коллегиум — славяно-латинскую школу, которая выступала в качестве подготовительного училища для Киево-Могилянской коллегии, а впоследствии послужила образцом для духовных семинарий [5, с. 220]. Здесь совместно с детьми священнослужителей обучались представители других сословий: дворян, казаков, мещан. За годы учебы ученики получали качественное образование и приобретали навыки самостоятельной деятельности. Особой гордостью школы была библиотека, основу которой составляло личное собрание книг владыки. Для своего времени библиотека считалась одной из лучших в России.

В 1712 г. Иоанн был хиротонисан в сан митрополита Тобольского и Сибирского и как сибирский архипастырь стал известным организатором миссионерской работы. Находясь на тобольской кафедре, владыка Иоанн продолжил оказывать содействие в развитии образования и просвещения инородческого населения «светом Христовой веры». Продолжением подобной просветительской деятельности в дальнейшем была забота Иоанна Максимовича о духовной школе, которая была организована в Тобольске предшественником митрополитом Филофеем Лещинским в 1703 г. К главнейшим достоинствам иерарха его биографы относили

материальную помощь учащимся, постоянную заботу об учителях, факты о которых сохранялись в памяти последующих поколений. Святитель Иоанн ощущал в себе талант учителя, наставника и подвижника православия [6, с. 283].

Практический опыт по сохранению чистоты православного вероучения, который получил митрополит в Малороссии, стал востребованным в многоконфессиональном сибирском регионе. Иоанн (Максимович) осознавал государственное значение христианизации коренных народов Сибири. Вершиной его миссионерской деятельности стала организация православной миссии в Китай, отправленной им из Тобольска 16 января 1715 г. в выполнение императорского указа от 7 июня 1710 г. Задачи, которые ставились перед миссией, были государственно-политического уровня. До появления в Китае миссионеров Русской церкви христианство хотя и было там известно, но не получило широкого распространения. Особое место в судьбе русской миссии в Китае сыграло устройство русского гарнизона в Албазине, который представлял собой крепость, населенную бывшими русскими военнопленными, позже поступившими на службу к китайскому императору. Так, заботясь о сохранении православия среди русских пленных в Албазине, было положено начало российской миссии в Китае [6, с. 284].

9 июня 1715 г. митрополит отслужил последнюю в своей жизни литургию, а затем организовал общую трапезу для местного духовенства и нищих, за ней прислуживал гостям сам. После окончания удалился в архиерейские покои, где на следующее утро келейник обнаружил владыку мертвым в молитвенном положении на коленях. Митрополит Иоанн был похоронен в деревянном приделе Софийско-Успенского собора в честь преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских. Со временем деревянный придел пришел в упадок и в 1741 г. был разобран, а место погребения владыки Иоанна оказалось под открытым небом [7, с. 274]. Тоболяки, сохранившие в памяти образ митрополита, в 1753 г. организовали сбор пожертвований; на собранные средства восстановили придел в каменном исполнении, освятив его в честь Иоанна Златоуста. Могила митрополита Иоанна находилась у правой стены алтаря, над ней соорудили изящное резное надгробие [8, с. 3].

В начале XIX в. в приделе Иоанна Златоуста появилась трещина, идущая от свода к могиле. Архиепископ тобольский Евгений (Казанцев) в 1826 г. направил в Святейший Синод прошение с просьбой выделить средства для проведения реставрационных работ. Из Синода поступило указание о переносе могилы из правой части алтаря в левую и перемещении останков митрополита Иоанна [9, с. 520]. 5 сентября 1826 г. указание Синода было выполнено городским духовенством. Свидетельством того, что в памяти местных жителей образ святителя

сохранялся очень долго, стал факт устройства в 1844 г. над могилой мраморного памятника на средства, выделенные купцом Мясниковом.

Еще одним важным моментом в закреплении народной памяти населения Тобольска стало установление с 1879 г. в день успения святителя Иоанна митрополита Тобольского особого крестного хода. До официального церковного прославления и обретения его мощей шествие совершалось 10 июня с чудотворной иконой Спасителя. Начинался крестный ход от кафедрального собора, проходил мимо церквей: Богоявленской, Воскресенской, Благовещенской, Христорождественской и Михайло-Архангельской. Представители местной власти принимали участие в памятных шествиях, о чем епархиальная пресса сообщала: «По случаю крестного хода народ толпами устремился в собор и в Златоустовский придел к находящейся в нём дорогой для верующих могиле митрополита Иоанна». Участие в праздничной литургии и крестном ходе принимал тобольский губернатор А.А. Станкевич, который вместе с горожанами нёс на носилках икону Спасителя [10, с. 294].

Епархиальные власти стремились официально закрепить почитание святителя. Так, в 1891 г. Иустин (Полянский), епископ Тобольский и Сибирский, сделал распоряжение: «...В Иоанно-Златоустовском приделе в течение года, кроме великих постов, на всё будущее время неотложно совершаемы были Божественные литургии, с поминовением Святителя Иоанна за упокой и панихидами по нём. Да сопричтет его Господь Бог к лику святых угодников Своих, и молитвами его помилует и спасёт нас грешных, почитателей святой памяти его!» [11, с. 334].

После кончины митрополита Иоанна память о нем сохранялась в устной традиции тоболяков, о чем свидетельствовал А.И. Сулоцкий, который писал в 1853 г.: «...К сожалению, нет возможности удовлетворить вполне любопытству чтущих память святителя: современники для себя не имели нужды вести записок о его жизни и делах, преемники довольствовались рассказами стариков» [12, с. 10].

В первую очередь, к личности Иоанна Максимовича обратились местные исследователи, среди которых особое место занимает протоиерей А.И. Сулоцкий, известный церковный историк и краевед. Он один из первых подготовил и опубликовал жизнеописание митрополита Иоанна Максимовича, работая над историей Тобольской иерархии в 1849 г. [12, с. 100]. В 1863 г. появилось исследование, написанное тюменским историком Н.А. Абрамовым [13].

Серьезный интерес к творчеству и практической деятельности Иоанна Максимовича наблюдался в сочинениях конца XIX – начала XX в. Именно в данный период была востребована личность, которая была бы способна соответствовать новому стилю жизни, связанному с идеей народного просвещения, милосердием и взаимопомощью. Это стало своего рода национальной задачей. Несмотря на то, что митрополит Иоанн Тобольский

не был канонизирован, его миссионерская деятельность, подвижнический труд как никогда были востребованы, причем в масштабе страны. На рубеже веков были переизданы «Очерки жития митрополита Тобольского и всея Сибири Иоанна Максимовича» [14]. Желание рассказать о героическом пути подвижника предпринимали и рядовые священники. Очерки о нем подготовил протоиерей Тобольской епархии А.М. Карпинский. Образ митрополита Иоанна идеализирован. Он предстает как «достойный преемник блаженного Феодосия Угличского», «просвещенный пастырь церкви... непостыдный делатель на ниве Христовой», «проповедник, подвижник, почитатель государя и верный Сын Отечества» [15, с. 16–17].

В тексте, составленном П.В. Остроуховым, появляются новые, достойные внимания эпизоды: живописное описание огромных просторов Отечества на примере Тобольской епархии, умственное и нравственное состояние паствы, которое подчеркивало тяжелые условия служения митрополита [16, с. 73].

Таким образом, в духовной литературе был сформирован образ православного святого, который нес просвещение и посвятил свою жизнь подвигу апостольского служения. Вместе с тем, в биографических сочинениях проступает образ героя – борца с язычеством, миссионера, заступника и предстоятеля перед Господом за жителей Тобольска, героя-целителя и избавителя, столь хорошо знакомого народному сознанию.

Лишь спустя 200 лет после кончины архипастыря встал вопрос об официальной канонизации, тем более что место захоронения Иоанна почиталось народом и к нему обращались за помощью в исцелении болезней. В 1913 г. епархиальный съезд духовенства и церковных старост, а также жители Тобольской губернии обратились с просьбой к епископу Варнаве (Накропину) и с ходатайством к императору Николаю II о церковном прославлении Иоанна Тобольского. Этот процесс был довольно растянут во времени. Церковно-государственная машина действовала медленно. Святейший синод принял решение о создании комиссии в составе четырех духовных лиц и одного светского – местного вице-губернатора – для изучения чудес, освидетельствования гроба и останков святителя [17, с. 10].

В декабре 1915 г. Синод с разрешения императора Николая II поручил архиепископу Литовскому Тихону посетить Тобольск и на месте выяснить обстоятельства существующего местного почитания и предпринятых уже мероприятий к всероссийскому прославлению. Архиепископ Тихон вскоре письменно заверил Синод о праведной жизни митрополита, его блаженной кончине, особо отметив глубокое почитание памяти среди мирян, и о чудесном излечении, исходящем от его останков [18, с. 7]. При этом сам архиепископ записал 17 новых рассказов о чудесах, которые должны были войти в житие новоявленного святого. Синод подготовил Николаю II

доклад, в котором предлагал причислить митрополита Тобольского и Сибирского Иоанна к лику святых, а останки его – святые мощи – оставить в гробнице для поклонения и чествования [19, с. 10].

*Рис. 2. Крестный ход в день прославления св. Иоанна митрополита Тобольского.
11 июля 1916 г.*

В 1916 г., в кризисное для России время, церковь предприняла попытку усилить роль православия, напомнить о служении вере и Отечеству. Обществу требовался святой покровитель, который вызвал бы в исторической памяти россиян образы, связанные с идеей бескорыстного служения и смирения. Быть может, поэтому вновь внимание было обращено к личности Иоанна Максимовича. Имя митрополита Иоанна Тобольского вновь объединила, как в петровское время, такие, казалось бы, далекие территории, как Украину, Сибирь, Дальний Восток.

12 февраля 1916 г. Синод принял решение о канонизации митрополита Иоанна. Ко времени прославления святителя были написаны иконы (рис. 1) и напечатано житие святого большим тиражом. Торжественное прославление состоялось 10 июня 1916 г. в Тобольске. Чин прославления возглавил митрополит Московский и Коломенский Макарий (Невский) с 12-ю архиереями при огромном стечении народа – в город с населением в 20 тыс. чел. на торжество прибыло более 30 тысяч верующих со всей Российской империи. Из Москвы в Тобольск были доставлены

специально изготовленные на пожертвования москвичей серебряный ковчег и резной кипарисовый гроб для мощей святителя. Слова и проповеди на заупокойном всенощном бдении 8 июня, на заупокойной литургии 9 июня, на всенощном бдении при прославлении митрополита 9 июня произнес протоиерей Иоанн Восторгов [20, с. 412–413]. Мощи святителя Иоанна были поставлены для поклонения в Софийском кафедральном соборе. В день прославления был совершён торжественный крестный ход (рис. 2) и на площади у Софийского собора по окончании шествия состоялся молебен новому святому (рис. 3).

*Рис. 3. Молебен в день прославления св. Иоанна митрополита Тобольского.
11 июля 1916 г.*

В дальнейшем имя нового святого было присвоено 11 июня 1916 г. Тобольскому учительскому институту, а 12 июня в деревне Малочусовой Курганского уезда Тобольской губернии во имя святителя Иоанна был освящен престол нового храма.

Таким образом, можно констатировать следующее. Несмотря на очень короткий срок служения митрополита Иоанна в Тобольске, светлая память о нем как о пастыре сохранялась и передавалась из поколения в поколение среди тоболяков. Местные жители стремились как материально (памятники над могилой, каменный придел), так и духовно (крестный ход, панихида, многочисленные жития, посвященные святителю) закрепить образ святителя в народной памяти. После официального прославления в лике святых Русской Православной Церкви память о нем распространилась не только в региональном, но и в общероссийском масштабе.

1. Фомин С. Последний царский святой. Святитель Иоанн (Максимович) митрополит Тобольский, Сибирский чудотворец. Спб.: Общество Святителя Василия Великого, 2003. 702 с.
2. Тутолмин С.Г. Житие святителя Иоанна (Максимовича) митрополита Тобольского и все Сибири. Тобольск, 1916. 40 с.
3. Славин Н.П. Иоанн Максимович митрополит Тобольский, бывший архиепископ Черниговский. Чернигов, 1892. 16 с.
4. Шильникова Т.В. Идеализация Иоанна Максимовича в православной традиции XIX – начала XX в. // Изв. Уральского гос. ун-та. 2008. № 59. Сер. 2, Гуманитарные науки. Вып. 16. С. 184–195.
5. Иоанн (Максимович) // Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2010. Т. 23. С. 219–230.
6. Митрополит Тобольский и всея Сибири, Иоанн Максимович // Тобольские епархиальные ведомости (ТЕВ). Неофиц. отд. 1912. № 13. С. 279–285; № 14. С. 307–314.; № 15. С. 332–340.
7. Ордовский-Танаевский Н. А. Воспоминания. Спб.: РиО, 1993. 593 с.
8. Денисов М. Святитель Иоанн Тобольский и история его прославления // Сибирь православная. 2007. № 1. С. 2–8.
9. К биографии митрополита Тобольского и Сибирского // ТЕВ. Неофиц. отд. 1897. 16 ноября. № 22. С. 518–524.
10. Протоиерей Пелымский Е. День кончины митрополита Иоанна (Максимовича) в Тобольске // ТЕВ. Неофиц. отд. 1912. № 13. С. 294–297.
11. Митрополит Тобольский и всея Сибири, Иоанн Максимович // ТЕВ. Неофиц. отд. 1912. № 13. С. 279–285; № 14. С. 307–314.; № 15 С. 332–340.
12. Сулоцкий А. И. Сочинения: В 3 т. Т. 2. Тюмень: Мандр и К^а, 2000. 479 с.
13. Абрамов Н.А. Иоанн Максимович, митрополит Тобольский и Сибирский // Город Тюмень. Тюмень: Софт Дизайн, 1998. С. 186–197.
14. Святитель Иоанн Максимович митрополит Тобольский и всея Сибири. Иркутск, 1916. 14 с.
15. Карпинский А.М. Иоанн Максимович, митрополит Тобольский и всея Сибири, 1651-1715 (некролог). Тюмень, 1899. 52 с.
16. Остроухов П.В. Жизнеописание святителя Иоанна (Максимовича), [Б. м.], 1915.
17. Во славу нового чудотворца святителя Иоанна Тобольского. Сергиев Посад, 1916. 32 с.
18. К открытию мощей великого угодника Божия Иоанна, митрополита Тобольского и всея Сибири чудотворца. М., 1916. 14 с.
19. Святитель Иоанн Максимович митрополит Тобольский и всея Сибири во дни прославления его 10 июня 1916 г. М., 1916. 16 с.
20. Тихомиров Н. Тобольские торжества // ТЕВ. 1916. № 23-24. Офиц. отд. С. 407–416.

4.2. ПРОФЕССОР А.И. АРНГОЛЬДТ – ДИРЕКТОР ТОБОЛЬСКОЙ МУЖСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ГИМНАЗИИ

Профессор Казанского университета, директор Тобольской гимназии и училищ Тобольской губернии А.И. Арнгольдт оказал большое влияние на развитие народного образования в регионе в начале XIX в. Благодаря Арнгольдту начала складываться система образования, в городах

Тобольской губернии увеличилось количество училищ. Была предпринята попытка открыть школы в селах.

В Тобольской губернии к началу XIX в. насчитывалось четыре светских учебных заведения: главное народное училище в Тобольске и три малых народных училища в Тюмени, Таре и Туринске, открытых в 1789 г.

После принятия «Предварительных правил народного просвещения» в 1803 г. и «Устава учебных заведений, подведомых университетам» 5 ноября 1804 г. в Российской империи началась реорганизация системы образования. Устав 1804 г. способствовал преобразованию школьной системы, созданной в конце XVIII в., предусматривая замену главных и малых народных училищ. Новая система образования состояла из 4 ступеней: университеты, гимназии, уездные училища и приходские школы. Между ступенями должна была осуществляться преемственность. Страна делилась на 6 округов по количеству университетов. Учебные заведения Западной Сибири находились в ведении Казанского учебного округа. Гимназии подчинялись университетам.

В каждом губернском городе должна была находиться одна гимназия. Во всех губернских и уездных городах предполагалось наличие хотя бы одного уездного училища. Каждому церковному приходу или двум вместе в губерниях, уездных городах и селениях следовало иметь по крайней мере одно приходское училище.

Значимую роль в развитии народного образования в Зауралье сыграл директор училищ Тобольской губернии и мужской губернской гимназии профессор А.И. Арнгольдт [1, с. 291–296]. Адам Иванович родился в 1785 г. Сын немецкого ювелира, приехавшего в Россию. В 1804 г. в звании провизора поступил в Петербургскую медико-хирургическую академию. В 1807 г. окончил академию со званием кандидата хирургии. Служил при Петербургском морском госпитале лекарем, затем был определен на Балтийский флот. Став медиком-хирургом, служил в Казанском адмиралтействе. Утвержден 29 февраля 1812 г. первым профессором кафедры хирургии и повивального искусства Казанского университета. При отсутствии акушерской клиники Арнгольдт проводил со студентами практические занятия на фантоме. Для облегчения обучения перевел с немецкого и издал на русском языке работу Ф. Мартинса «Обозрение практического родовспомогательного искусства, начертанное в таблице». Это был первый учебник по акушерству, изданный в Казани в 1813 г. В 1815 г., вступив в конфликт с ректором университета И.Ф. Яковкиным, профессор был вынужден на два года уехать в Тобольск.

В 1815–1816 гг. Арнгольдт начал настоящую реформу в сфере образования региона, стремясь не в теории, а на практике выстроить систему, состоящую из гимназии, уездных и приходских училищ, как это и было предусмотрено нормативными документами того времени.

После открытия 12 марта 1810 г. в Тобольске гимназии, первой в Сибири, началась подготовка к преобразованию малых народных училищ Тюмени, Тары и Туринска в уездные. В Тюмени имелся весьма пространный дом для удобного размещения уездного училища и учителей. На исправление имеющихся «ветхостей» общество приговором выделило единовременно 700 рублей [2, л. 2]. В Таре для училища нашли вместительный и довольно удобный дом, нуждающийся в исправлении. Следовало также заново построить снесенный флигель, принадлежащий училищу. В Туринске один мещанин обязался выстроить дом. Строительство дома заканчивало городское общество, заплатив 800 руб., принадлежащих училищу, по причине бедности мещанина.

Уездные училища были запланированы к открытию в Ишиме, Кургане, Ялуторовске и Березове. Ишимское общество своим приговором обязалось купить или выстроить под уездное училище дом. По этому случаю в городе организовали подписку добровольных пожертвований. Между тем купец Еманаков предложил свой собственный удобный дом для помещения училища на первый год «безденежно» [2, л. 2 об.]. Общество также выделило 150 руб. на покупку книг для училища. В Кургане было решено выделить «навсегда» под классы училища три учебные комнаты, а для учителей и смотрителя квартиры. На покупку книг при открытии школы горожане обязались внести 50 рублей. В Ялуторовске общество определило 250 руб. на постройку дома для училища. Однако один почтенный купец 10 августа 1815 г. обязался выстроить для училища каменный дом с тремя классами. В 1816 г. постройка подходила к завершению. В Березове общество обязалось купить удобный дом и сделать к нему необходимую пристройку, на что было пожертвовано 499 руб. 50 копеек. Данная сумма была потрачена на покупку дома.

Перед городскими и сельскими обществами Арнгольдтом ставился вопрос и об открытии приходских училищ в Тобольске, Тюмени, Таре, Туринске и Кургане. Тюменское общество приговором решило выделить на содержание двух приходских училищ по 300 руб. В Таре общество обязалось ежегодно вносить 250 руб. на содержание одного училища. В Туринске горожане дали согласие выделять 300 руб. на одно училище каждый год. Курганское общество согласилось вносить 250 руб. на содержание одного училища.

В сельской местности также планировалось открытие приходских училищ. Сельские общества приговорами обязывались: а) выстроить для размещения училища и учителя приличный дом; б) отопливать и освещать оный за счет общества; в) выделять ежегодно на жалование учителя и книги по 250 рублей.

В Тюменском округе школы согласились открыть в Еланском, Покровском, Успенском и Каменском комиссарствах; в Тарском округе – Знаменское, Такмыцкое и Слободчиковское комиссарства; в Туринском –

Усениновское (2 училища), Липовское, Пелымское; в Курганском – Крошинское, Моревское, Утятское, Белозерское комиссарства; в Ялуторовском – Слободобешкильское, Новозаимское, Казатское; в Омском – Тюкалинское (2 училища) и Сыропятское; в Ишимском – Бердюжское, Петропавловское, Черемшанское, Малышинское комиссарства. Всего 25 сельских приходских училищ.

Не находя поддержки у губернских властей в деле развития образования, директор гимназии обратился 23 января 1816 г. в правление Казанского университета. Арнгольдт писал о согласии городского общества Тобольска открыть три приходских училища в соответствии с указом 24 января 1803 г. [3, л. 7]. Далее Арнгольдт сослался на статью 48 предварительных правил, где выражалась надежда, что «все благонамеренные граждане при устройении училищ вспоможествуя правительству патриотическими приношениями и пожертвованиями честных выгод общей пользы, приобретут особенное и преимущественное право на уважение своих соотчичей и на торжественную признательность учреждаемых ныне заведений, имеющих возвысить в нынешнее и утвердить на предбудущее время благосостояние и славу их Отечества» [3, л. 7–7 об.].

Ссылаясь на статьи 118 и 162 Устава учебных заведений, директор гимназии 15 апреля 1816 г. написал рапорт министру народного просвещения А.К. Разумовскому. На основании указанных статей в каждом приходе должно было находиться одно приходское училище на иждивении общества. Вступив в должность директора училищ, Арнгольдт таковых училищ в губернии не нашел и начал взаимодействовать с губернатором и обществами об учреждении училищ «сообразно» воле царя [4, л. 3]. Директор объехал губернию и убедил общества при содействии гражданских чиновников на местах учредить и содержать училища. Благодаря данной поездке в 1815 г. было дано добровольное согласие и собрано законных обязательств на открытие 31 приходского училища в городах и на селе.

Арнгольдт привел министру причины, на основании которых следовало открывать школы именно в данном регионе: 1) В Тобольской губернии проживали в основном казенные крестьяне, селения их были весьма отдалены друг от друга по причине обширности уездов. Уезды делились на 35 комиссарств, состоящих из 149 волостей. Каждый уезд управлялся исправником, каждое комиссарство комиссаром, при котором находился писарь. В волости старшина вместе с писарем из крестьян состоял на иждивении общества. 2) Не имея средств на обучение крестьян грамоте, в писаря нанимались вопреки правил разного рода люди «для крайнего отягощения» сельских обществ [4, л. 3 об.]. 3). При недостатке грамотных людей принимались «чисто по необходимости люди развратных нравов», весьма вредно действующие на селян [4, л. 3 об.].

4) По причине недостатка грамотных писари получали большую плату и другие выгоды, что вело к значительным расходам крестьян. 5) При этом многие писарские места оставались не замещенными, от чего происходил беспорядок в делах и в самом управлении. 6) Безграмотные крестьяне не могли в точности знать прописанных в законах своих обязанностей, сущности христианской религии; не имели способов к улучшению своего благосостояния, совершали преступления по неведению.

Эти причины Арнгольдт считал важными для открытия намеченных училищ. Директор гимназии довел до сведения министра о затруднениях к успешному исполнению воли монарха. Из 31 приходского училища, планируемого к открытию, были заведены только три в Тобольске. На них гражданским начальством было разрешено отпускать отведенную обществом сумму только через 12 месяцев, с 8 апреля 1816 г. К устройству прочих училищ не приступали. Причин, по сообщениям исправников, было несколько. Во-первых, местами еще не последовало разрешения от высшего начальства в соответствии с обязательствами, данными обществами. Во-вторых, некоторые сельские общества от исполнения своих законных приговоров начали отказываться, ссылаясь на отсутствие достатка, занятия полевыми работами, отдачу в рекруты, сбор недоимок, нехватку леса на постройку домов для училищ.

Между тем, Арнгольдт считал собранные им приговоры обществ обязательными документами, данными казне. По мнению директора гимназии, обязательства эти следовало безоговорочно исполнить. При выполнении обязательств на каждую «платящую» душу приходилось от 15 до 30 коп. в год.

Арнгольдт просил министра повлиять на губернские власти для скорейшего открытия приходских училищ, «заведение коих в краткое время может принести великие выгоды здешней губернии» [4, л. 4–4 об.].

В связи с предполагаемым открытием училищ необходимо было найти учителей. Арнгольдт предлагал министру народного просвещения обратиться к Синоду о направлении из Тобольской семинарии до тридцати наиболее способных учеников для назначения их в школы учителями.

Педагогический коллектив гимназии поддержал своего директора. Преподаватели письменно обратились к Арнгольдту со словами благодарности за проделанную работу по открытию школ. В числе педагогов, подписавших послание, был И.П. Менделеев.

Бывший министр народного просвещения А.К. Разумовский не мог помочь Арнгольдту, так как последние два года делами министерства не занимался, и в августе 1816 г. получил отставку по собственной просьбе.

Одной из основных причин задержки реформы в сфере образования в Тобольской губернии в начале XIX в. следует считать отсутствие поддержки со стороны государства. Затраты, связанные с открытием новых школ, целиком возлагались на городские и сельские общества.

Государство, в свою очередь, начиная с 1812 г., сокращало затраты на образование.

Таким образом, инициатива Арнгольда по открытию сельских приходских училищ в Tobольской губернии в начале XIX в. осталась не реализованной. Представления Арнгольда о реальной пользе образования для населения расходились с целями, поставленными правительством при открытии училищ. Устав учебных заведений содержал общие положения, малопонятные народу. Не учитывались реалии российской действительности, менталитет населения, региональные особенности. Составители данного документа были далеки от нужд, запросов и чаяний народа.

Крестьяне видели на примере писарей пользу в получении образования, однако были не готовы регулярно выделять деньги на содержание приходских школ. Старая форма обучения на дому была более предпочтительна, так как являлась привычной и понятной для селян, несмотря на сомнительное качество получаемых знаний. Арнгольдт, убеждая крестьян в пользе училищ, кратковременно смог повлиять на сельские общества выделить средства на открытие школ, аргументировано доказывая крестьянам, что их дети только выиграют от получения образования в школе.

Данную реформу Арнгольдт завершить не успел, так как весной 1817 г. был отозван в Казанский университет на должность публичного ординарного профессора. После его отъезда школы в сельской местности так и не открылись. Однако появились уездные училища в городах губернии и приходские училища в Tobольске, что во многом являлось заслугой профессора Казанского университета Арнгольда.

Даже после отбытия профессора ощущалось его влияние на развитие образования в Tobольской губернии. Книги, приобретенные Арнгольдтом на свои средства, были подарены Ишимскому уездному училищу после его открытия 1 октября 1817 г., послужили основой для создания фундаментальной библиотеки учебного заведения. Имелись подаренные Арнгольдтом книги и в библиотеке Tobольской губернской мужской гимназии.

Профессор Арнгольдт вернулся в Казань, где еще несколько лет преподавал в университете, затем окончательно расстался с преподаванием по причине недовольства мелочным контролем со стороны руководства вузом и занялся частной медицинской практикой.

1. Загоскин Н.П. История Императорского Казанского Университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Казань: Типо-литография Императорского Казанского Университета, 1902. Т. 1. 567 с.
2. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 609.
3. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 607.
4. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 608.

4.3. «СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ» В ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОМ ЛОКУСЕ ТОБОЛЬСКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – СЕРЕДИНЫ XX ВВ. (МУЗЕЕФИКАЦИЯ ФЛИГЕЛЯ УСАДЬБЫ А.А. ДУНИНА-ГОРКАВИЧА)*

Общей тенденцией развития зарубежной и отечественной исторической науки конца XX – начала XXI вв. является оформление исследовательских направлений, базирующихся на историко-антропологическом подходе и акцентирующих внимание на частном аспекте макроистории, малых жизненных мирах, отдельных семьях и персональных сюжетах.

Выдающийся ученый-гуманист, пропагандист исторического краеведения, предтеча таких современных течений как локальная история, культурная антропология, микроистория академик Д.С. Лихачев еще в 1985 г. емко и лаконично определил важный нравственный принцип отношения к прошлому. «Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саду, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, – значит, он не любит их. Если человек не любит старые улицы, старые дома, – значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны – он, как правило, равнодушен к своей стране» [1, с. 51].

Эти слова непревзойденного интеллектуала своего времени вполне выражают руководящую идею к действию как практикующего специалиста, причастного к делу реконструкции частной, семейной и коллективной исторической памяти, так и мыслящего гражданина, придающего должное значение своей малой родине.

Для полноценного изучения истории повседневности тобольских семей в границах локальной истории необходимо формирование просопографической базы данных. Этот сегмент исследования является приоритетным в научной деятельности сотрудников Музея истории освоения и изучения Сибири им. А.А. Дунина-Горкавича.

Хронологические рамки исследования на данном этапе ограничены второй половиной XIX – серединой XX вв. С целью ретроспективного анализа истории повседневности семей г. Тобольска целесообразно включить в ареал изучения вторую половину XX столетия, что позволит расширить тематическую базу и проследить трансформационные процессы феномена повседневности. Результатом теоретического исследования станет его практическое применение, представление собранного историко-биографического материала в музейном проекте.

* Работа подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2014-0023 «Динамика социокультурных процессов в Западной Сибири как полиэтническом регионе в XVIII – начале XX вв.».

Идея создания подобной экспозиции на тобольской земле порождена социокультурными вызовами, которые современность предъявляет научному и музейному сообществу. Актуальность проекта подтвердил и тот факт, что знаменитый уроженец нашего города Юрий Сергеевич Осипов во время своего визита в Тобольск в августе 2016 г. высказал пожелание о музеефикации флигеля усадьбы А.А. Дунина-Горкавича.

Последнее время в гуманитарных науках появляется все больше работ, рассматривающих фотоматериалы как источники, содержащие неповторимую информацию. Семейный фотоальбом в историко-культурном прочтении имеет более сложное значение. Это своего рода визуальный документ индивидуализированной истории, бытовавший и реализованный в пространственно-временном локусе (конкретном хронологическом отрезке в точно заданной географической точке). В данном случае семейный портрет – не только источник по изучению локальной истории, но и смыслообразующий символ, материальное воплощение памяти, а также идейно-художественное и эмоциональное ядро музейной экспозиции, призванной к раскрытию темы семейной истории в рамках культуры повседневности.

Термин «семейный портрет» означает обобщенную модель, объединяющую судьбы членов одной семьи, а также их современников в определенном хронотопе – городской среде Тобольска второй половины XIX – середины XX вв. Поэтому сценарно экспозиция будет решена в форме знакомства с семейным фотоальбомом в сопровождении соответствующих комментариев участников давних событий.

Корпус материалов, используемый для изучения и формирования музейного текста, весьма внушителен. Основным объектом исследования оказались источники личного происхождения: фотоматериалы частных архивов Ю.С. Осипова, О.Л. и Е.Л. Беликовых, Н.В. Болсуновой, Т.Г. Плехановой, воспоминания, эпистолярные, автобиографии и записи бесед с информаторами. Фонды государственных архивов Тобольска, Томска, Кургана, национального архива Республики Татарстан, Центрального исторического архива Москвы – богатая информационная база о рождении, заключении браков, составе семьи, учебной и профессиональной деятельности и других моментах семейной истории. В круг изучения попали документы БТИ и музейные коллекции Тобольска.

Здание, предназначенное для музеефикации – жилой флигель в западной части усадьбы исследователя Сибири А. Дунина-Горкавича, – является памятником истории и культуры первой половины XX в., имеющим мемориальное значение. В связи с муниципализацией недвижимого имущества в 1924 г. бывший хозяин покинул основной дом усадьбы. Благодаря ходатайству Российской академии наук, Тобольский окружной исполнительный комитет, принимая во внимание научные заслуги А.А. Дунина-Горкавича, предоставил ему в пожизненное

безвозмездное пользование флигель, расположенный внутри двора [2, с. 96–97].

В то время флигель представлял собой одноэтажный бревенчатый дом, имеющий протяженность с севера на юг. В комнатах были угловые камины. Два крыльца дома выходили на восток во внутренний двор усадьбы. Парадный вход находился с западной стороны, что предполагает наличие переулка между территорией Ильинской церкви и усадьбой А. Дунина-Горкавича. Площадь флигеля 184,8 кв. м., высота помещения – 2,8 м. Внутренние помещения состояли из двух столовых, пяти спален, кухни. С северной части дома были пристрои из теса для дровяника и кладовой [3, л. 8–9].

Здесь ученый проживал с женой А.Е. Вергуновой и ее племянницами, взятыми на воспитание, с 1924 по 1927 гг. После смерти А. Дунина-Горкавича Анна Евангеловна уступила две комнаты, которые ранее занимали с мужем, семье Осиповых. Так флигель усадьбы одного известного российского и советского ученого стал первым домом для другого – выдающегося математика, специалиста в области механики, доктора физико-математических наук, академика Юрия Осипова, чья научная карьера тоже охватила советский и российский период истории нашей страны.

Благодаря этой счастливой преемственности, ключевыми фигурами музея станут бывший Президент Российской академии наук Ю. Осипов* и ученый всесоюзного значения А. Дунин-Горкавич, а также члены их семей.

Первоначально оформление экспозиции предусматривалось в двух комнатах левого крыла флигеля. Однако, учитывая большое количество документального материала и особенности залов (присутствие оконных проемов и отопительной печи, отнимающие значительную часть экспозиционного пространства), необходимо музеефицировать третью комнату, прихожую и коридор. Таким образом, общая площадь, предполагаемая для музеефикации, в среднем, составит 68,44 кв.м.

В основу научной концепции положены систематический и хронологический подходы организации экспозиции, музейно-образный, ансамблевый и интерьерный методы музейного показа. Объективная задача исследователя-экспозиционера заключается в воссоздании атмосферы дома и городского пространства, современного героям музея.

Входная часть экспозиции в вестибюле музея будет выступать в качестве пролога истории. Здесь планируется разместить материалы по истории флигеля в структуре усадьбы: архитектурные планы и архивные документы о переоборудовании хозяйственных помещений под жилой дом. Для создания атмосферы времени предлагается сформировать

* Ю.С. Осипов возглавлял Российскую академию наук с 1991 г. по 2003 г.

визуальный ряд с использованием видовых фотографий тобольских фотоателье, отражающих самобытный ландшафт ближайших улиц начала XX в.

Тематические комплексы первого и третьего залов музея включают истории семей и биографические данные матери и отца Ю.С. Осипова. В центральном зале развернется экспозиция, презентующая личность Ю.С. Осипова*. В этой комнате по большей части прошло детство будущего ученого, здесь было его освоенное домашнее пространство. Вероятно, столь экспрессивная страница семейного альбома как тема тобольского детства привлечет внимание посетителей, а фотопортреты родителей – Сергея Филипповича Осипова и Натальи Станиславовны Кевлич – явятся духовно-эмоциональными доминантами всей экспозиции. Образно такое расположение тематико-экспозиционных блоков воплотит две линии родства основного персонажа – отцовскую и материнскую, два символических крыла, так необходимые для благополучного и красивого «полета» человека в жизненном путешествии.

Биографическое полотно предков Ю.С. Осипова напоминает цветной витраж, на котором луч истории высвечивает наиболее уникальные сюжеты. Судьбы семей Кевлич, Аристовых, Ремезовых и Осиповых во многом неповторимы, но в некоторых моментах типичны для российской истории конца XIX – XX вв.

Мать Юрия Сергеевича Наталья Станиславовна Кевлич происходит из дворянского польского рода. Род Кевличей являлся носителем герба Лелива («Смотреть и Видеть» – *древнепол.*). В составе экспонатов нелишне продемонстрировать изображение герба Кевличей (перевернутый золотой полумесяц на лазоревом поле, над которым золотая шестиконечная звезда, а в верхней части нашламник в виде павлиньего хвоста).

Именно представители польской ветви предков Ю.С. Осипова братья Михаил и Бернард Кевличи первыми появились на сибирской земле. Прадед Ю. Осипова Михаил Мартынович в 1864 г. был сослан на жительство в Курган из Ошмянского уезда Виленской губернии за участие в повстанческом движении под надзор полиции. За ним добровольно последовала его жена, Винцентина Карповна, уроженка г. Полоцка Витебской губернии [6, л. 4]. Их первый сын Станислав (дед Ю.С. Осипова) родился уже в г. Кургане. Курганский период жизни проиллюстрирует групповая фотография семьи, сделанная, примерно, в 1871 г.

С Тобольском С. Кевлич впервые познакомился в конце 1870-х гг., когда проходил обучение в мужской гимназии, после окончания которой он почти на 10 лет покинул город.

* В целях соблюдения хронологического принципа подачи материала маршрут следования экскурсионных групп по музею объективно начинать в зале № 1, продолжать в зале № 3 и завершать в зале № 2.

Во время учебы в Казанском Императорском университете произошло знакомство и скорое заключение брака С.М. Кевлича и М.П. Аристовой. Вместе они счастливо прожили 23 года и воспитали четверых детей. Студенческая пора Станислава и Марии Кевличей в г. Казани предстанет перед посетителями в виде фотографий и документов из архива Республики Татарстан [7, лл. 7, 12–15].

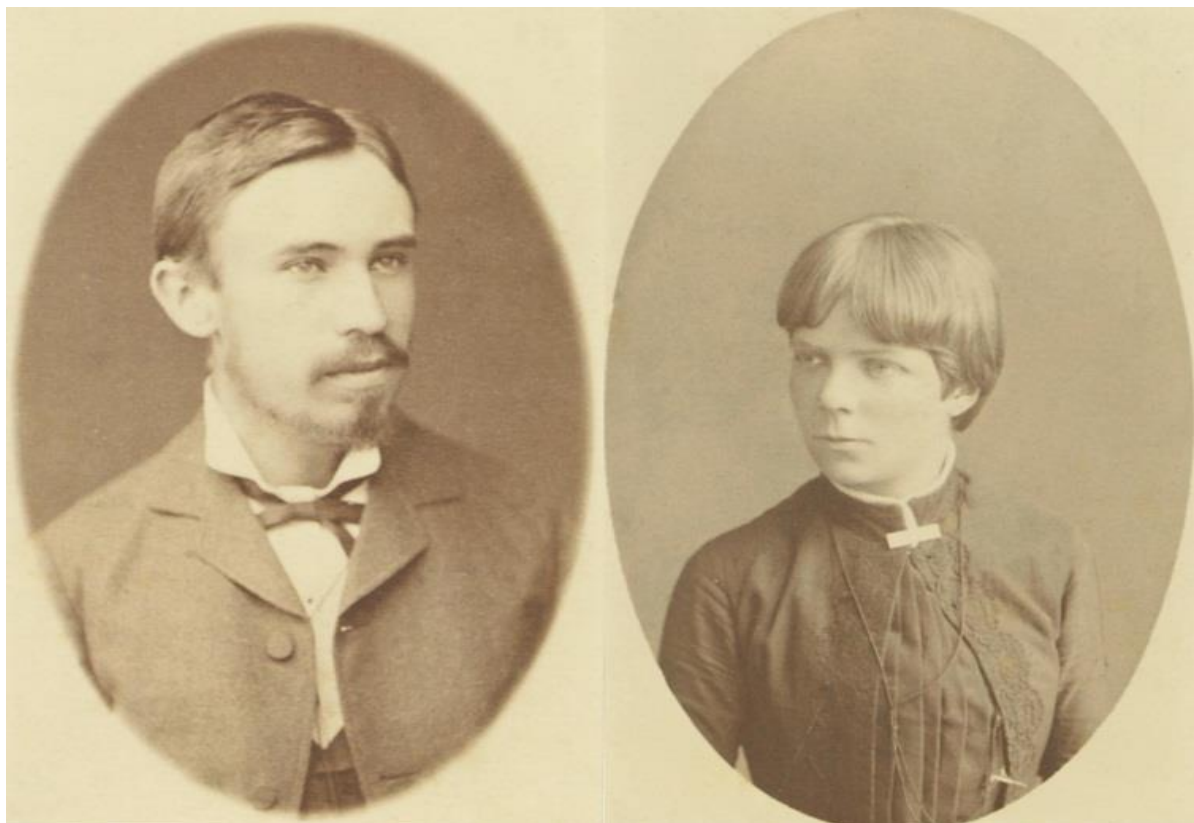

Рис. 1. Дедушка и бабушка Ю.С. Осипова по материнской линии: Станислав Михайлович Кевлич и Мария Павловна Кевлич (Аристова). г. Казань, конец XIX в.

По завершении курса обучения на медицинском факультете молодой врач с супругой и новорожденной дочкой отправляется в Сургут на замещение должности городского врача. Острые фрагменты службы в Сургуте возможно показать деловой перепиской С. Кевлича и сургутского исправника Кыштымова. Захватывающий по накалу страстей и, к сожалению, классический для того времени сюжет борьбы благородной инициативы доктора, выполняющего свои обязанности, с образцовым бюрократизмом представителя местной власти.

В Тобольске супруги Кевличы окончательно обосновались в конце 1895 г., а в мае следующего года у них родилась дочь Наталья, в будущем мать Ю. Осипова.

За 18 лет жизни в Тобольске С.М. Кевлич проявил себя как профессионал своего дела, человек высокого уровня образования, культуры и активной гражданской позиции, надолго оставшись в памяти

городских обывателей. Он работал как практикующий врач в Тобольской губернской больнице, каторжной тюрьме, заведовал психиатрическим отделением больницы Приказа общественного призрения, приемным покоем арестантского отделения и сельской больницей, вел производство химико-микроскопических исследований по судебным делам, состоял членом городской врачебной управы, преподавал в повивальной школе и на курсах сестер милосердия общины Красного креста, был почетным мировым судьей [5, с. 166–184].

Дети С. Кевлича – старшие Нина и Владимир, младшие Наталья и Николай – были выпускниками тобольских гимназий. Сыновья получали высшее образование в Электротехническом институте Императора Александра III в Санкт-Петербурге, Нина была слушательницей высших женских Бестужевских курсов, Наталья, окончив словесное отделение дополнительного педагогического класса Мариинской гимназии, в течение двух лет училась на Московских высших женских курсах.

Революция 1917 г. застала их в столице. К этому времени относится исключительно ценный документ – письмо Николая Кевлича, адресованное матери в Тобольск из Петрограда, охваченного революционными событиями.

Жизненный путь Николая (1897–1920 (21)), младшего и горячо любимого сына и брата, о котором в семье сохранились самые трогательные воспоминания, окончился трагично и обидно рано. Совсем юным он попал в мясорубку гражданской войны. Участвуя в белом движении армии адмирала Колчака в Сибири, он погиб в г. Томске. Копия открытого письма и фотографии Кевличей в Петрограде войдут в экспонатный ряд музея.

Дальнейшая судьба Владимира Кевлича (1893–1942 (44)) оказалась связана с Ленинградом. Он служил старшим инженером турбинного отдела Невдубстроя, преподавал в электротехническом институте. В 1930 г. В. Кевлич был арестован и на основании ст. 58-6 УК РСФСР приговорен к заключению в концлагерь сроком на 3 года с использованием на производстве. Умер Владимир Станиславович от дистрофии в блокадном Ленинграде, не оставив детей. По одним данным, в больнице им. Эрисмана в августе 1942 г., по другим, – в самом конце блокады за работой в цеху Путиловского завода. Цитаты блокадного дневника В. Кевлича станут яркими примерами персонального текста в рамках музейного произведения.

На долю женщин семьи Кевлич выпали испытания иного бытового характера. Галерея удивительных женских судеб откроется личностью супруги С. Кевлича Марии Павловны (1865–1928), которой пришлось после ранней смерти мужа, оставшись практически без средств к существованию, долго и тяжело оформлять пенсии и пособия на детей.

Особого внимания заслуживает персона сестры М.П. Кевлич Валентины Павловны Аристовой (1869–1940-е гг.), чья частная история будет представлена ее личными письмами. Это уникальные образцы эгоисточников, раскрывающие тяжелый жизненный путь незамужней женщины начала XX в.

Старшая дочь С. Кевлича Нина Станиславовна (1891–1984), очень умная самостоятельная девушка, отличавшаяся твердым характером, оставила свою девичью фамилию. Ее дочь Татьяна, в свою очередь, дала ее своему сыну Владимиру. Таким образом, фамилия Кевлич, благодаря потомкам женского пола, была сохранена и передалась по женской линии.

Младшая дочь Наталья Кевлич (1896–1956) прожила всю жизнь в Тобольске. Став матерью 3-х детей, она всецело посвятила себя семье и тяжелой работе в городской больнице в две смены (медицинским статистиком и ночной сестрой в психиатрическом отделении). Ее профессиональный стаж насчитывает 26 лет. Благодаря блестящему образованию, полученному в дореволюционной гимназии, Наталья Станиславовна прекрасно знала французский и немецкий языки, латынь, имела каллиграфический почерк. Два последних качества оченьгодились ей в профессии. Не имея специального образования, она была на очень хорошем счету [6, с. 98].

Для предметно-образной реконструкции женского мира конца XIX – начала XX вв. в пространство экспозиции справедливо включить символы девичьего обихода. Фотокарточки выпускниц женской Мариинской гимназии, изображения поэтов, открытки, акварельные и скульптурные миниатюры, морские раковины, декоративные вазы, использующиеся в интерьере жилой комнаты.

Самостоятельный тематический блок предполагается посвятить ближнему кругу общения Кевличей. Свое место в экспозиции займут друзья и коллеги по работе С. Кевлича – ближайший сосед Г.Д. Шубин, статский советник Н.Н. Москаленко, врач И.И. Покровский, фельдшер Н.Ф. Казачек и др. Подруги детства Нины и Натальи Кевлич – сестры Тутолмины, брат которых был замечательным врачом, популярным в Тобольске в 1940 – 1970-х гг. Приятели юности Владимира Кевлича – Борис и Сергей Городковы. Б.Н. Городков получил всесоюзную известность как ученый-ботаник, исследователь Сибири.

В этом же зале расположится важный тематический блок, посвященный А.А. Дунину-Горкавичу. Он являлся не только близким другом Станислава Кевлича, но и крестным его младшей дочери. В последние годы жизни ученый был дружен с семьей своей крестницы Натальи и ее мужем Сергеем Осиповым, которому принадлежит заслуга в сохранении ценнейшего научного архива исследователя. Фотография Александра Александровича с дарственной надписью на обороте «Моей любимой крестнице Наташе Кевлич. 19 декабря 1906 г. Тобольск»

содержится в семейном альбоме Осиповых. Безусловно, это один из самых ценных и аттрактивных экспонатов будущего музея.

Такой сценарный прием даст возможность раскрыть существенную главу местной истории. В контексте частной темы Кевличей представить профессиональную деятельность и семейную жизнь их близких знакомых Виктора Федоровича и Марии Николаевны Костюриных. Эти персоны, столь значимые для развития социокультурной жизни города конца XIX – начала XX вв., недостаточно объемно освещены в действующих экспозициях Тобольска.

Рис. 2. Дедушка и бабушка Ю.С. Осипова по отцовской линии: Филипп Александрович Осипов и Зоя Ивановна Осипова (Ремезова). г. Самара, конец XIX в.

Большой интерес представляют жители города, оставившие яркий след в памяти Ю.С. Осипова, в своих воспоминаниях он награждает их характерным эпитетом «особенные люди – семейные друзья». Это супружеская чета Львович-Кострицы (Александра Федоровна и Иосиф Максимович), племянница А. Дунина-Горкавича Нина Вергунова, подруги юности Натальи Кевлич – Мария Николаевна Городкова (Резанова) и Мария Викторовна Костюрина (Калачева). После смерти Натальи Станиславовны М.В. Калачева и М.Н. Резанова поддерживали дружеские отношения с семьей ее дочери Ирины Сергеевны Осиповой.

Основным источником реконструкции круга общения, жизненного мира семьи Кевлич, характеристики профессиональных занятий главы семейства является серия фотографий, выполненная в любительском

жанре и принадлежащая авторству В. Кевлича. Столь редкие визуальные экспонаты замечательно проиллюстрируют детали культуры повседневности горожан Тобольска первого десятилетия XX в.

Родиной происхождения семьи Осиповых является поволжский регион Российской империи. К настоящему моменту история семьи известна до 5-го колена. Дед Ю.С. Осипова по отцовской линии Филипп Александрович Осипов (1862–1898) был судебным следователем в Самаре, умер во время расследования очередного преступления 14 февраля 1898 г. В ходе патологоанатомического исследования Ф.А. Осипов вынужден был слишком низко наклониться над трупом, т.к. имел очень плохое зрение. В результате воздействия на организм трупного яда Филипп Александрович скончался. Можно предположить, что организм следователя был очень ослаблен, поскольку заражение от умершего человека возможно только при сильно пониженной сопротивляемости организма, либо в том случае, если это особо опасные инфекции (легочная чума, сибирская язва, тиф).

По имеющимся сведениям, у супругов было 7 детей. В 1895 г. на свет появились близнецы Константин и Сергей (отец Ю. Осипова). Лишившись мужа, Зоя Ивановна Осипова (1856–1902) взяла заботу о большом семействе в свои руки, но через 4 года скоротечная чахотка унесла жизнь 46-летней женщины.

В связи с внезапной кончиной З.И. Осиповой детей забрал к себе ее родной брат, советник Тобольского губернского суда Константин Иванович Ремезов, который проживал в Тобольске по улице Туляцкой в доме Корниловой вместе с матерью Анной Николаевной [8, л. 90].

Так братья Осиповы оказались в Сибири. К этому времени в живых осталось только трое из 7 сыновей – Гурий, Филипп и Сергей.

Довольно скоро в том же 1902 г. умирает их дядя К.И. Ремезов, а со смертью бабушки А.Н. Ремезовой в 1912 г. мальчики остаются круглыми сиротами. Большую роль в их воспитании сыграла набожная и благочестивая семья Г.Р. Чижа, товарища председателя Тобольского окружного суда. Густав Рафаилович и Агнесса Александровна стали опекунами осиротевших Гурия, Филиппа и Сергея Осиповых. Благодаря супругам Чиж дети получили достойное образование. Гурий учился в одном из столичных вузов, Филипп – в Киевском университете Св. Владимира, Сергей начал учебу в Московском университете, но под влиянием обстоятельств в 1919 г. подал прошение о зачислении на 2 курс юридического факультета Томского университета. Фотографии тобольских ателье, запечатлевших студентов и курсисток тех лет из фондов МИОИС, студенческие дела братьев Осиповых из государственных архивов войдут в тематический блок о российском студенчестве рубежа веков. Здесь разместятся материалы, касающиеся друзей и приятелей Гурия, Филиппа и Сергея периода обучения – К. Маляревского, И. Марейна, С. Кузанова, Н. Марушевского, А. Савиных и др.

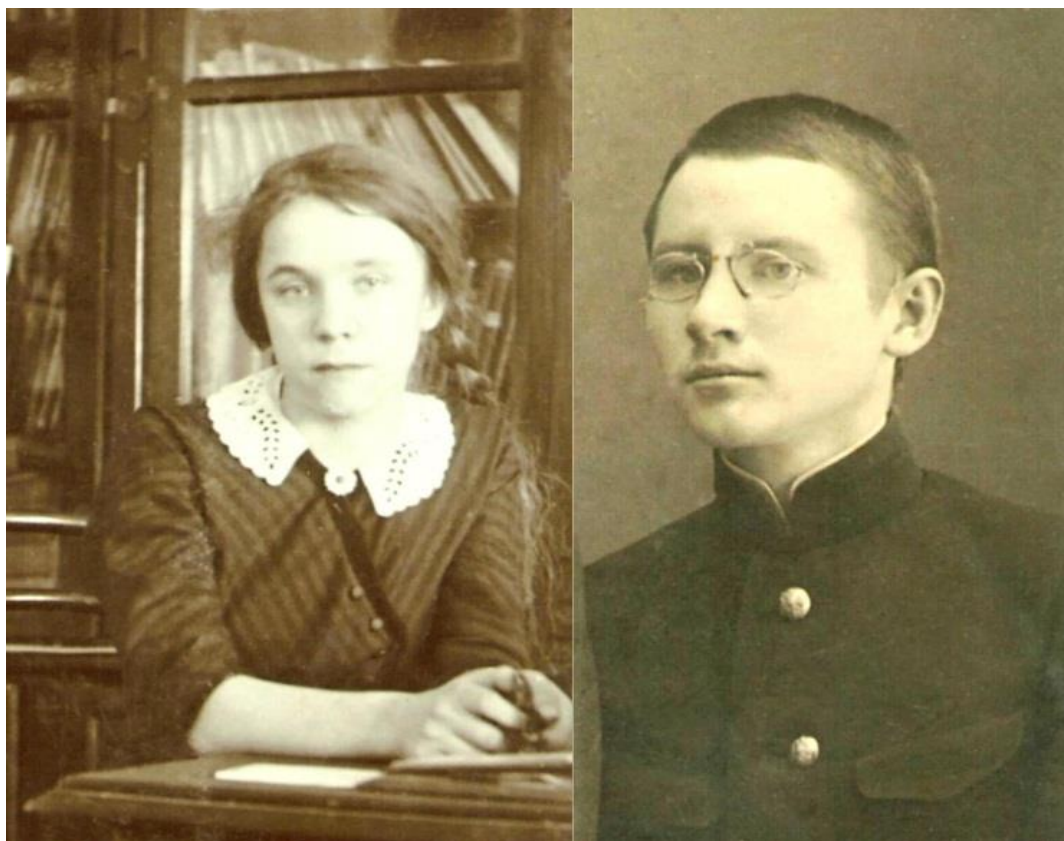

Рис. 3. Мать и отец Ю.С. Осипова: Наталья Станиславовна Осипова (Кевлич) и Сергей Филиппович Осипов. г. Тобольск, н. XX в.

Все три брата Осиповых оказались жертвами века, в их судьбу также вмешались события сурового XX столетия – гражданская война и репрессии 1930-х гг. В 1921 г. погиб старший брат Гурий. Средний Филипп (1894–1960) участвовал в Первой мировой войне на австрийском фронте. После октября 1917 г. демобилизовался и вернулся в Тобольск, но вскоре вошел в формирующуюся белую гвардию и был назначен командующим ротой. В звании капитана в составе армии «белого рыцаря», знаменитого генерала В.О. Каппеля он участвовал в страшном ледовом походе, за что был награжден знаком отличия «За Великий сибирский поход». В условиях 50-градусного мороза войска проделали 3000-вёрстный путь от Омска до Забайкалья. Последний бой армия приняла под Хабаровском зимой 1921–1922 гг., затем остатки 2-го Армейского корпуса ушли через границу в Маньчжурию. В Харбине Ф.Ф. Осипов преподавал в русской гимназии, затем, приняв сан священника, служил в православных храмах Китая. В конце жизни в 1957 г. жил в Австралии, где и похоронен.

Не менее трогательна и богата драматическими событиями судьба Сергея Филипповича Осипова (1895–1956). Осенью 1919 г. в Богоявленской церкви г. Томска он обвенчался с девицей Н.С. Кевлич. Вероятно, в следующем году с Сергеем случилась трагичная, почти детективная история, о которой в семейном предании сохранились весьма загадочные пояснения. Только что женившийся 25-летний юноша получил

тяжелую инвалидность, ему ампутировали ногу. По официальной версии семьи, на него упал тяжелый шкаф с книгами, возникла угроза саркомы, ногу отняли выше колена. Однако Ю.С. Осипов предполагает, что потеря ноги могла быть связана с какими-либо событиями, произошедшими вследствие политических убеждений его отца, т.к. уже шла гражданская война, а он явно сочувствовал белым.

В 1937 г. частной жизни С.Ф. Осипова вновь касается неласковая «рука власти». Постановлением тройки УНКВД по Омской области за антисоветскую агитацию он был приговорен к работам на лесоповале(!) в ИТЛ на 10-летний срок. Только благодаря счастливой случайности его освободили через 2 года. В лагере Сергею Осипову пришлось столкнуться с мрачными проявлениями тюремной действительности и уголовной субкультуры.

Главная тематическая и художественная задача в оформлении этого экспозиционного зала заключается в изображении историко-культурного портрета мужчины рубежа XIX – XX вв.

*Рис. 4. Юра Осипов
Тобольск, 7 октября 1941 г.*

Важно акцентировать гендерные характеристики маскулинности человека, которого судьба не раз подвергала нелегким испытаниям, но он сохранил достоинство, четкие морально-этические нормы, сформированные идеалами дореволюционной жизни даже в условиях советских реалий и несвойственных ему духовных принципов. Прототипом этого собирательного героя станет личность Сергея Филипповича Осипова.

Завершающая глава семейного альбома повествует о годах детства и молодости Юрия Осипова, человеческих историях его брата Николая и сестры Ирины, которые сыграли большую роль в жизни юноши, рано потерявшего родителей. Здесь же будут освещены основные моменты научной деятельности Ю.С. Осипова посредством фотографического и документального материала. Планируется насколько возможно реконструировать детали интерьера, представить экземпляры книг из библиотеки Юрия Сергеевича и его личные вещи. Оправдано ввести в

музейное пространство строки воспоминаний Ю. Осипова, воссоздающие атмосферу времени и места, в которой прошло детство обычного тобольского мальчика. Рассказ из первых уст придаст нужное настроение и колорит этой части экспозиции.

Учитывая, что Юрий Сергеевич относится к делу исследования истории своей семьи с огромным трепетом и большой долей ответственности, цитаты его автобиографии, содержащие оценку сюжетов прошлого, в создании экспозиции на всем ее протяжении должны быть обязательными и явиться одними из главных «героев» семейной истории. Таким образом будет создан эффект авторской речи, повествования от первого лица прямого потомка персонажей музея. В целях наглядности и облегчения восприятия биографического материала необходимо сделать поколенную роспись и генеалогическое древо семьи Ю.С. Осипова. Отдельной задачей станет изготовление и приобретение музейных предметов, закупка антикварного материала для наполнения экспозиции – изделия каслинского литья, консольные полочки, жардиньерки, микроскоп, журналы по медицине, шахматы, инвентарь для игры в крокет, предметы быта советского времени.

Для экспонирования в музее были изготовлены реплики мебели и бытовых вещей, принадлежащих семье Кевлич и Осиповых, многие из которых посетители могут увидеть на фотографиях семейного альбома: обеденный и письменный столы, стулья, книжная этажерка, фоторамки. Эти предметы допустимо использовать в пространстве экспозиции в качестве стилизованных витрин для размещения документальных материалов.

Техническая часть подготовительного этапа музеефикации предусматривает косметический ремонт помещений, монтаж музейной подвесной системы, оборудование приборов дополнительного освещения. С целью обеспечения сохранности экспонатов потребуется установка замкнутой автономной охранной сигнализации левого крыла здания.

Стоит отметить, что любое исследование – процесс пролонгированный, а музейная экспозиция – постоянно развивающийся социально-культурный организм. Детализация биографий представителей семей Кевлич, Аристовых, Ремезовых, Осиповых и людей, входящих в круг их общения, продолжается по сию пору. Вероятно, со временем обнаружатся новые сюжеты, которые найдут отражение в экспозиции.

Изучение биографий жителей Тобольска в проблемном поле истории повседневности позволит реконструировать целостную гуманитарную картину периферийного российского города, биосоциальные и духовно-этические основания жизненного мира сибирского обывателя.

В случае удачной и полной реализации проекта самостоятельная экспозиция, освещающая тему повседневности тобольских семей, органично впишется в общую концепцию развития музея им. А.А. Дунина-

Горкавича ТКНС УрО РАН, займет достойную нишу в туристической сфере города, а также станет еще одним звеном в системе музеев Российской академии наук.

1. Лихачев Д.С. Экология культуры // Прошлое – будущему: ст. и очерки. Л.: Наука, 1985. 585 с.
2. Юнина М.В. Улица Большая Петропавловская (Октябрьская) в Тобольске – историко-культурные «оазисы» и «миражи» // Тобольск – врата Сибири: Актуальные вопросы истории города и региона XVII – XX вв.: темат. сб. науч. тр. Тобольск, 2012. С. 87–104.
3. Архив ТКНС УрО РАН. Реставрация и приспособление памятника истории и культуры I пол. XIX в. «Жилой дом 5 литера «А» из состава комплекса «Усадьба Дунина-Горкавича», расположенного по адресу ул. Октябрьская, 5 в г. Тобольске. Комплексные научные исследования. Т. 02. Кн. 1. Сухорукова Н.В., Россошик И.Г. Историческая записка, историко-архивные и библиографические исследования. Тобольск, 2004.
4. Юнина Е.А. Реконструкция образа провинциального врача на примере личности С.М. Кевлича // Труды Тобольской комплексной научной станции УрО РАН. Вып. 3. Исторические науки: темат. сб. науч. тр. Тобольск, 2013. С. 166–184.
5. Юрий Осипов. Портрет Интеллекта. Санкт-Петербург, 2016.
6. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 152. Оп. 6. Д. 775.
7. НАРТ. Ф. 977. Оп. Медицинский факультет. Д. 30909.
8. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 417. Оп. 2. Д. 9.

4.4. ВКЛАД Г.Я. МАЛЯРЕВСКОГО В РАЗВИТИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

В 2017 г. исполняется 150 лет со дня рождения и 85 лет со дня смерти Директора народного образования Тобольской губернии, педагога и общественного деятеля, учёного, способного картографа Григория Яковлевича Маляревского. В августе 1880 г. 13-летний Гриша Маляревский приехал из Курганского уезда в губернский город Тобольск для поступления в духовную семинарию. С тех пор много лет его жизнь оказалась тесно связанной с этим городом, который он полюбил и считал своей второй родиной.

В духовной семинарии мальчик учился на казённый счёт как сирота по отцу и как круглый отличник. Его успехи в учении были настолько велики, что после окончания семинарии он легко поступил в Казанскую духовную академию. В академии Григорий занимался блестяще, поэтому по окончании её ему предложили принять архиерейство. Молодой кандидат богословия отказался от почётного предложения и поступает в Казанский университет на естественный факультет.

Юность Маляревского пришлась на то время, когда в русском обществе всё сильнее становилось осознание необходимости народного образования и просвещения. Григорий решил посвятить себя этому делу, в выполнении которого он видел прямой путь к будущему благосостоянию народа и страны.

С отличием окончив Казанский университет в 1891 г., молодой человек возвратился в Тобольск, где был назначен преподавателем географии и гражданской истории в местное епархиальное женское училище.

Григорий Яковлевич прослужил в училище три года. За это время он показал себя способным педагогом-новатором, стремящимся внести изменения, улучшающие преподавание порученных ему предметов. Способности, целеустремлённость и энергия молодого учителя были замечены. Указом Святейшего синода от 2 числа марта 1894 г. за № 102 учитель географии и гражданской истории Григорий Маляревский был определён епархиальным наблюдателем церковно-приходских школ и школ грамоты Тобольской епархии [1, с. 3].

С тех пор жизнь Григория Яковлевича была связана с постоянными разъездами. Его главными задачами являлись инспектирование церковных школ; забота об улучшении преподавания в них, об учащих (как в то время называли учителей сельских школ), об открытии новых учебных заведений; контроль за деятельностью окружных инспекторов и руководство.

Диапазон его деятельности становился всё более широким. Итоги её отражаются в ежегодных обязательных отчётах, которые по глубине анализа состояния школьных дел, широте охвата, творческому подходу к вопросам образования, чёткости, последовательности и логичности близки к научным статьям.

Анализируя количество школ и потребность в образовании сельских жителей, Маляревский приходит к выводу о необходимости значительно увеличить число учебных заведений: число учащихся от 7 до 14 лет – 25 330, а тех, которые не учатся, – 133 973. Поскольку в то время школы, открываемые министерством народного просвещения, т. е. светские, были очень дороги, Маляревский предложил открывать церковно-приходские школы и школы грамоты, как более дешёвые, при участии в расходах на их устройство и содержание местного населения. Он выделил две основные потребности таких школ: 1) в материальных средствах; епархиальный наблюдатель предлагал активнее использовать местные ресурсы, например, доходы от общественных питейных заведений, устраивать подписки посеянной земли и хлеба; 2) в квалифицированных учителях; отсюда предложение – устроить летом 1895 г. кратковременные педагогические курсы для учащихся церковно-приходских сельских школ.

Будучи творческой личностью, Маляревский постоянно искал пути совершенствования тех или иных сторон школьного образования. Так, например, уже через год по его предложению Тобольский епархиальный училищный Совет принял решение о более совершенном снабжении бесплатными учебными книгами церковно-приходских школ. Особенно много сил, энергии и времени отдавал Григорий Яковлевич организации и проведению краткосрочных педагогических курсов для учителей церковных школ. Маляревский ратовал за приближение обучения к практическим нуждам крестьян: «...Получается крайне нежелательное явление, подрывающее доверие народа к школе: ученик, получивший свидетельство на льготу по отбыванию воинской повинности, не может написать самого простого письма, расписки в покупке лошади и т. п. Естественно, у крестьянина-отца сейчас же появляется мысль: чему же их учат в школе?» [2, с. 409]. С тех пор почти ежегодно Григорий Яковлевич был инспектором и руководителем подобных курсов.

В 1896 г. Маляревский опубликовал «Очерк истории и современного состояния народного образования в Сибири». Обзор прошлого народного образования, с которого начинается его работа, рисует чёткую и исторически достоверную картину положения обучения в Сибири с момента её освоения. Главную роль в просвещении населения вплоть до XIX в. играло духовенство. Обозрев историю сибирских начальных школ, Григорий Яковлевич обращается к характеристике различных типов училищ, их положительных сторон и недостатков. В конце очерка Маляревский делает вывод: «...Разными ведомствами, трудившимися для развития начального народного образования в Сибири, сделано для него довольно много, но ещё больше остаётся сделать в будущем. Ибо в деле народного образования Сибирь... далеко отстала от Европейской России» [3, с. 85].

По инициативе Маляревского в 1900 г. при Тобольском епархиальном училищном Совете был учреждён Комитет для изыскания местных средств на содержание церковных школ. Деятельность Комитета должна была «включать в себя сбор пожертвований на церковные школы, устройство платных концертов и чтений на религиозно-нравственные темы с употреблением сбора за вход на нужды школ» [4, с. 2–3].

Григорий Яковлевич был одним из активных сторонников учреждения в 1901 г. при газете «Тобольские епархиальные ведомости» «Школьного листка», который представлял собой «особое прибавление, посвящённое исключительно вопросам, касающимся церковных школ» и предназначенное, прежде всего, для учителей [5, 59]. В программу «Школьного листка» входил довольно широкий круг вопросов: сообщения об открытии новых школ, о назначении, увольнении и перемещении школьных работников, о постройке новых школьных зданий, объявления о вакантных местах; отчёты и распоряжения училищных советов и

епархиального наблюдателя; методические, дидактические и педагогические материалы; извлечения из отчётов о педагогических курсах, конспекты образцовых уроков и т. п.

С 1903 г. Григорий Яковлевич являлся неперменным членом Распорядительного комитета при Тобольском губернском музее. Одной из задач Комитета была работа по упорядочению и систематизации накопленного музеем огромного уникального материала. Маляревский отвечал за геологический отдел. Работа эта проводилась на общественных началах, совершенно бесплатно, так как музей не располагал достаточными средствами.

Чтобы представить себе, каков был объём работы епархиального наблюдателя церковно-приходских школ и школ грамоты Г.Я. Маляревского, достаточно извлечь из его формулярного списка, составленного в 1905 г., и персонального архивного фонда № 149 следующую информацию:

«В 1896-м году принимал участие в заседании училищного Совета при Святейшем Синоде (Санкт-Петербург) по обсуждению постановки учебного дела в церковных школах Сибирской епархии». Был инспектором и руководителем краткосрочных педагогических курсов в г. Тобольске в 1897 г.; при Зырянской и Введенской второклассных школах в 1897 г.; за «безвозмездное и отлично-усердное ведение занятий на этих педагогических курсах» ему объявили благодарность с внесением в формулярный список. В этом же году руководил курсами в Тобольске, а также в 1899, 1900, 1901, 1902, 1903 гг. В 1898 г. принимал участие в заседаниях чрезвычайного собрания Училищного Совета при Святейшем Синоде (Санкт-Петербург). В 1901 г. избран действительным членом губернского статистического Комитета. В 1904 г. назначен Тобольским губернатором председателем уездного Комитета попечительства о народной трезвости и заслужил письменную благодарность губернатора «за оказание содействия в приведении в порядок дел Попечительства и за принятые меры о более плодотворной и производительной деятельности этого учреждения в пользу простого народа». «Имеет ордена: Святого Станислава III и II степеней, Святую Анну III степени, серебряную медаль в память царствования Александра III. В 1902-м году произведён в чин надворного советника».

Его активная деятельность не осталась незамеченной. В конце 1906 г. распоряжением попечителя Западно-Сибирского учебного округа Григорий Яковлевич был назначен директором народных училищ Тобольской губернии. А вскоре Антоний, епископ Тобольский и Сибирский, «ввиду многолетней, усердной и весьма полезной деятельности бывшего г. Епархиального Наблюдателя церковных школ Г.Я. Маляревского (ныне назначенного Директором народных училищ в Тобольской губернии)» объявил «искреннюю и сердечную благодарность со внесением о том в формулярный список о его службе и с напечатанием в „Епархиальных Ведомостях”» [6].

Итак, с 1907 г. Григорий Яковлевич возглавил народное образование Тобольской губернии. В его компетенцию входили низшие и средние учебные заведения, учебной частью и воспитательной работой которых, а также назначением, перемещением и увольнением учителей он должен руководить.

Деятельность Маляревского, директора народных училищ Тобольской губернии, широка и многообразна. Можно выделить следующие её направления: 1) практическое, повседневное; 2) методическое; 3) научно-педагогическое, просветительное и публицистическое; 4) краеведческое; 5) общественное.

Практическая работа директора включала в себя самые различные аспекты: от забот о хозяйственных и материальных нуждах учебных заведений, учащихся и учащихся до организации курсов по повышению квалификации и надзора за политической благонадёжностью и моральными устоями учителей и учеников школ.

Заботясь не только о количественном, но и о качественных показателях обучения, Маляревский уделял особое внимание открытию высших начальных училищ, так как окончание их давало возможность выпускникам поступать в профессиональные средние специальные заведения. За время его директорства количество высших начальных учебных заведений увеличилось почти в 2 раза. Даже осенью 1917 г., несмотря на трудности военного времени и смену власти, ему удалось открыть в губернии шесть высших начальных училищ.

Крестьяне и горожане низших сословий охотно отдавали своих детей в такие школы, где наряду с общеобразовательными предметами велось обучение какому-либо ремеслу. К 1 января 1917 г. в Тобольской губернии имелось несколько типов учебных заведений подобного рода. Во-первых, это ремесленные училища, дававшие профессиональную подготовку. Таких училищ было два: в Тюмени и в Кургане (открыты в 1911 г.). В них обучались мальчики всех сословий слесарно-кузнечному и столярно-токароному ремёслам. Курс обучения распределялся на 4 года, обучение было платным.

Во-вторых, училища с ремесленными отделениями. К 1 января 1917 г. их насчитывалось 19. В основном там преподавались столярное и кузнечно-слесарное ремёсла, но, в зависимости от местных нужд, вводились и другие специальности. Например, в Кондском училище Ялуторовского уезда – экипажное производство, в Кулаковском училище Тюменского уезда – слесарно-механический отдел. Ремесленные отделения охотно посещались крестьянами и приобретали в сёлах популярность. Их задачей была не только подготовка низших специалистов, но и просвещение крестьянства, приобщение его к более современным орудиям труда.

При женских училищах и в смешанных школах для девочек имелись классы ручного труда. Обычно учили вязанию, шитью и вышиванию. А в Тобольском женском приходском училище, кроме того, изучались кройка и шитьё обуви.

Много усилий прилагал директор народных училищ для внедрения в Тобольскую губернию культурного ведения сельского хозяйства, видя в нём один из главных путей к благосостоянию страны и народа. Он хотел, чтобы просвещение крестьян шло через школы. Для этого имелось два пути. Первый: стремление заинтересовать сельских учителей в ведении хозяйства, чтобы оно было примером для крестьян и давало учащим дополнительный материальный доход. Почти ежегодно устраивались курсы сельского хозяйства, пчеловодства, огородничества и садоводства, выписывались и рассылались по училищам сельскохозяйственные библиотечки, в «Школьном отделе» при ТЕВ печатались статьи и заметки, имеющие целью пробудить интерес к этой отрасли знаний, а также список популярных книг; ежегодно рассылались учащим огородные семена улучшенных сортов. Второй путь: обучение учащихся культурному ведению сельского хозяйства. Занятия сельскохозяйственным трудом проходили во многих школах. Они состояли из устройства при училище огорода и сада, работе в них, а также в беседах учителя о приёмах правильного ухода за овощами, ягодами и цветами. Весной и осенью в некоторых училищах устраивались праздники древонасаждения.

С 1907 по 1917 гг. при трёх двухклассных училищах открылись сельскохозяйственных отделения: Голышмановском Ишимского уезда, Куликовском Тюкалинского уезда и Червишском Тюменского уезда. Программа отделений была обширной. Она включала в себя теоретические занятия по всем разделам сельского хозяйства, в том числе по скотоводству и ветеринарии. Предусматривались практические занятия на отведённой для этой цели земле, где устраивалось хуторское хозяйство. Крестьяне очень интересовались делами сельскохозяйственных отделений, знакомились с новыми для них орудиями, а иногда даже приобретали их.

В области начального образования в Западной Сибири исторически сложилась ситуация значительного преобладания учительниц над

учителями, особенно в сельской местности, где в 1907 г. учителей-мужчин было всего 25%. Преобладание женского труда в сфере начального образования не было явлением абсолютно отрицательным: опыт показывал, что учительницы часто достигали лучших результатов, более длительно служили на одном месте. Главным минусом преобладания учительниц среди учащихся являлся более низкий уровень их педагогической подготовки. В 1907 г. учителей со специальным образованием в сельских училищах было 63 %, а учительниц – 10 %.

Обеспокоенный таким положением, Маляревский в 1907 г. ходатайствует перед начальством об открытии в подведомственной ему Дирекции женской учительской семинарии. «...Только в солидно поставленном специальном учебном заведении можно дать хорошую подготовку к учительству»[7], – писал он. Местом для семинарии был избран Ялуторовск. Григорий Яковлевич подробнейшим образом разрабатывает проект положения о семинарии, организация управления которой должна была строиться, в основном, по образцу мужской учительской семинарии. Она, «хотя не имеет прецедентов, но вызывается необходимостью» [8]. Семинария предназначалась для девочек всех сословий – с бесплатным обучением; а для малообеспеченных учениц предполагалось учредить стипендии. Это учебное учреждение должно было иметь явно выраженный демократичный характер, который заключался в том, что оно будет готовить учительниц из народа и для народа.

В 1912 г., после долгих хлопот по составлению и утверждению смет строительства, произошло торжественное открытие Ялуторовской женской учительской семинарии – событие большого значения не только для Тобольской губернии, но и для Сибири. Женская учительская семинария в то время в России была явлением редчайшим: действительно, ялуторовский прецедент. С её помощью решался вопрос о подготовке квалифицированных учительских кадров для сельских школ, кроме того, она мыслилась местом, где будут апробироваться новые, передовые для того времени методы преподавания.

Успехом увенчалось ходатайство об учреждении мужской учительской семинарии в г. Тобольске, поданное Маляревским в 1912 г. 21 декабря 1914 г. состоялось её торжественное открытие. Заслуживает уважения настойчивость и энергия администрации Тобольской губернии, дирекции народных училищ, благодаря которым удалось открыть это довольно солидное по тем временам учебное заведение в трудные годы Первой мировой войны, когда средства, отпускаемые на народное просвещение, были значительно сокращены.

Кроме учительских семинарий, важной мерой повышения уровня педагогической подготовки учителей Маляревский считал краткосрочные курсы, которые он устраивал ежегодно, иногда одновременно в нескольких

городах губернии. Чаще всего директор сам не только организовывал, но и проводил их, подобно тому, как это происходило в его бытность епархиальным наблюдателем церковных школ. Только теперь они охватывали собой учителей всех видов школ. Целью курсов являлось «ознакомление учащихся с лучшими способами преподавания в начальной школе» [8, с. 1]. Курсистам выдавалось пособие на проезд и содержание. При курсах функционировала временная школа, в которой учащие давали пробные уроки, а инспектора – образцовые. Теоретические занятия состояли из разбора данных в школе уроков и бесед по методике, дидактике и педагогике. К услугам учителей имелись библиотека и кабинет наглядных пособий. Правила для слушателей разрабатывались самим директором и были довольно строгими. Однако, несмотря на это, а также большую загруженность, учащие охотно приезжали на курсы, причем многие стремились побывать на них не один раз.

Важность педагогических курсов в условиях, когда большинство учащихся не имело профессионального образования, очевидна. Имеются сведения, что на этих курсах занимались не только учителя Тобольской губернии, но и более отдалённых регионов. В 1917 г. от начальника Учебного отдела Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) поступил запрос на имя Маляревского через попечителя Западно-Сибирского учебного округа о том, будут ли организованы летом курсы и «можно ли командировать на них несколько преподавателей (3–5) от железнодорожных школ общества КВЖД по примеру предыдущих лет» [9]. Видимо, курсы, организуемые Г.Я. Маляревским, высоко котировались среди педагогической общественности Сибири, и учёба на них повышала престиж учителей.

Григорий Яковлевич считал, что очень многое в постановке школьного дела зависит от учителя, его личности и знаний. Поэтому значительное место в его деятельности занимала непосредственная, выражаясь современным языком, идейно-воспитательная работа с учительством. Это рассмотрение жалоб и прошений учащихся, дел, связанных с их политическими взглядами, забота об охране здоровья и т.п. Он, прежде всего, ценил в учителе преданность и любовь к своему делу, профессиональное мастерство, энергичность и трудолюбие; был очень требователен и строг, но гуманен и справедлив в рамках своего положения и взглядов. Часто ему приходилось рассматривать жалобы учителей по разным поводам, начиная от незаконных увольнений и кончая неуплатой вовремя жалования, а также жалобы на самих учащихся, защищать их интересы.

Отношения Маляревского с учащими во многом определялись его идейно-политическими позициями. В его судьбе и взглядах преломлялись противоречивые тенденции. С одной стороны, защитник монархии и православия, с другой, – человек, видящий недостатки современного ему

устройства жизни в государстве, деятель просвещения и образования, стремившийся своим участием способствовать благосостоянию родины. Подвижник прогрессивного развития общества и, в частности, реформы образования в направлении её демократизации и, если можно так выразиться, качественности, но в рамках существующего строя. Всё, что выходило за эти рамки, он не принимал. Маляревский был противником вмешательства учителей в политику, тем более, в революционное движение. По долгу своей службы, положения, да и по собственным убеждениям всячески искоренял «политические веяния» в среде учительства, считая их вредными и опасными.

Плохое однообразное питание, нервное и умственное напряжение (как правило, занятия одновременно с двумя-тремя группами учеников в сельской школе), недостаток пребывания на свежем воздухе способствовали ослаблению здоровья учителей. Маляревский считал одной из самых главных своих задач заботу об их здоровье. Среди учащихся Западной Сибири особенно был распространён туберкулёз лёгких. Весной 1915 г. Григорий Яковлевич начинает хлопоты по устройству дач для летнего отдыха и лечения учителей от этой болезни в селе Битюковском Красногорской волости Ялуторовского уезда. Составляются подробные сметы на строительство здания, рисуются его вариативные планы. Нам неизвестно, была ли построена эта лечебница, «столь полезная для расстроивших здоровье на службе тружеников народного просвещения» [10], по словам Маляревского.

Более ясна судьба другого оздоровительного учреждения, открытого летом 1915 г. в с. Кривинском Курганского уезда. Купание в солёном озере, находящемся близ села, и грязевые ванны прекрасно помогали от ревматизма и некоторых других заболеваний. Для того чтобы создать условия для лечения учителей, Маляревский изыскал средства на строительство купальни, а также ремонт здания местного училища для летнего проживания. В объявлении об открытии лечебницы, составленном им лично, директор выражал «горячее пожелание страждущим труженикам народной школы получить с Божьей помощью исцеление от своих недугов и укрепление сил» [11].

Естественно, что в наше время, спустя век и более, невозможно найти живых свидетелей практической деятельности Маляревского как директора народных училищ. Однако, кроме оставшихся о нём устных и письменных воспоминаний его детей, автор данной работы располагает письмами старого учителя-ветерана Алексея Евграфовича Новикова из Кургана (скончавшегося в 80-е гг. XX в.), написанными в 1976 г. младшей дочери Григория Яковлевича. В них Новиков высоко оценивает вклад Маляревского, «много сделавшего для народного образования в Тобольской губернии» [12]. Особенную заслугу директора Новиков видит в организации учительских курсов: «Организацией этих курсов он принёс

огромную пользу делу народного образования» [12]. Сам Алексей Евграфович, молодой в то время учитель, неоднократно занимался на таких курсах.

В отчете о состоянии губернии за 1912 г. тобольский губернатор А.А. Станкевич писал: «Руководство воспитанием крестьянских детей в лице Директора народных училищ, уроженца Тобольской губернии, статского советника Маляревского и его ближайших сотрудников – инспекторов находится в надёжных и твёрдых руках».

Г.Я. Маляревский был не только практиком и организатором школьного дела, он проводил большую методическую, научно-исследовательскую и просветительную работу. С начала 1903–1904 учебного года в церковно-приходских школах России были утверждены новые программы. Они предусматривали трёхгодичный срок обучения вместо двухгодичного, увеличивали объём преподаваемых знаний, а самое главное – давали большую самостоятельность учителю и обращали больше внимания на умственное развитие школьников. Желая помочь сельским учителям овладеть методикой преподавания по новым программам, Маляревский подготовил пособие «Заметки о преподавании по новой программе одноклассной церковно-приходской школы». Видимо, книга вызвала к себе большой интерес, так как известно её второе издание училищным Советом при Синоде в г. Санкт-Петербурге в 1907 г.

Непременное участие принимала Дирекция народных училищ Тобольской губернии во всероссийских выставках. Сохранился каталог экспонатов от Дирекции с первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставки в г. Омске в 1911 г. Были представлены экспонаты по шести разделам.

Став директором народных училищ, Маляревский продолжал быть членом комитета Тобольского губернского музея. Объезжая сельские учебные заведения, он собирал экспонаты по быту северных народов, записывал сказки, легенды и песни местных жителей, интересовался говорами, прислушиваясь к особенностям речи на севере и юге губернии. В 1917 г. в «Ежегоднике Тобольского губернского музея» № 28 была напечатана его статья «Особенности говора крестьян-старожилов Тобольской губернии».

Хорошо зная Западную Сибирь, веря в её будущее как в край, богатый природными ресурсами, который должен сыграть важную роль в экономике России, Маляревский был горячим приверженцем строительства железной дороги до Тобольска. Он подготовил три работы: «О проведении железной дороги до г. Тобольска как средства к оживлению Севера Западной Сибири» (1905 г.), «К вопросу о преимуществах постройки железной дороги до Тобольска сравнительно с шлюзованием р.р. Туры и Тобола» (1910 г.) и «Записка о необходимости соединения г. Тобольска железной дорогой с одной из станций Тюмень-

Омской железной дороги» (1910 г). Их цель – доказать необходимость проведения железнодорожных путей до губернского города.

В 1905 г. по поручению железнодорожной комиссии Григорий Яковлевич подготовил доклад, в котором аргументировал необходимость включения Тобольска в сеть железнодорожных городов. Доклад получил одобрение тобольской городской думы, а вскоре был издан отдельной брошюрой в местной типографии.

В 1909 г. Григорий Яковлевич был избран председателем железнодорожной комиссии. Он сделал очень много для того, чтобы вопрос о необходимости строительства железной дороги до Тобольска получил в Западной Сибири большой общественный резонанс. В 1911 г. он был во главе делегации, которая ездила в Петербург, чтобы подать в Министерство записку, обосновывающую значение проведения железнодорожной линии до Тобольска для развития экономики сибирского края. Ратуя за проведение железной дороги, Маляревский заботился, прежде всего, об экономическом развитии Тобольского края. Об этом можно судить и по его брошюре «Экономические нужды средней части Тобольской губернии», изданной в 1907 г. Задача работы – определить меры, способствующие развитию экономики этой части Западной Сибири, которая в промышленном и культурном отношении отстаёт от южной полосы губернии и находится в «жалком состоянии экономической спячки» [13, с. 36].

Мечта о том, что Сибирь в будущем станет богатым краем, где население обретёт материальную состоятельность, будет культурным и образованным, – основополагающая и в статьях Маляревского, и в его практической деятельности. Однако как человек рационального склада ума, он стремился не только мечтать о таком будущем, но и приближать его. Наилучшим и кратчайшим путём для этого Григорий Яковлевич считал экономическое развитие края, просвещение и образование народа, внедрение культуры в производительный труд, а не революцию, которая, по его мнению, может нанести непоправимый вред нравственным и культурным устоям государства. Это своё глубокое убеждение он выражал в многочисленных статьях.

Маляревский был талантливым публицистом. Ему принадлежит более сорока опубликованных работ, которые он называл «плоды всех наблюдений и самонаблюдений». Диапазон его публицистических интересов обширен: начиная от глобальных проблем народного образования и развития Западной Сибири и заканчивая практическими вопросами школьного дела.

Зная энергичность и надёжность в делах директора народных училищ, его постоянно избирают в члены всевозможных обществ и комитетов. Очень часто за свою работу он получал благодарности.

Маляревский хорошо знал бухгалтерское дело, интересовался статистикой, и поэтому его с 1907 г. назначили на должность члена учётно-ссудного комитета по делам малого кредита Тобольского отделения государственного банка. В 1908 г. городская дума избрала Григория Яковлевича попечителем Тобольской сельскохозяйственной школы и членом комиссии по вопросу о постройке народного дома «для обслуживания целей, преследуемых попечительством о народной трезвости». Неоднократно Маляревский избирался на должность почётного мирового судьи округа, а также председателем и членом уездного комитета попечительства о народной трезвости. Он даже написал брошюру «О вреде пьянства». Была ли она издана – неизвестно. Скорее всего, осела в недрах какой-нибудь канцелярии, так как не сохранилось даже рукописи, хотя упоминания о том, что она имелась, встречаются неоднократно.

В 1911 г. он стал членом местного управления Красного Креста, а в 1915 – членом строительной комиссии по постройке здания для больницы Тобольской семинарии.

В 1916 г. Маляревскому поручено временное исполнение обязанностей директора нового учебного заведения (которые он исполнял, не оставляя своей основной службы), открывающегося в Тобольске, – учительского института. На плечи Григория Яковлевича легли все трудности организационного периода: подбор помещения, педагогических и студенческих кадров, финансовые дела. Он сам участвовал в испытательных экзаменах абитуриентов, в частности, проверял их сочинения и, наряду с другими членами приёмной комиссии, давал им оценку. В то короткое время, которое Григорий Яковлевич занимал должность директора учительского института, он сумел заложить основы деятельности этого учебного заведения: административные, педагогические, воспитательные и хозяйственные. Так, например, он создал учебную базу института в виде хорошо скомплектованной библиотеки, оснащения учебных кабинетов, обеспечения учащихся пособиями по предметам, конечно, прежде всего, высококвалифицированными преподавателями. В трудные военные годы он сумел организовать повышение стипендии для студентов и медицинский пункт с бесплатными медикаментами. Г.Я. Маляревский по праву может считаться основателем и организатором учительского института. В признание его заслуги в ноябре 2016 г. была торжественно открыта памятная доска на фасаде старого (подгорного) здания тобольского пединститута, где 100 лет назад размещался учительский институт.

С октября 1916 по апрель 1917 гг. он занимал должность председателя Тобольской уездной продовольственной комиссии, а в феврале 1917 г.

назначен членом комиссии по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну.

Маляревский не был обойдён знаками отличия. К 1914 г. он имел ордена: Анны 2-й и 3-й степени, Станислава 2-й и 3-й степени, орден Св. Владимира 4-й степени и несколько медалей. «Величайшим приказом по гражданскому ведомству от 1 января 1917-го года произведён за отличия в чин действительного статского советника», то есть в гражданские генералы, что давало ему право на личное дворянство.

Судя по описи дел Тобольской дирекции народных училищ [16], на 1917 г. была запланирована масштабная работа. Однако она была нарушена политическими событиями февраля.

Перемена образа правления, происшедшая в России, объявлялась законной и опирающейся на волю народа. Маляревский всегда считал, что первейший долг гражданина и, прежде всего, интеллигента как человека культурного – заботиться о благополучии своей Родины. Если новая власть пользуется поддержкой народа и может обеспечить достойный выход страны из ситуации войны, он был готов сотрудничать с ней. Высоко ценя дисциплинированность и разумность, он, видимо, опасался грядущего разгула стихии, вызванного смутой в стране, и поэтому старался сохранить спокойствие хотя бы там, где имел авторитет и власть, – в среде учительства, по его мнению, особенно неустойчивого и легко склоняемого к беспорядкам.

С другой стороны, он понимал, что будет несправедливо, если веяния демократии, вызванные февралём, не коснутся учителей. Поэтому, когда в апреле 1917 г. учителя Ишимского уезда решили ходатайствовать о съезде, Маляревский не только уведомил Тобольского губернского комиссара о своём согласии и изыскал денежные средства на его проведение, но и предположил необходимость подобных съездов в других уездах губернии. «Со своей стороны полагаю, что в виду полезной цели съезда, ходатайство надлежит удовлетворить, возможность к этому имеется, так как педагогических курсов в настоящем году устраивать не предполагается. Отпустить полагал бы 1 200 рублей, т.к. могут поступить аналогичные ходатайства из других уездов губернии, где потребность в подобных съездах не менее настоятельна» [9]. Маляревский оказался прав. Один за другим проходят учительские съезды в разных уездах губернии. Но что самое парадоксальное?! Один за другим четыре съезда объявляют недоверие тому самому человеку, который ходатайствовал за них!

Такое решение учителей явилось для Григория Яковлевича неожиданным, очень болезненным и незаслуженным ударом. Телеграммы не были подтверждены никакими аргументами: ни Маляревский, ни его начальство не получили ни одной выписки их протокола или отчёта съездов.

Директор посылает в департамент народного просвещения попечителю Западно-Сибирского учебного округа и Тобольскому начальству эмоциональное заявление, черновик которого имеется в Тобольском архиве: «На съезде учителей в г. Ишиме, Ялуторовске и Тюкалинске и в с. Калачинском моя деятельность как руководителя народных училищ объявлена вредной и высказаны требования об удалении меня от этой должности. При этом мне не было предъявлено никаких конкретных обвинений и не заслушаны мои объяснения. Так как даже любому преступнику, прежде чем вынести приговор, предъявляется обвинительный акт и даётся возможность публично защитить себя, то я нахожу образ действия наименованных учительских съездов неправильным и заочные немотивированные приговоры их не убедительными. В виду изложенного прошу устроителей съезда учителей в Тобольске, если на нём поставлен будет вопрос о моей деятельности как Директора, предъявить мне пункты обвинения, предоставить возможность ответить на эти обвинения. Могу выступить на съезде только при условии, если устроители его гарантируют мне, что я буду заслушан и не подвергнусь оскорблениям» [6].

К своему заявлению Маляревский прилагает таблицу, «показывающую рост школьного дела за время моего управления Тобольской дирекцией, для ознакомления участников съезда» [6]. Таблица имеет 31 показатель и практически по всем показателям наблюдается большой процент увеличения, что объективно опровергает мнение съездов о «вредной» деятельности Маляревского.

В июне 1917 г. состоялся губернский учительский съезд. Вопрос об осуждении деятельности Маляревского, действительно, был вынесен на повестку дня. Более того, Григорий Яковлевич на одном из пленарных заседаний давал объяснения по поводу отрицательной характеристики его деятельности уездными съездами. Однако решение о нём уже давно было predetermined: не помогли и фактические данные, которые он приводил в доказательство роста учебного дела во время его директорства. Практически его никто даже не слушал. Динамо-машина его осуждения, запущенная уездными съездами, набрала скорость, и останавливать её никто даже не пытался.

Вот резолюция этого губернского учительского съезда: «...Считать дальнейшее пребывание Г.Я. Маляревского на посту директора народных училищ недопустимым с точки зрения приобретений революции, о чём и довести до сведения министерства народного просвещения с сообщением копии настоящей резолюции Г.Я. Маляревскому» [6].

Неизвестно, как бы дальше развивались события, если бы Маляревский, считая недостойным для себя дальше участвовать в этом разбирательстве, не взял сначала отпуск (второй за 10 лет директорства), а потом и совсем подал в отставку. Он был уволен от службы согласно

прошению с 1 октября 1917 г. А вскоре должность директора народных училищ советской властью была ликвидирована.

С тех пор жизнь Григория Яковлевича круто изменилась. Практически в 51 год, он, полный сил и энергии, педагогических и просветительских замыслов, оказался не у дел. Способный на деятельность большого масштаба, обладающий солидным педагогическим и организаторским опытом и способностями, которых с избытком хватило бы не только на Тобольскую губернию, он был заброшен судьбой сначала в Курган, потом в Омск, где служил бухгалтером и заведующим статистическим отделом Союза маслодельных артелей. Тем не менее, он успел написать брошюру «Сведения о Союзе Сибирских Маслодельных Артелей. С диаграммами» – последнее своё печатное произведение [14]. Оно высоко оценено современными специалистами по истории маслоделия в Западной Сибири.

Стараясь уйти от войны, мирный союз маслодельных артелей всё дальше продвигался на Восток, пока не очутился в далёком китайском городе Харбине. Там он распался, предоставив своим бывшим работникам самим устраивать нелёгкую жизнь на чужбине. Маляревский стал работать научным сотрудником в институте ориентальных и коммерческих наук. Он был деятельным членом Общества изучения Маньчжурского края и какое-то время заведующим музея этого Общества.

На родину Григорий Яковлевич так и не смог вернуться. В 1932 г. он скончался от порока сердца и после отпевания в православной церкви был похоронен на Харбинском кладбище.

На долгие десятилетия имя Григория Яковлевича Маляревского оказалось совершенно забытым. Его политические убеждения пришлись не «ко двору» советской власти. Человек, убеждённый в том, что путь к улучшению жизни народа и гуманизации всех сфер общественной жизни лежит через просвещение и образование, а не через революции, да ещё и уехавший из России, воспринимался как элемент, чуждый государственной системе.

И только в перестроечные годы о вкладе Маляревского в развитие образования в Сибири, о нём самом как о прогрессивном деятеле просвещения, стали говорить учёные – педагоги и историки.

1. Отчёт о состоянии Тобольского Епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1893–1894 учебный год // ТЕВ. 1895. № 1.
2. Краткосрочные педагогические курсы для учителей и учительниц церковных школ в г. Туринске // ТЕВ. 1895. № 24.
3. Маляревский Г. Очерк исторического и современного состояния народного образования Сибири. СПб., 1896.
4. Об учреждении Комитета при Училищном Совете для изыскания местных средств на содержание церковных школ // ТЕВ. 1901. № 1–2.
5. Об издании «Школьного листка» при Тобольских Епархиальных Ведомостях // ТЕВ. 1901. № 1–2.
6. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 149.

7. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 149. Оп. 1. Д. 21.
8. Маляревский Г.Я. Отчёт по краткосрочным педагогическим курсам для учителей и учительниц сельских начальных училищ Тобольской губернии, бывшим в г. Тобольске с 14 июля по 10 августа 1910 г.// ГБУТО «ГА в г. Тобольске», Д. 3206.
9. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 5. Оп. 1. Д. 40.
10. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 5. Оп. 1. Д. 92.
11. ТИАМЗ. ТМ КП 13589/123.
12. Домашний архив Т.И. Солодовой.
13. Маляревский Г.Я. Экономические нужды средней части Тобольской губернии. Тобольск: Изд. Тобол. губ. стат. ком., 1907.
14. Сведения о Союзе Сибирских Маслодельных артелей. С диаграммами. Составлено заведующим экономическо-статистическим отделом Г.Я. Маляревским. Курган: Типография Народной газеты, 1918.
15. Сулимов В.С. Чувства добрые пробуждать. Из истории светской школы Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв. Тюмень: «Вектор Бук», 2004.

4.5. М.Н. КОСТЮРИНА – ЗАБЫТЫЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРТРЕГЕР*

В конце XIX – первой половине XX вв. в России появляется слой интеллигенции, несущий культурно-просветительские функции. Женщина-общественник – фигура достаточно редкая даже по меркам развитых стран и Европейской России. Поэтому каждый факт о такой персоне представляет интерес.

На рубеже XIX – XX вв. в г. Тобольске проживала и работала Мария Николаевна Костюрина (Емельянова). Она являлась общественно-политическим деятелем, журналистом, активным членом комитета Тобольского губернского музея (Музея Тобольского Севера), этнографом, палеонтологом, краеведом, организатором и руководителем Тобольского городского Дома трудолюбия для бедных и одновременно редактором периодического издания «Сибирский листок».

Для обозначения таких людей целесообразно не только использовать термин «общественник», но и немецкий термин «культуртрегер» – носитель культуры, распространитель просвещения [1, с. 241]. Именно такое определение характеризует деятельность Марии Костюриной.

Мария Николаевна Костюрина родилась в 1862/1863¹[2; 3; 4; 5] г. в с. Архангельском Тобольского уезда в семье коллежского регистратора Н.И. Емельянова. По окончании Тобольской Мариинской женской школы в 1877 г. она поступила на физико-математический факультет Высших

* Работа подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2014-0023 «Динамика социокультурных процессов в Западной Сибири как полиэтническом регионе в XVIII – начале XX вв.».

¹ Точная дата рождения М.Н. Костюриной не установлена.

женских курсов в Санкт-Петербурге. В 1880–1885 гг. активно работала в сибирских земляческих кружках. Являлась членом исполкома «Народной воли» и Красного Креста, была посредницей между социал-демократической группой Д.Н. Благоева и группой «Освобождение труда» Г.В. Плеханова, а также заведовала партийными явками.

Рис. 1. М. Емельянова

В 1886 г. Мария Николаевна привлекалась «к дознанию по обвинению в принадлежности к тайному сообществу и хранению преступных изданий, за что по высочайшему повелению 4 июня была подчинена гласному надзору полиции в Восточную Сибирь на 5 лет». Находясь на поселении в Якутской области, Мария Николаевна вышла замуж за революционера Виктора Федоровича Костюрина. В 1891 г. семья переехала в Тобольск, где жила мать Марии Николаевны – Мария Матвеевна Емельянова [6, с. 50].

В Тобольске М.Н. Костюрина принимала активное участие в общественной работе [7, с. 114]. С 1893 г. являлась членом Тобольского губернского музея, занимала должность помощника библиотекаря музея: обрабатывала этнографические и

палеонтологические коллекции, с 1894 г. записывала в Тобольском уезде тексты песен, которые публиковала в «Ежегоднике Тобольского губернского музея», стала инициатором записывания мелодий собираемых текстов. Ею опубликованы статьи «Сибирские народные песни, записанные в подгородных деревнях около г. Тобольска летом 1894 г.», «Крестьянская свадьба в подгорных деревнях г. Тобольска» и др. Подготовила и опубликовала систематические каталоги коллекций по этнографическому и палеонтологическому отделам музея (1895) [6, с. 51].

Главным поприщем М.Н. Костюриной являлась работа в «Сибирском листке». С 1894 г. она в качестве сотрудницы принимала участие в работе газеты, в которой опубликовала статьи «Якутский острог», «Сибирское крестьянское хозяйство» и другие материалы по региональной экономике. Статьи выходили под криптонимом «М. К.», поскольку, находясь под негласным надзором полиции, автор не могла печататься под своим именем [4, с. 60].

В июне 1900 г. Главное управление по делам печати, несмотря на неблагонадежность М.Н. Костюриной, предоставило ей право на издание «Сибирского листка». Стоит отметить, что сама Мария Николаевна в своих воспоминаниях констатирует тот факт, что редактирование материалов газеты ей перешло 1 января 1899 г. Однако право на издательскую деятельность было получено только в 1900 г. согласно постановлению Главного управления по делам печати.

Возглавив издание, М.Н. Костюрина стремилась к тому, чтобы газета была интересна и востребована читателями, имела общественное значение. Для достижения поставленных целей и привлечения новых читателей Мария Николаевна стремилась расширить программу газеты. Костюрина отмечала: «Когда в Сибири газеты имеют полную и разностороннюю программу, выходя ежедневно или, по меньшей мере, три раза в неделю, один „Сибирский листок“ выходит два раза в неделю, имея очень узкую программу, что значительно суживает круг его подписчиков, делая крайне тяжелой материальную сторону издания».

Первое ходатайство М.Н. Костюриной о расширении программы издания Главное управление по делам печати отклонило, несмотря на поддержку цензора – вице-губернатора, статского советника Н.В. Протасьева, писавшего о газете: «Выходит в свет и ныне с некоторыми отступлениями, в сторону разрешения, от утвержденной программы, т. к. держать это издание в пределах программы значило бы совершенно убить издание. Со времени издания газеты под редакцией Костюриной цензор не имеет никаких причин жаловаться на направление газеты». И только благодаря поддержке тобольского губернатора Л.М.Князева и вице-губернатора Н.В. Протасьева М.Н. Костюриной позволили незначительно расширить программу «Сибирского листка», что превратило газету из экономической в общественно-культурную. Благодаря этому появилась возможность в большей степени освещать культурные события края: активно пропагандировалась польза и возможности образования, в частности, женского, помещались заметки о положении дел в местных учебных заведениях, деятельности научных, образовательных, музыкальных, драматических, а также благотворительных обществ. 2 декабря 1902 г. Главное управление разрешило расширить программу издания следующими отделами: статьи и известия по бытовым, общественным и научным вопросам; фельетоны, беллетристические очерки и рассказы; внутренние известия и корреспонденции из разных мест. К этим рубрикам у местной администрации не было никаких замечаний.

Не стоит оставлять без внимания тот факт, что общественно-политическая ситуация в стране способствовала частичным государственным переменам, в том числе в области печати. Воспользовавшись этим, в конце 1905 г. «Сибирский листок» стал

выходить без предварительной цензуры. Последствия не заставили себя долго ждать: за «вредное» направление в первом январском номере за 1906 г. издание было закрыто, а редактор подвергнут суду, которым позднее был оправдан.

7 июня 1906 г. Мария Николаевна возобновила печатную деятельность. Первоначально газета печаталась в типографии Епархиального братства, а затем – в личной типографии М.Н. Костюриной, которую она открыла в 1907 г. У редактора появилась возможность увеличить число выпусков газеты – с двух до трех раз в неделю. География подписки на газету стала более обширной: Тобольск, Тюмень, Омск, Томск, Иркутск, Минусинск, Москва [8, с. 90].

*Рис. 2. Дом, в котором находилась
типография газеты «Сибирский листок» (ул. Ремезова, 14). 1960-е гг.*

Несмотря на широкую редакционную деятельность, М.Н. Костюрина не упускала возможность публиковать свои статьи. Одной из самых популярных в «Сибирском листке» была ее рубрика «На злобу дня», в которой поводами для традиционных фельетонов Марии Костюриной стали: приезд семьи Романовых в Тобольск, введение западноевропейского календаря, Брестский мир, действия большевиков в городе. Издательница добавляет штрихи к образам Тобольска и городского обывателя, складывавшихся в ее газете на протяжении многих лет. Изменить судьбу города-захолустья оказалась не в силах даже революция. М. Костюрина с горечью пишет о пришедшей к Тобольску с приездом бывшего царя известности: «Наконец, обратили внимание на Тобольск, пишут во всех газетах России» [9, с. 43]. Город, которому «география могла бы обещать лучшую участь», и при новой власти был местом ссылки: «И при монархии

и при республике – все ссылка». Не меняется отношение метрополии к далекой Сибири, остается прежним и сам «древний бюрократический Тобольск», приспособившийся к любой власти. Политические события доставляли хлопоты тоболякам, но не меняли мироустройство, общественная жизнь проходила мимо горожан. Приезд Романовых для местной публики являлся развлечением и «чудом», а главной заботой – как бы это не обернулось «вздорожением» цен. Реквизиции, новый календарь, налет «тюменской карательной экспедиции» меньше беспокоили обывателей, заботившихся в первую очередь о сохранности ложек и о блинах «с маслом, сметанкой, с икрой». Мария Николаевна не могла оставаться равнодушной к событиям постреволюционного периода: «Мне и при старом режиме было худо, а при новом стало того хуже, так что для меня „все единственно“... А уж что касается „печати“ и ее „свободы“, то куда тут „старому режиму“, ему никогда не угнаться за нынешним!... Так что, граждане, если один режим не хорош, а другой и того хуже, то я, право, уж не знаю, не лучше бы какойнибудь еще – новый?» [10, с. 2].

Таким образом, М.Н. Костюрина выступала как культуртрегер в пространстве русской провинции. Вклад Марии Николаевны в развитие провинциального социума г. Тобольска значителен. Она вошла в историю Тобольска как редактор, журналист, политик, исследователь, ее безвозмездное участие в организации Дома трудолюбия, Тобольского губернского музея снискало уважение земляков. Мария Николаевна оставила после себя уникальное наследие в виде этнографических заметок и проблемных статей в «Ежегоднике Тобольского губернского музея» и «Сибирском листке».

1. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке /сост. М. Попов. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1911. 466 с.
2. Печатные СМИ Тюменской области: век XIX – век XX. Том 1. Тюмень : Тюменский издательский дом. 560 с.
3. Сибирский листок: 1890–1894 / сост. В. Белобородов. Тюмень: Мандр и К^а, 2003. С. 5–25.
4. Коновалова Е.Н. Книга Тобольской губернии. 1790-1917 гг. Сводный каталог местных изданий. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2006. 528 с.
5. Скачкова Г.К. М.Н. Костюрина – издатель «Сибирского листка» // Четвертые Макушинские чтения. Новосибирск, 1997. С. 114–116.
6. Тобольский биографический словарь / ред. Софронов В.Ю.; Прибыльский Ю.П. и др.; Екатеринбург: Уральский рабочий, 2004. 575 с.
7. Скачкова Г.К. Научная и просветительская деятельность женщин-членов Тобольского губернского музея // Словцовские чтения – 96 : тез. докл. и сообщ. Тюмень, 1997. С. 173–174.
8. Зинченко А.С. Роль В.Ф. и М.Н. Костюриных в становлении газеты «Сибирский листок» // Вест. Сургутского гос. ун-та. 2015. № 5(38). С.89–93.
9. История журналистики Тюменского региона (1789–1929): учеб. Пособие. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2013. 487 с.
10. Сибирский листок. 1917. 25 февр.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адамов Александр Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН; e-mail: profi1204@yandex.ru

Акбердеева Динара Ильгизаровна – заместитель начальника отдела использования документов и оказания государственных услуг ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске»; e-mail: akberdeeva.dinara@mail.ru

Аксарин Вячеслав Валериевич – кандидат исторических наук, секретарь Ученого совета Тобольской комплексной научной станции УрО РАН; e-mail: aksarin_80@mail.ru

Балюнов Игорь Валерьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Тобольского историко-музейного музея-заповедника; e-mail: balyunoff@mail.ru

Валитов Александр Александрович – кандидат исторических наук; ведущий научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН; e-mail: val11@bk.ru

Данилов Петр Григорьевич – научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН; e-mail: danilovpg@mail.ru

Загваздин Евгений Петрович – младший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН; e-mail: kulay_arx@mail.ru

Загороднюк Надежда Ивановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН; e-mail: niz1957@yandex.ru

Кибардина Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, начальник Научно-информационного центра Тобольской комплексной научной станции УрО РАН; e-mail: takibardina@mail.ru

Мурашова Нина Алексеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН; e-mail: murashova2@mail.ru

Нескоров Алексей Васильевич – младший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН; e-mail: wer900@mail.ru

Родигина Наталия Николаевна – доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного педагогического университета; старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН; e-mail: natrodigina@list.ru

Солодкин Янкель Гутманович – доктор исторических наук, профессор Нижневартковского государственного университета; e-mail: hist2@yandex.ru

Солодова Татьяна Ильинична – краевед, г. Тобольск; e-mail: tatianasolodova@rambler.ru

Сулимов Вадим Сергеевич – доктор исторических наук, Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета; e-mail: sulimov1968@mail.ru

Татарникова Анна Ивановна – кандидат исторических наук, начальник Отдела гуманитарных исследований Тобольской комплексной научной станции УрО РАН; e-mail: tatob777@yandex.ru

Томилов Игорь Сергеевич – младший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН; e-mail: igor.tomilov.85@mail.ru

Турова Наталья Петровна – младший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН; e-mail: turova2707@yandex.ru

Тычинских Зайтуна Аптрашитовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН; e-mail: zaituna.09@mail.ru

Федотова Дарья Юрьевна – младший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН; e-mail: dashulya-23@bk.ru

Цысь Ольга Петровна – кандидат исторических наук, доцент Нижневартковского государственного университета; e-mail: roshist@mail.ru

Юнина Екатерина Александровна – младший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН; e-mail: katy-yunick@yandex.ru

Юнина Маргарита Валентиновна – заведующая Музеем истории освоения и изучения Сибири им. А.А. Дунина-Горкавича Тобольской комплексной научной станции УрО РАН; e-mail: mioistbs@yandex.ru